

№ 10(189)
2005

ИЗДАТЕЛЬ

ООО

“РАУ-Университет”

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ШТОЛЬ В.В.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЕРЕМЕНКО И.Н.

(исполнительный директор
редакции)

НОВИКОВ Ю.Д.

(заместитель главного редактора)

АБАШИДЗЕ А.Х.

БЕРКОВ А.А.

ДЕРЯБИН Ю.С.

ЗИМЕНКОВ А.Л.

ИЗВЕКОВ Н.Н.

КОМАРОВ И.К.

КОТИЛЕВСКИЙ М.Д.

ЛЕБЕДЕВ Ю.В.

ЛУНЬКОВ А.Г.

МЧЕДЛОВ М.П.

ОРЛОВ А.А.

ПЕТРАКОВ Н.Я.

РЕПКИН Ю.М.

ЯХЬЯЕВ Т.Г.

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

АРИСТОВ В.В. ГАБАРАЕВ Б.А.

ГАЛОГАНОВ А.П.

ДЕЛЯГИН М.Г.

ЕФИМОВ Б.Е.

ЖУРКИН В.В.

ЗОРИН В.С.

ИВАШОВ Л.Г.

ИВЛИЕВ Г.П.

КАШЛЕВ Ю.Б.

КРЕМЕНЮК В.А.

ЛАДЫГИН Ф.И.

ЛАПТЕВ П.А.

ЛЬВОВ Д.С.

Обозреватель - Observer

Статьи

- Глобальный и внутривосточный аспект терроризма.
Д.Халидов
- Трансформация систем международных отношений в XX в.
Я.Пляйс
- Федерализм в государствах Евросоюза.
О.Дамаскин, Н.Генрих
- Украина в зеркале “оранжевой” революции.
А.Шутов
- Геополитическая экспансия Запада в Волго-Каспийском регионе.
А.Максимов
- Консервативно-эволюционная модель модернизации общества
в русском монархическом консерватизме.
А.Матюхин
- Концепция гражданского высшего образования в армии и на флоте.
В.Лихачев, И.Никитин, Н.Прусс
- Тоталитарная модель ускоренной модернизации:
экономический аспект.
С.Расторгуев
- Политика России в области машиностроения в начале XX в.
В.Липатов
- Дух Стокгольма.
Г.Локшин
- Сталин и его роль в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)
А.Саркисов

Рецензии

- “Буш не взлюбил Саддама с самого начала”.
А.Хазанов, В.Ушаков, К.Марков

МАКАРОВ
В.В.

ПОПОВ В.И.
ПРИМАКОВ Е.М.
СЕМИГИН Г.Ю.
СУХАРЕВ А.Я.
ТИТАРЕНКО М.Л.
ТОРКУНОВ А.В.
ШАХНАЗАРОВ К.Г.
ЯКОВЛЕВ В.Ф.

Ежемесячный
информационно-аналитический
журнал
«Обозреватель–Observer»
издается с 1992 г.

Оригинал-макет подготовлен редакцией информационно-аналитического журнала «ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
- OBSERVER».

Адаптирован для WEB [службой поддержки](#).

ГЛОБАЛЬНЫЙ И ВНУТРИСТРАНОВЫЙ АСПЕКТЫ ТЕРРОРИЗМА

К проблеме стабильности на Северном Кавказе

Д.Халидов,

руководитель Центра проблем этнополитики и Ислама,
член-корреспондент Академии геополитических проблем,
эксперт Госдумы РФ

Задача исследователя изучающего явление так называемого международного терроризма сродни задаче стратегического разведчика-аналитика и ученого в одном лице. Здесь важно не оказаться в плену ложных стереотипов и широко распространяемых мифов; занять позицию объективного, но вместе с тем, заинтересованного наблюдателя.

В таком контексте предмет анализа – это диверсионно-террористическая деятельность на Северном Кавказе, рассматриваемая в широком контексте: мотивы участников акций и решаемые задачи, “провоцирующие” факторы и условия самоподдержания террора в регионе.

Объект анализа – субъекты терактивности: не только исполнители, но и заказчики и их цели; те, кто обеспечивают инфраструктуру террора и его прикрытие (“пиарное”, политическое и т. д.).

Поскольку применительно к региону и России в целом устоявшимся является мнение “об агрессии международного терроризма”, то важно очевидно подвергнуть это понятие процедуре операционализации. Исследовательские же задачи сводятся к следующим основным вопросам:

– Можно ли подвергнуть понятие “международный терроризм” (МТ) научной экспертизе? В чем причины терроризма: имеют ли они эндогенный (черпающий легитимность в идеологии ислама) или экзогенный (внешний) характер?

– Терроризм – это исключительно “инструмент” сети радикальных салафитских (так называемых “ваххабитских”) групп или это преимущественно “инструмент” глобальных сил и структур, или одной из групп влияния (так называемой “партии войны”) в структурах власти?

– Каково инфраструктурное обеспечение и условия террора? Какую роль играют в данном контексте, с одной стороны, различные исламские организации, а с другой – госструктуры? Насколько возможно реконструировать логику “развития” МТ в России и что она показывает?

Какие выводы можно сформулировать в плане нейтрализации инфраструктуры и легитимной базы МТ в регионе?

Задача операционализации понятия “международный терроризм”

Подмена понятий и двусмысленность задачи. Усилиями ангажированного “пиарного” и части научного сообщества до сих пор блокируется попытка объективного анализа явления и операционализации понятия международный терроризм (МТ). Сознательно культивируется расширительная интерпретация понятия, когда явления и факты разной природы и генезиса включаются в одну категорию.

Операционализация понятия МТ – задача нелегкая, ибо радикальные исламистские группы в мире представляют собой сеть автономных ячеек, объединенных лишь на базе общности идеологии и мировоззрения, а каждое движение решает свою локальную (в региональных масштабах) задачу.

В Чечне – это один блок задач, которые сводятся к идее “независимой Чечни” или “Северокавказской исламской республики”, в Палестине – это освобождение оккупированных земель, в случае с Бен Ладеном – это уже освобождение святых земель Хиджаза от американской оккупации и Палестины от израильской оккупации, в Афганистане – другое и т.д.

И не факт, что вся та разношерстная экстремистская публика управляются из единого центра. Нет никаких подтвержденных данных, свидетельствующих о координации и управлении, а многие эксперты вообще рассматривают Аль-Каиду не как организацию, а скорее как символ сопротивления и идеологии.

Таким образом, мы выделяем специфический характер мотивации и установок тех или иных радикальных групп, дабы не совершить логическую ошибку.

Кроме того, трудно, а то и невозможно отделить собственно терроризм от национально-освободительного движения, что, разумеется, позволяет правительствам тех или иных стран манипулировать общественным мнением.

Баскский сепаратизм и северо-ирландская ИРА, палестинское движение сопротивления и явление латиноамериканской герильи, Аль-Каида и чеченский сепаратизм и т.д. – все это включается в понятие “международный терроризм”, что не позволяет подвергнуть проблему подлинно научному анализу.

Само явление терроризма отделяется от его подлинного субъекта и рассматривается вне исторического, политико-мотивационного, этно-конфессионального контекстов.

Таким образом, манипулятивные возможности СМИ позволили достигнуть эффекта “генерализации” (в том, что касается фактов террора) и размывания в массовом сознании представлений о реальных заказчиках и вдохновителях анонимного террора с большим количеством жертв среди мирного населения (так называемых фактов большого террора); заблокировать беспристрастный анализ и поиск ответа на ключевой вопрос: “кто извлекает наибольшие выгоды – политические, информационные и прочие из акций большого террора и кому они выгодны?”.

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР, ПРОСТО ТЕРРОР И ДИВЕРСИИ: КАК ОТЛИЧИТЬ? Вся мифология вокруг акций большого террора построена на сверхмощном “оружии” в лице ТВ. Любая непроверенная версия, растиражированная и многократно повторенная, как правило, прочно оседает в глубинах сознания обывателя. А синхронный “пиар” в масштабах мирового сообщества обеспечивает колоссальный эффект. Тонко эксплуатируя стереотипы и комплексы некоторой части российского общества, (“дойлой чеченцев и кавказцев”, “басурман-террористов” и вообще, всех этих мигрантов с Юга), дирижеры антикавказской (антиисламской) истории достигают своих целей.

Невидимая трещина между русскими с одной стороны, и кавказцами, мусульманами в целом, с другой – расширяясь, приобретает все более отчетливые очертания.

Но что характерно, так это – то, что “властители умов” старательно “размазывают” проблему, не дифференцируя акции просто террора, диверсионные вылазки чеченских боевиков и факты большого террора. Этому может быть только одно объяснение: задача, в том числе, не дать россиянам разобраться в подлинных заказчиках, вдохновителях и проводниках акций большого террора в России. Важно внушить, что все это – дело рук чеченцев или так называемых “международных (то есть исламских – Авт.) террористов”, и здесь малейшее сомнение равнозначно поддержке самых террористов.

А вопрос, между тем, достаточно важный, не терпящий пропагандистской суесть. Чтобы решить проблему, важно понять всю ситуацию в целом, ее контекст, мотивы сепаратистов и радикальных групп “ваххабитов”-салафитов, историю чеченской драмы. Когда чеченские боевики взрывают блокпосты или комендатуры, а смертники – автобус с летчиками, то эти акции совершенно из другого разряда. Здесь лидеры сепаратистов и не скрывают, что это дело рук их боевиков и готовы нести ответственность за них. На войне – как на войне. Тем более что “неправомерное применение силы” со стороны федералов, когда гибли мирные жители Чечни, практиковалось достаточно широко. Со стороны чеченцев – это в “чистом” виде диверсионные акции.

Несколько иного рода акции диверсионно-террористической природы, направленные против служащих МВД или нынешней администрации в Чечне. Для легитимации подобного рода акций фабрикуются соответствующие фетвы, что и служит религиозным оправданием террора против милиции и местной администрации. Это – тактика “переноса войны в тыл врага” или партизанской войны. Ради справедливости следует отметить, что активизация подобного рода террора произошла после практики массовых пыток и унижений достоинства арестованных милицией мусульман.

Но и здесь не все так просто. Статистика фактов террора против служащих МВД (в особенности, в Дагестане), большей частью остающихся не раскрытыми, оставляет место для разного рода спекуляций. Рассматриваются даже версии о возможной причастности силовых структур, базирующихся в Чечне, и политическом интересе определенных групп из властных элит

двух республик. Дестабилизация ситуации в Дагестане должна контрастировать с относительными успехами грозненских властей и умиротворением в Чечне. Кадыров-мл. не раз заявлял, что “пора бы уже разобраться с Дагестаном”¹.

Акции же большого террора (с жертвами среди мирного населения), как правило, почти всегда носят анонимный характер. Тем не менее, эти жестокие акции привычно списываются на чеченцев, “ваххабитов” или арабов-“наемников”. Еще не произведены следственные действия, собственно ничего неизвестно, но уже враг России назначен. Таким образом старательно нагнетается волна ненависти, канализируемая во вполне определенное русло.

И мало кто задается вопросом: Насколько выгодна, в плане политическом и “пиарном”, такая практика для самих сепаратистов или радикальных групп исламистов в целом по региону?

Басаев лишь в последние годы “не стесняясь” приписывает себе ответственность за некоторые из этих чудовищных акций (Беслан, Тушино, Норд-Ост и пр.). Нравственные барьеры, равно как и соблюдение религиозного запрета на такого рода теракты, уже в прошлом. В экспертном сообществе не представляет секрета, как возмущались в лагере непримиримых (Басаев–Хаттаб и К^о) после взрывов жилых домов в Москве и Волгодонске в 1999 г. Они не “самоубийцы” и моральный аспект (в контексте обеспечения хотя бы видимости легитимности) диверсионной войны – это не тот фактор, которым они могут пренебречь. После трех-четырёх лет второй кампании в Чечне – уже совершенно иная картина. Басаев смело берет на себя ответственность за целый ряд жестоких акций большого террора (совершенно не возможных с точки зрения шариатской нормы). При этом оправдание ищет в отступлении федералов от “правил войны”.

Терроризм в иерархии глобальных проблем и кое-что об основаниях политики

Перманентная война с так называемым “международным терроризмом” объявленная Бушем-мл. предполагает безусловную приоритетность проблемы терроризма в совокупности проблем глобального и регионального характера. Собственно, такая повестка дня вполне укладывается в модель глобального обустройства мира (по американским лекалам), когда главной проблемой-помехой и символом вселенского зла выступает исключительно терроризм, связанный с исламом. При этом имплицитно подразумевается “плохой” (политически ангажированный) и сопротивляющийся глобализации ислам.

В связи с этим важно ответить на следующие вопросы:

1. Насколько адекватна такая повестка дня и такая иерархия проблем реальной ситуации в глобальном или региональном масштабах?;

2. Не является ли политически ангажированной такая постановка проблемы, когда радикальные течения в исламе рассматриваются в качестве главных факторов-помех в строительстве глобальной демократии и свободного общества?.

Важно ответить на эти вопросы непредвзято, ибо неадекватная повестка дня и неправильное, с точки зрения объективной науки, выстраивание иерархии проблем (во главе с МТ), уводит нас по ложному следу; по несущественным связям и отношениям, искажая конфигурацию системных связей.

К примеру, авторитетная группа экспертов (так называемый Совет мудрецов при ООН или группа ученых из международной организации “Копенгагенский консенсус”), предлагает совершенно иную иерархию глобальных проблем, в которой МТ занимает предпоследнее место из 6 блоков проблем человечества, а демократия вообще не присутствует в качестве значимой проблемы².

Команда неоконсерваторов Буша-мл. навязывает миру совершенно противоположную по идеологии иерархию проблем. Мы, таким образом, стоим перед проблемой объективных критериев оценки концептуальных подходов.

Можно ли в принципе сформулировать такой критерий, свободный от ценностного подхода и интересов?

Ясно, что конфликт интересов и ценностей не позволяет нам подойти к этой проблеме с единых позиций. Присоединение Кремля к антитеррористической коалиции во главе с США и навязчивое стремление свести всю совокупность проблем страны к “борьбе с терроризмом, миграцией с Юга” (и инфляцией), преследует вполне определенную цель: внушить общественному мнению совершенно неадекватную картину угроз и вызовов для России, скрыть реальные источники социально-классового и политического конфликтов в обществе.

Тезис “о перманентной борьбы с МТ” до победного конца – это ложное основание, и политика, построенная на таком основании, не может решить в принципиальном плане проблему МТ. Более того, такая политика усугубляет проблему, расширяя социальную базу радикального сопротивления и терроризма. Авторский подход заключается в том, чтобы найти для исследуемого явления его истинное место в иерархии проблем и в системе взаимосвязей. Такой подход позволяет нам найти адекватное (для МТ) место в целостной системе, выявить структурно значимые связи.

Террор – это метод, используемый радикальными исламистскими группами в регионе. Антироссийская мотивация в деятельности этих групп присутствует в основном лишь в среде чеченских непримиримых. Источник же легитимации таких методов борьбы следует искать на стыке чаяний референтных групп и селективного толкования тех или иных положений Корана. А с методами, как известно, не борются. Борются с субъектами, носителями этого метода, используемого для достижения тех или иных задач. Между тем, самые большие проблемы с субъектом. При более тщательном анализе оказывается, что собственно этого, столь широко пропиаренного субъекта в лице разветвленной и мощной организации (типа Аль-Каиды и пр.), нет; он просто “растворяется”³.

Западные исследователи (английский режиссер и продюсер Адам Кертис в документальном фильме “Власть кошмаров”^{*}, Дж.Бурк в книге “Аль-Каида” и др.) доказывают этот тезис достаточно убедительно.

Есть лишь разрозненные и слабо связанные кучки фанатиков, которые чаще всего оказываются в роли “слепых” исполнителей в руках отнюдь недружественных исламу сил. “Нет у исламистов ни лидера, ни структуры, ни “спящих ячеек” – утверждает А.Кертис. Вторит ему и другой исследователь проблемы, американец Дж.Бурк^{**}, утверждая, что преловутая Аль-Каида – чистый фантом и что у исламистов нет того, что им приписывают американские неоконсерваторы⁴. О причастности спецслужб Америки и тайных связях с террористами достаточно убедительно пишет и еще один американский автор Иосиф Дайчман в своей книге “ФБР: империя неприкасаемых”⁵.

В таком контексте мы вправе говорить лишь о некоем едином идеологическом поле, в рамках которого террор против Запада (конкретно – стран антииракской и антиталибской коалиции), может встретить понимание, а не редко и поддержку среди определенной части мусульман радикального толка. Такого рода референтные группы распространены по всему миру, но они составляют лишь незначительное меньшинство миллиардного мусульманского сообщества в мире.

Таким образом, чем более актуализируется тема зловещего Усама Бен-Ладена и пресловутого МТ, тем более обостренный характер приобретает исламская идентичность и тем больше среди мусульман тех, кто готов мысленно и делом поддержать Бен Ладена или лидеров радикальных исламистов на Северном Кавказе. Рядовой мусульманин, поставленный в ситуацию очень ограниченного выбора, (между Бушем-мл. или Бен Ладеном, новой чеченской властью, не гнушающейся методами террора для водворения порядка или Басаевым, а недавно еще, Масхадовым) нередко делает выбор в пользу сильно пропиаренных “заместителей” подлинных представителей мусульманской элиты. Пропаганда, призванная изолировать МТ и его лидеров, действует своеобразно. С одной стороны, в среде мусульман увеличивает число явных и скрытых сторонников радикального сопротивления, а с другой – в немусульманской среде, особо не отягощенной аналитикой, провоцирует заметный рост антиисламских настроений. В третьих, актуализирует интерес к духовным поискам и ответ на предельные экзистенциальные вопросы в секуляризованных слоях, что приводит к широкому распространению явления прозелетизма.

Таким образом, усиливается раскол в обществе обостряя конфессиональную идентичность.

Источник (идеолого-политический) терроризма: внутренний или внешний?

Целый ряд экспертов рассматривают ислам как религию и мировоззрение, изначально способное продуцировать немотивированное насилие⁶.

Вот что, к примеру пишет исламовед А.Игнатенко: “Радикальные интерпретации ислама, содержащиеся в салафитском наследии, в случае возрождения этого наследия или его имплантации в общественное сознание, вполне могут приобретать некое практическое, организационное выражение и там, где отсутствуют социально-экономические и политические условия для радикализма...Радикализация мусульман происходит не по схеме “обострение

социально-экономических проблем – поиск идеологического выражения – исламский радикализм в форме салафизма, а по другой – “пропаганда салафитских идей – исламский радикализм”⁷.

В рамках данной концепции, лишь в очень слабой мере актуализируется реактивный характер терроризма, эксплуатирующего исламские лозунги. Это – очень серьезная тема, которая не терпит суевы и затрагивает весьма чувствительные “струны” десятков, а то и сотен миллионов мусульман.

Не вдаваясь в полемику с авторами концепции “эндогенного” характера “исламского” терроризма, можно позволить себе только несколько замечаний.

Во-первых. Право на “иджихад” (вынесение суждений, опирающихся лишь, в конечном счете, на Коран и Сунны-суждения и поступки – пророка Мухаммеда) любого мусульманина, на который ссылается А.Игнатенко, не согласуется с исламской традицией.

Такое право – это исключительная прерогатива улемов (исламских ученых), которые должны быть подлинными наследниками пророков, (согласно Корану и суннам пророка Мухаммеда). Игнатенко, как бы, оправдывает салафитов, увлекающихся радикальными интерпретациями священных текстов, ибо “это право на суждение относительно джихада и такфира- обвинений в неверие” закреплено (по Игнатенко) за любым(!?) мусульманам в Коране.

Во-вторых. Авторы эндогенной версии МТ анализируют ту или иную практику в исламском радикальном движении вне исторического, геополитического и социокультурного контекста.

Терактивность при таком подходе приобретает действительно зловещий характер.

В-третьих. Проблема невинных жертв в результате терактов.

Ссылаясь на фетвы очень узкого круга улемов из Королевства Саудовской Аравии, Игнатенко делает вывод о том, что исламская норма допускает такие жертвы. То, что подавляющее большинство знатоков исламского права (шариата) совершенно иначе интерпретируют аяты или хадисы, регулирующие “правила войны” (то есть запрет на проливание крови невинных людей), как бы проходит мимо внимания автора концепции.

Между тем, реактивный характер сопротивления исламистов, не вызывает сомнения у многих исследователей. В этой связи можно говорить о мере адекватности этой реакции, исходя из конкретных исторических условий, субъективных факторов и т. п. Чаще всего мы являемся свидетелями чрезмерной и неадекватной природе вызовов реакции, когда целый ряд исламистских групп (на Северном Кавказе – это, безусловно, радикальные салафиты-ваххабиты) допускают весьма вольные интерпретации, вырванных из контекста, норм ислама. Есть правила войны, принятые в исламе, вытекающие из соответствующих интерпретаций священных текстов Корана и хадисов пророка. И коль скоро эти священные правила нарушаются, мы вправе говорить об псевдоисламском характере терроризма, ибо любой непредвзятый улем и знаток Корана докажет неправомочность тех или иных акций большого террора согласно исламу.

Вторая концепция рассматривает МТ как преимущественно “инструмент” сил глобализации или тех или иных правящих групп в государстве и, соответственно, на передний план выходят экзогенные “факторы” МТ. В рамках этой модели исполнители терактов реально не являются главными акторами (субъектами) терактивности, и они преимущественно используются “втемную”. Их субъективные устремления через ряд манипулятивных звеньев вписываются в стратегию “управляемого хаоса” – ключевой “методы” сил глобализации (или правящих групп в государстве), используемой для решения геополитических, финансово-экономических и других задач. В частности, на Кавказе. Сторонники данного подхода, (Л.Ивашов, А.Некlessа, Г.Джемаль, К.Соколов, Б.Кагарлицкий и многие другие, в том числе и автор)⁸ выдвигают убедительные аргументы, в пользу этой гипотезы.

Инфраструктура терроризма в рамках эндогенной концепции

Сепаратизм в Чечне за прошедшие 10 лет протерпел колоссальную трансформацию, сопровождающуюся, с одной стороны, вымыванием “чисто” повстанческой и традиционалистской (суфийской, толка Кадирия) составляющих движения, а с другой – выдвиганием на передний план радикально-салафитской (непримиримой) составляющей.

Целый ряд косвенных фактов свидетельствуют, что такой трансформации способствовала, в определенной мере, избирательная “политика” некоторых ключевых персон и структур Федерального Центра в регионе.

Национальный и традиционалистский элементы в сепаратистском движении (наиболее яркие лидеры – А.Масхадов, Р.Гелаев) были обречены еще в 1999 г., ибо финансовая база их сторонников

оставалась весьма слабой. Но не только это сыграло свою роль в окончательной нейтрализации неваххабитской составляющей сопротивления.

На начальных этапах второй кампании в Чечне, проявлялись даже элементы покровительства в отношении непримиримых салафитов^{***}.

Известно, что “отмашка” на расправу с Бараевым (известным террористом, командиром так называемого, “исламского батальона”) была дана только в 2001 г. после многочисленных протестов чеченской элиты. Бараев вплоть до дня своей смерти жил в своем родном селе Алхан-кала, что рядом с Грозным, при попустительстве федеральных структур.

Об источниках финансирования сепаратизма. Внешние источники были доступны исключительно группе “Удугов–Басаев–Хаттаб”. Отечественная пропаганда представляет дело так, как будто финансовая помощь сепаратистскому движению оказывается многочисленными фондами в исламском мире при попустительстве государственных властей, прежде всего, Саудовской Аравии.

Между тем, дело обстоит далеко не так.

Во-первых. Согласно исламскому праву, правитель не может поставить под сомнение или запретить институты “зюката” (обязательной помощи нуждающимся) и “саадака” (добровольной благотворительной помощи). В разных странах, где проживают крупные общины мусульман, действуют сотни благотворительных неправительственных организаций. И “лоббисты” из проблемных мусульманских регионов добивались успеха в выделении средств для своих “общин”, которые в наиболее доходчивой и наглядной форме демонстрировали бедствия своих соплеменников. В этом плане, чеченским эмиссарам было, что демонстрировать местным благотворителям. Демонстративная набожность и политическая биография З.Яндарбиева были гарантией “использования по назначению выделенных средств” для арабских благотворителей. После смерти экс-президента Ичкерии чеченская диаспора (в Азербайджане и в других странах) и, скорее всего, непримиримые в Чечне испытывают известные трудности.

Во-вторых, некоторые арабские (“благотворительные”) фонды, действующие на территории Королевства Саудовской Аравии (КСА) и стран Персидского залива и оказывавшие помощь чеченским непримиримым сепаратистам, судя по косвенным данным, действовали под прикрытием американских спецслужб⁹. Некоторые эксперты по терроризму, как правило, обращают внимание только на внешнюю атрибутику этих фондов. А следовало бы копнуть чуть глубже, чтобы выявить подлинный механизм финансирования терроризма на Северном Кавказе. И тогда мы обнаружили бы неприглядную сторону американской политики перманентной войны с терроризмом. Первые же попытки переосмысления своей внешней политики Королевства Саудовской Аравии (жесты доброй воли в адрес России, поддержка новых властей и признание законного характера выборов в Чеченской Республике и др.) были жестко встречены американским госдепом.

Последние 2–3 г. ситуация изменилась достаточно заметно. В арабском мире все более очевидным становится глубокий раскол в самом чеченском обществе. Кроме того, межгосударственные структуры исламского мира (ОИК, Лига арабских государств) в отличие от Запада поддержали (с некоторыми оговорками) политику Москвы в регионе, а также новые чеченские власти. В последние годы меняется также внешнеполитическая ориентация КСА. Не случайно в исламском мире признали легитимный и законный характер выборов президента Кадырова А.-Х. (2003 г.) и покойный Кадыров даже был принят наследным принцем КСА Абдаллой.

Внешнеполитическая активность представителей новой чеченской власти на арабском Востоке способна переломить настроения в тамошнем обществе. В борьбе за умы и сердца “мусульманской улицы” в исламском мире роль фактора российских чеченцев (шире, исламского фактора) чрезвычайно высока. И нельзя отдавать этот аспект проблемы на откуп чиновникам из посольств. Разумеется, такую политику необходимо подкреплять решительной борьбой с беззаконием уже со стороны федеральных силовых структур и кадыровской “гвардии” на Северном Кавказе.

Другой источник финансирования – внутренний. Это – часть федеральных дотаций в местных бюджетах районов Чечни, которая оказывается в руках лидеров боевиков. Есть достаточно много косвенных фактов подобного симбиоза, когда безопасность для представителей местных властей гарантируется таким вот выкупом-“откатом”. Кроме того, достаточно много и внедренных в местные органы бывших сепаратистов. О масштабах же коррупции, сами чеченские лидеры говорят довольно откровенно. По их признаниям, до населения доходит от силы 25–30% федеральных дотаций.

Терроризм как “инструмент” глобализации

Международный терроризм – инструмент американской политики унилитаризации? Антизападнический (антилиберальный и контрглобалистический) настрой мусульманской “улицы” – как отражение реакции на экспансию Запада, так и идеологическая и цивилизационная альтернатива, содержащаяся в исламе, предопределила выбор мусульманского мира как потенциального объекта насильственной модернизации и экспансии. Разумеется, свою роль играли и нефтегазовые ресурсы, а также и интересы Израиля в регионе. Все это и предопределило выбор концепта “международного терроризма”, как ново-старого ЗЛА, против которого обязано “дружить” все “прогрессивное” человечество, ведомое Америкой.

“В логико-методологическом контексте – как пишет эксперт К.Соколов – политическая эксплуатация понятия «международный терроризм» обеспечивает «дебилизацию» политики, забвение, и даже полный отказ от давно осознанных и принятых международной общественностью представлений о нормах и справедливых основаниях для политических действий”¹⁰.

Актуализация внимания, главным образом, на теме “международного терроризма” демонизирует ислам как религию и основу цивилизации, и мусульманство в целом; обеспечивает тем самым – виртуальную легитимацию экспансии и военного вторжения Америки в мусульманские страны; позволяет искусно маскировать интересы и цели, преследуемые глобальными центрами так называемым мировым “правительством”.

Спецслужбы, терроризм и PR: борьба или взаимодействие? В истории взаимодействия спецслужб вообще, и, прежде всего – США, Великобритании и Израиля, с терроризмом (и соответствующими группами) можно условно выделить 3 этапа.

Первый этап – собственно борьба с террористами и их лидерами, направленная на реальное искоренение терроризма, как явления. При этом, как правило, согласованная работа госструктур и спецслужб, и соответствующий “пиар” направлены на изоляцию террористов и их лидеров с одной стороны, и интеграцию населения (того или иного этно-конфессионального меньшинства, или же социальной группы) в жизнь страны, с другой; в конечном счете, методы и способы борьбы с терроризмом воспринимаются как легитимные и вполне законные, как с точки зрения интересов государства, так и международного права.

Второй этап – реальная борьба с террором вполне сочетается с элементами взаимодействия и самоподдержания террора, когда манипулируемый терроризм становится, объективно, “инструментом” правящих элит государств и перманентным фактором политической жизни страны или целого региона. При этом создаются целая сеть псевдоисламских (или псевдоосвободительных) групп закрытого типа, террористические акции которых, как правило, получают “хорошую” прессу в западных масс-медиа⁵. После подобных акций политические и информационные “дивиденды” извлекают главным образом их подлинные заказчики и вдохновители, а, с другой стороны, демонизируется та или иная страна, или движение сопротивления.

Классическим примером акции подобного рода является история со сбитым в местечке Локерби (в Шотландии, 1988 г.)¹¹ самолетом американской авиакомпании, когда объектом наказания была выбрана “строптивая” Ливия. Хотя сама трагедия с самолетом стала возможной в результате взаимодействия западных спецслужб с одной стороны, и манипулируемой террористической группой (из палестинцев и внедренных израильской спецслужбой агентов), с другой.

Тип терроризма возвращенный таким образом, в принципиальном плане не решает проблему интеграции большинства, от имени которого выступают силы сопротивления, и, соответственно – изоляции террористов.

В данном случае, решается задача демонизации той или иной страны (как в случае с Ливией) или движения сопротивления, (как в случае с Палестиной).

Третий этап – этап начала масштабных провокаций (типа 11 сентября 2001 г.)¹² и превращение терроризма в “инструмент” глобального переустройства мира; обеспечение перманентного характера нового типа войны, объявленного незападным цивилизациям и, прежде всего, исламскому миру.

Терроризм подобного рода решает одновременно несколько задач. Одна из ключевых – принуждение той или иной страны к однозначному выбору позиции, (“за” или “против” международного терроризма); лишение всякой возможности объективного анализа ситуации и государственного суверенитета, при принятии тех или иных важных решений.

Пример: теракт в курортном местечке Бали (в Индонезии, 2002 г.), когда погибли сотни австралийских туристов – это и операция принуждения Австралии к присоединению к антитеррористической коалиции во главе с США, и операция по дискредитации ислама и неявного давления на Индонезию, одновременно.

Россия и Северный Кавказ в контексте борьбы с терроризмом

Навязываемая России роль пассивного игрока и включение в чужой (американский) сценарий перманентной борьбы с “международным терроризмом” обрекает страну на заведомо проигрышную и зависимую позицию; лишает возможности актуализации национально-ориентированной стратегии развития. Американская политика унилитаризации постоянно ставит другие страны, в том числе и Россию, перед ложным выбором, ибо 11 сентября и, вообще, тема “международного терроризма” – это большая ложь.

Становятся все более очевидными планы превращения России в своеобразного “евразийского изгоя” и в арену перманентных конфликтов с мусульманским Югом; в защитный “щит” Запада в отношениях с непредсказуемым миром Востока и бедного Юга. Встраивание в такую модель мироустройства, лишает Россию возможности разработки национально ориентированной стратегии и реализации сколь либо эффективной контрполитики, адекватной евразийской природе и ее геополитическому положению.

В этом же контексте необходимо рассматривать проблему антитеррористической борьбы на Северном Кавказе, в которой все явственнее признаки антиинтегративной методы. В “технологии” нейтрализации террористов и их лидеров в России налицо все признаки тактики, когда терроризму уготована роль постоянного фактора политической жизни страны; когда в деятельности соответствующих госструктур явственны признаки двойственности и противоречия: с одной стороны, меры по интеграции населения Чечни и, шире, всего Северного Кавказа в общероссийскую жизнь, с другой же – элементы террора и бессудные расправы в отношении определенных групп населения (так называемых, ваххабитов или нелояльной части населения), равно как и информационный “терроризм” определенной части СМИ. Последний направлен, в конечном счете, на отчуждение (чеченцев, кавказцев и мусульманства, в целом) и раскол российского общества по этноконфессиональному признаку.

Экспертное сообщество все больше склоняется к тому, что многие акции большого террора сомнительного происхождения (и с большим числом жертв среди мирного населения) в России вовсе не связаны ни с исламистами, ни с пресловутой Аль-Каидой. Открыто говорят о расколе в спецслужбах, о своеобразной “внутривидовой борьбе” и коммерческих интересах проявляемых в условиях идеологической и стратегической инфантильности госполитики¹³.

Наглядный пример, не раскрытый до сих пор теракт на Пушкинской площади в августе 2000 г. Тогда на роль террористов заранее были “назначены” уроженцы Северного Кавказа проживавшие в Москве (4 совладельца рыбокоптильного цеха).

А сама акция помимо полит-пиарной задачи диффамации ислама и северокавказцев, которую активно озвучивали официальные лица, судя по косвенным данным, была призвана решать и (скрытые) экономические задачи – вытеснения конкурентов с выгодной “точки”.

К этой “темной” истории оказались причастны “борцы” с оргпреступностью из ведомства Рушайло¹⁴. Или другой пример, когда теракт в Норд-Осте был синхронизирован с очень важным (первым за последние полвека) визитом в Москву представителя правящей династии Саудовской Аравии, принца ибн Турки.

В результате, визит был “смазан”, ибо проходил на чрезвычайно негативном фоне.

Можно не сомневаться, что таким способом кровоточащая рана на юге России никогда не будет залечена, а диверсионно-террористические акции и ответное насилие вполне могут приобрести хронический характер. Задача состоит в том, чтобы лишить “непримиримых” в Чечне, прежде всего, какой либо социальной опоры, для чего необходимо провести расследование фактов бессудных расправ и исчезновения людей; положить конец практике “эскадронов смерти” в регионе, провоцирующей отток местной молодежи в лагерь боевиков.

Заключение

1. Чрезвычайно важно для будущих судеб страны, учитывая многонациональный,

многоконфессиональный характер России и ее стратегические интересы:

- раскрыть подлинных заказчиков и вдохновителей множества анонимных терактов;
- четко развести понятия “ислам” или “чеченец” с понятием “терроризм”, провести процедуру строгой операционализации понятия МТ;
- обеспечить такой мониторинг СМИ, силами соответствующих госструктур (типа бывшего Минпечати, Минюста и пр.), чтобы нейтрализовать влияние лиц и групп, ответственных за разжигание в стране атмосферы межконфессиональной и межнациональной вражды.

Представляется, что в международном контексте актуально создание международной независимой комиссии по расследованию акций большого террора; привлечение к этой идее целого ряда международных (межгосударственных, общественных и пр.) организаций.

2. Для России актуально формирование цельной и непротиворечивой политики, которая была бы направлена на интеграцию региона Северного Кавказа и так называемых групп “риска” в общероссийскую жизнь и нейтрализацию состояния раскола и отчуждения в обществе; на тщательное разведение понятий “терроризм” и “ислам” в информационном пространстве, изоляцию (в полит-психологическом плане) лагеря “непримиримых” в регионе. Еще более актуальная задача – основательная ревизия методов борьбы с терроризмом, в которой налицо целый ряд признаков симбиоза и взаимодействия некоторых структур и персон из государевых служб с манипулируемым террором. Не случайно президент России, в своем выступлении 4 сентября 2004 г., после бесланской трагедии, отметил актуальность задачи “общественного контроля за спецслужбами и правоохранительными структурами”.

3. Ситуация “управляемого конфликта”, поддерживаемая в отношениях традиционного (преимущественно, суфистского толка) ислама с салафитами (“ваххабитами”), не позволяет использовать внутренние резервы и потенциал умеренного (и просвещенного) ислама в деле нейтрализации социальной базы терроризма и сепаратизма.

Корпоративные интересы официального духовенства – вот тот скрытый фактор, который неявно мешает использованию такого потенциала. Включение последнего в политический дискурс и в систему вышеуказанных мер по нейтрализации терроризма позволит вытеснить на общественную периферию носителей радикальных интерпретаций ислама и, в значительной мере, снять напряжение в регионе.

Примечания

¹ Варисов З., Максаков И. Вертикаль дотянулась до Юга. Вопрос о власти на Северном Кавказе как элемент контртеррористической операции // Политический журнал. 2005. 22 июня.

² Кузнецова Е. ООН перед угрозой краха и в поисках реформ. Анализ доклада “Более безопасный мир и наша общая ответственность” // Политический класс. 2005. № 3.

³ Сулькин О. Бой с тенью // Итоги. 2005. 14 июня.

⁴ Бурк Дж. Аль-Каида; Сулькина О. // Итоги. 2005. 14 июня.

⁵ Дайчман И. ФБР: Империя неприкасаемых. М.: Изд. “Рипол классик”, 2004. С. 452–455.

⁶ Игнатенко А. Ислам и политика // Сб. ст. Институт религии и политики. М. 2004; Аналитический доклад “Как и почему может закончить свое существование Аль-Каида. (Перевод с английского).”

⁷ Игнатенко А. Указ. соч. С. 20, 21.

⁸ Международный терроризм – инструмент глобализации // Сб. ст. ВДСР. М., 2004; Кагарлицкий Б. Анатомия террора // Свободная мысль-XXI. 2005. № 4.

⁹ Истоки международного терроризма. Доклад Аналитического центра “Намакон” (рук. Ю. Дроздов) // Сб. ст. Международный терроризм – инструмент глобализации. М., ВДСР. Апрель 2004. С. 20–26.

¹⁰ Соколов К. Терроризм и системный подход. Восемь аспектов явления // Сб. ст. “Международный терроризм – инструмент глобализации”. С. 46–47.

¹¹ Равив Д., Мелман И. История разведывательных служб Израиля. М.: Международные отношения, 2000. С. 505.

¹² Исраиль Ш. Хозяева дискурса. Американско-израильский терроризм. М.: “Илея”, 2003. С. 86–89; Мейссан Т. 11 сентября 2001 г. – чудовищная махинация. Никакой самолет не рухнул на Пентагон! М., (перевод с франц.) филиал изд. “Карно”, 2002.; 11 сентября – ложь по соображениям государственной целесообразности и ее роковые последствия // Немецкое Информангентство EIRNA (г. Висбаден, ФРГ). Март 2002. Цит. по: Петров В. Геополитика России. М.: “Вена”, 2003. С. 338–367.

¹³ Кагарлицкий Б. Анатомия террора.... С. 8; Выступление Сурикова А. на круглом столе в ред. “Свободная мысль-XXI”. 8 июня 2005.

¹⁴ НТВ. Спецрасследование. Март 2001.

* Фильм посвящен исследованию причины и обстоятельств подъема американского консерватизма, у истоков которого стоял его духовный лидер Лео Страус, отвергавший “аморальность” послевоенного либерализма и уповавший на сильную и агрессивную Америку. Лозунг Лео Страуса: “В условиях демократии для того, чтобы настроить общество на войну, нужно всемерно преувеличивать масштабность, отвратительность и опасность вражеской угрозы”. Именно после развала СССР и был сотворен миф об исламской угрозе в полном соответствии с рецептами неоконеров.

Главный тезис исследования А.Кертеса – консервативный Запад и часть (очень незначительная) фундаменталистского Востока якобы слились в экстазе, с двух флангов подпитывая друг друга. Автор фильма доказывает, что у радикальных мусульман нет организации под названием “Аль-Каида”. Есть лишь разрозненные и слабо связанные кучки фанатиков. Нет у исламистов ни лидера, ни структуры, ни “спящих ячеек”, все это – чистые фантомы. Американский пиар преподносил пещеры Тора-Бора как разветвленную систему мощных бункеров и тоннелей, а там оказались всего лишь маленькие пещеры для хранения боеприпасов. Лидеры “Северного альянса” чтобы поднять свою значимость в глазах американцев, преподносили пойманных ими пленных как бойцов Аль-Каиды.

** Автор исследования утверждает, что Бен-Ладен охотно влез в сшитый для него на Западе демонический “прикид”. В результате из разрозненной группы мусульманских экстремистов методом пиаровской возгонки Запад сотворил образ суперврага еще похлеще советской угрозы. Ему вторит другой американский исследователь Дэвид Коул, профессор юриспруденции Джорджтаунского университета, обвинивший американские власти в откровенной лжи в том, что касается темы терроризма.

*** О связях Березовского с Удуговым, Басаевым и Радуевым – оппозицией Масхадову, написано достаточно. Но мало известно, что эти персонажи чеченской драмы вынуждены были отчитываться перед чеченским обществом по местному ТВ (1999 г.) за те огромные суммы (порядка нескольких миллионов долларов США), которые они получили от Березовского. Именно тогда произнес Удугов свою знаменитую фразу, что “чеченцы берут (деньги – Авт.), но не продаются”(?!). Басаев же отчитался в том духе, что “деньги были потрачены на содержание и экипировку своих моджахедов”. Кроме того, во время похода в Дагестан, Басаев обращался к местным жителям со словами, что “там где он, там русские бомбить не будут” (!?). В приграничных с Ченей районах Дагестана не представляет секрета факт “игр в войну” и свободного (без ущерба для них) выпуска отрядов Басаева–Хоттаба из ботлихского “капкана”. (Из личного архива и многочисленных публикаций местной прессы).

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XX ВЕКЕ

Эволюция принципов межстрановых отношений

Я.Пляйс,

доктор исторических наук, профессор
(Финансовая академия при Правительстве РФ)

XX в. вошел в историю человечества как один из самых сложных, динамичных и драматичных веков: мир менялся в этом столетии с такой быстротой, что даже опытным аналитикам и исследователям с трудом удавалось проследить тенденции и основные направления развития событий. За прошедшее столетие мир пережил две мировые войны; в небытие ушло несколько великих империй, существовавших не одну сотню лет и рухнувших чуть ли не в одночасье; менялось внутреннее общественное устройство многих стран, а у некоторых из них – неоднократно; революции и реформы также были постоянными спутниками века.

Некоторые наиболее важные явления потребовалось назвать здесь исключительно для того, чтобы показать, какие фундаментальные факторы лежали в основе тех глубоких изменений и трансформаций, которые происходили в международных отношениях в XX в. Под воздействием обстоятельств менялись не только формы и методы этих отношений, но и их характер.

Все это стремились осмыслить и обобщить ученые разных стран, включая Россию, в том числе на теоретическом, системном уровне.

В науке о международных отношениях осталось еще немало белых пятен, например:

- проблемы взаимоотношений, взаимосвязи, взаимодействия и взаимовлияния разнородных и разнохарактерных систем международных отношений, к числу которых относятся капиталистические и социалистические, экономические и военно-политические;
- проблемы взаимоотношений и взаимодействия крупномасштабных, трансрегиональных систем, начиная с глобальной и заканчивая региональными;
- проблемы поведения различных систем в эпоху глобализации, когда национальные интересы нередко вынужденно подчиняются общепланетарным и т.д.
- к фактически неисследованным темам относится и тема сопряжения, согласования правовой основы разнородных систем международных отношений (ведь международное право едино);
- проблема трансформации систем и встраивания элементов одной в другую (в частности, элементов бывшей социалистической в капиталистическую) также ждет своего внимательного исследователя.

Целью данной статьи является общий анализ трансформации основных систем международных отношений XX в.: Версальско-Вашингтонской, Ялтинско-Потсдамской и современной, не до конца еще сформировавшейся. Но прежде всего целесообразно напомнить о дискуссии вокруг категорий “международные отношения” и “система международных отношений”.

О теории международных отношений и международных систем

Термин “международные отношения” возник, как отмечает патриарх американской дипломатии и известный ученый Г.Киссинджер, “сравнительно недавно”. “Это понятие, – продолжает он, – возникло в Европе только в конце XVIII в. и получило всемирное распространение главным образом благодаря европейскому колониализму”¹.

Более ранняя система, основанная на обычаях и власти католической церкви, распалась в XVI и XVII вв. под влиянием Реформации, а Тридцатилетняя война в Европе привела, в конечном счете, к принятию Вестфальского мирного договора (1648 г.), основанном на доктрине национального суверенитета.

Согласно ей, внутренние дела и институты одного государства не могут входить в сферу влияния других государств¹.

Кроме Г.Киссинджера о системах международных отношений немало написал и другой патриарх американской политики и науки Зб.Бжезинский. В своих многочисленных статьях и книгах* он неизменно выступает апологетом всемирной роли США как единственной сверхдержавы, способной быть гарантом стабильности и безопасности для всего остального мира и удержать мир от хаоса.

Однако не только Г.Киссинджер и Зб.Бжезинский, но и многие другие западные ученые-международники уделяют теории международных отношений пристальное внимание. Среди отечественных исследователей таких, к сожалению, очень мало. Одним из немногих является доктор философских наук, профессор Цыганков П.А., который создал и опубликовал целый ряд научных трудов по этой проблематике**.

В своих работах и, прежде всего, в учебном пособии “Международные отношения”², профессор Цыганков П.А. анализирует целый ряд различных трактовок категории “международные отношения”, начиная с определений Н.Н.Иноземцева (1978 г.) и Г.Х.Шахназарова (1981 г.), и заканчивая определениями Р.Арона и других зарубежных авторов.

Цыганков приходит к выводу, что “международные отношения можно определить как особый род общественных отношений, выходящих за рамки внутриобщественных взаимодействий и территориальных образований”².

В гл. V “Международная система” между системой международных отношений и политической системой фактически ставится знак равенства. Определение последней дал американский ученый Д.Истон в книге “Системный анализ политической жизни”.

Многие ученые не согласны с таким подходом и считают, что “система международных отношений”, – это более сложная категория, чем просто политическая система. С таким выводом трудно не согласиться.

Во-первых, потому, что на международной арене сходятся, пересекаются и сталкиваются в борьбе не просто различные национально-государственные интересы, как правило, противоречивые, а различные противоборствующие силы и системы, включая всевозможные блоки, союзы стран, отстаивающие порой прямо противоположные позиции.

Во-вторых, потому, что несмотря на единство международного права, его практика и соответственно трактовка, в отличие от национального, значительно более расширительная, и это делает правила игры, и, разумеется, конечные результаты более неопределенными и непредсказуемыми. Именно последнее, как и многое другое, делает систему международных отношений несравнимо более сложной, чем любую отдельно взятую политическую систему какой-либо страны.

Основные элементы системы международных отношений представлены социальными общностями, группами и отдельными индивидами. Исходя из этого, западные специалисты определяют такие системы как “системы взаимодействия людей, руководствующихся в своих действиях волей, сознанием, ценностными ориентациями и т. п.”².

Из ряда отличительных черт международных систем обращает на себя внимание та, которая сравнивает международные системы с социальными системами особого типа, отличающимися “слабой степенью интеграции элементов в целостности, а также значительной автономией этих элементов”².

Рассмотрим кратко типологию международных систем².

На самом деле это знаменитая типология М.Каплана, включающая 6 типов систем:

- “система единичного вето”;
- “система баланса сил”, характеризующаяся многополярностью;
- “гибкая биполярная система”;
- “жесткая биполярная система”;
- “универсальная система”;
- “иерархическая система”, или “система мирового господства”, в которой национальные государства утрачивают свое значение, становясь простыми территориальными единицами, а

любые центробежные тенденции с их стороны немедленно пресекаются².

Немаловажную роль в познании законов функционирования международных систем, по оценке М.Каплана, играет ее структура. Наиболее общим законом международных систем, по его мнению, является зависимость поведения ее участников от структурных характеристик системы.

Рассматривая проблему трансформации международной системы, исследователи отмечают, что основным законом в этой сфере является закон корреляции между полярностью и стабильностью международной системы.

Если, к примеру, гибкая биполярная система, которая, по мнению М.Каплана, является нестабильной, основана на иерархизированных блоках, она неминуемо эволюционирует в сторону мультиполярной системы.

Если же гибкая биполярная система тяготеет к иерархии обоих блоков, то она будет склонна трансформироваться либо в жесткую биполярную, либо в иерархическую международную систему. Основное условие стабильности всякой биполярной системы, по убеждению М.Каплана, – равновесие мощи.

Несколько иных взглядов на проблемы корреляции между полярностью и стабильностью систем международных отношений и их трансформации придерживаются американские ученые – Д.Сингер и К.Дойч.

По их мнению, и биполярная, и мультиполярная системы склонны к саморазрушению, а нестабильность жестких биполярных систем более велика, чем нестабильность многополярных систем.

Этот вывод оспорил другой американский ученый, М.Хаас. Изучив 21 международную систему прошлого и настоящего, он пришел к выводу, что такая корреляция носит обратно-пропорциональный характер. В биполярной системе, по мнению М.Хааса, войны менее многочисленны, хотя и имеют тенденцию к большей продолжительности, чем в многополярной системе².

Общий вывод П.А.Цыганкова звучит так: “... в науке о международных отношениях до сих пор отсутствует общепринятое понимание структуры международной системы, а то, по которому имеется достаточно высокая степень согласия, является, как мы уже могли убедиться, слишком узким даже с учетом всех своих измерений. Поэтому многие исследователи отказываются от него, не предложив, однако, более приемлемого”².

Учитывая этот вывод и то замечание, которое сделано в адрес многих исследователей, не предлагающих “более приемлемого” измерения, я попытаюсь изложить суть своего видения трансформации систем международных отношений (если угодно, – концепции) и свой взгляд на их структуру.

Трансформация систем международных отношений – это непрерывный и чем ближе к современности тем все более динамичный процесс. Анализ показывает, что в основе этой трансформации лежат вполне определенные закономерности, а именно:

Во-первых, независимо от количества международных акторов между ними всегда шло, идет и, пока будут существовать национальные государства, будет идти противоборство в самых различных формах за реализацию своих национально-государственных интересов. В этой борьбе рано или поздно выделяются и выходят на первые роли те, которые обладают большей, чем другие, совокупной мощностью, состоящей из таких слагаемых как экономическое могущество, финансовое, военное, научное, образовательное, информационное, культурное и др. При этом в разные времена роль и значение каждого из этих слагаемых также трансформировались и менялись.

В результате этих процессов в эпоху ракетно-ядерного оружия военное могущество потеряло свое изначальное первостепенное значение, хотя и сохранило ранг одного из важнейших компонентов в совокупной мощи. Экономическая и финансовая компоненты, напротив, выдвинулись на первые роли, что не в последнюю очередь объясняется быстрым развитием социальной функции государства и изменением структуры потребления населения в пользу устойчиво возрастающих бытовых потребностей. Современная экономика знаний способствует и требует одновременно, чтобы на первый план вышли сферы науки и образования. Что мы и наблюдаем в развитых странах.

К сказанному необходимо добавить то, что среди компонентов совокупной мощи есть не только повседневно действующие (экономика, финансы, информация, наука, образование, культура), но и важные в принципе, однако действующие в особых обстоятельствах. Например, в условиях войны. Это, конечно, военная мощь, которая учитывается всеми, но которая действует лишь тогда, когда это необходимо и когда она становится основной.

Как бы не менялись своими ролями компоненты совокупной мощи, все они всегда должны присутствовать в ней, и отсутствие или слабость какой-либо из них негативно сказывается на суммарном могуществе и, соответственно, на роли и месте того или иного субъекта на международной арене. Тот же субъект, который обладает самой значительной совокупной мощью, всегда претендует на роль мирового гегемона и диктатора. Превращаясь в сверхполюс (супердержаву, или державу № 1), этот субъект во все времена стремился продиктовать свои правила игры для всего мира.

Несмотря на экономическую, финансовую, моральную и прочую обременительность роли сверхдержавы, она имеет определенные преимущества и способна даже приносить ее обладателю немалые дивиденды, если только сверхдержава не берет на себя неподъемные даже для нее обязательства и не ставит перед собой невыполнимые цели и задачи. Но именно это, как правило, и случается. Прежде всего, потому, что те глобальные миссионерские цели, которые провозглашают и стремятся реализовать сверхдержавы (например, установление демократии по-американски во всем мире или коммунизма по-советски в глобальном масштабе) – это не только крайне дорогостоящие проекты, но в своей основе утопические, вызывающие скрытое или прямое неприятие у тех, на кого они направлены. Удержание их в своей орбите становится со временем все дороже, в результате чего неизбежно наступает момент отступления или поражения. Сверхдержава, надорвавшись от непосильной ноши, начинает сдавать свои позиции и уступать свою роль подоспевшему конкуренту, созревшему для борьбы за первую роль.

Во-вторых, – неизбежное появление конкурента-претендента на первую роль, на роль глобальной сверхдержавы.

Этот конкурент вырастает из числа региональных лидеров, которые всегда были, есть и будут. Попадая в благоприятную ситуацию, обладая необходимыми внутренними и внешними ресурсами, в первую очередь современными конкурентными системами организации общественной жизни, региональный лидер начинает быстро прогрессировать, составлять конкуренцию сначала себе подобным, а потом – и глобальному лидеру.

Таким образом, логика и практика превращения в сверхдержаву следующая: при благоприятных внутренних и внешних обстоятельствах, государство, обладающее необходимыми предпосылками (прежде всего, наиболее конкурентоспособными системами организации внутренней жизни страны и ресурсами), вырастает в регионального лидера, а затем, при успешном для него развитии событий, – в глобальную сверхдержаву.

На всех этапах процесс трансформации одного статуса в другой сопровождается перманентной бескомпромиссной борьбой между всеми великими державами, но особенно между лидером и претендентом на эту роль.

Итак, на мировой арене, начиная с эпохи борьбы за мировое лидерство и до сегодняшнего момента, из общего числа государств выделялись региональные лидеры, а из них – уже сверхдержава (глобальный лидер) и ее соперники, один из которых при благоприятных для него условиях со временем побеждал гегемона и сам становился им, чтобы через какое-то время тоже оказаться поверженным.

Примечательно, что основной конкурент лидера также организует свою систему международных отношений, имеющую, как всякая система, свое ядро в лице, разумеется, этого конкурента, своих сателлитов, вращающихся вокруг ядра, и периферийный резерв.

По этой причине мир всегда был, есть и будет однополярным (в том смысле, что в нем всегда есть лидер) и в то же самое время он всегда был, есть и будет многополярным (в том смысле, что в нем всегда есть несколько крупных региональных полюсов, некоторые из которых открыто борются за пальму первенства в мире). Поэтому постоянный спор о том, каков на самом деле мир, однополярный или многополярный, в сущности, не имеет смысла.

Мир всегда был и одним, и другим.

В свое время (в XVIII в.) за лидерство против великих колониальных держав – Испании, Голландии, Франции – боролась Великобритания, набравшая мощь после промышленной революции второй половины XVII в., создавшей необходимые предпосылки и ресурсы для борьбы за мировое лидерство.

Затем, уже в XIX в., после гражданской войны и успешной индустриализации, в борьбу за глобальную гегемонию вступили США.

Во второй половине 50-х годов XX в. после создания соответствующих предпосылок и резервов в борьбу включился СССР.

Сейчас то же самое происходит с Китаем, успешно и достаточно быстро создающим

совокупную мощь, необходимую для борьбы за глобальное лидерство.

Поэтому можно обоснованно утверждать, что в определенные периоды времени, в частности, когда конкурент лидера приближается к нему по своей совокупной мощи, наступает эпоха биполярности. По природе своей эта биполярность, также как такое явление как двоевластие, не может быть продолжительной. Изматывая соперников, особенно через гонку вооружений, биполярность неизбежно заканчивается победой одного из полюсов, а именно того, кто наиболее силен и конкурентоспособен. В борьбе против своего противника каждый из гигантов использует все дозволенные и недозволенные приемы, возможные и невозможные средства. Конец борьбы и победа в ней одной из сверхдержав является в то же время началом нового раунда борьбы, но уже, как правило, с новым претендентом на роль лидера.

Необходимость постоянного подтверждения своего статуса гегемона неизбежно подталкивает его искать союзников, партнеров, вступать в блоки, различные организации и т.п.

Какая же конфигурация сил на международной арене является наиболее устойчивой, приемлемой и результативной для международного сообщества и как субъектам международных отношений поступать в переходные эпохи? Например, в эпоху перехода от однополярности к биполярности и наоборот.

Рассмотрим сначала однополярное состояние, которое характеризуется, прежде всего, тем, что лидер стремится не просто установить, а зафиксировать свою основную роль, продиктовать другим субъектам свои правила игры и попытаться их узаконить особенно в международном праве.

Более чем наглядной иллюстрацией служит нынешнее поведение США, стремящихся обосновать и закрепить в международном праве практику вмешательства во внутренние дела других стран.

“Сегодня, – пишет Г.Киссинджер, – вестфальский порядок переживает системный кризис. Его принципы оспариваются, хотя приемлемую альтернативу еще предстоит отыскать. Не только Соединенные Штаты, но и многие европейские государства отвергают принцип невмешательства во внутренние дела других стран в пользу идей гуманитарной интервенции или вмешательства на основе следования всемирной юрисдикции. В сентябре 2000 г. на саммите ООН, посвященном наступлению нового тысячелетия, этот подход был одобрен и поддержан многими другими государствами. В 90-е годы Соединенные Штаты по гуманитарным соображениям предприняли четыре военные операции – в Сомали, на Гаити, в Боснии и в Косово; другие страны возглавили такие операции еще в двух местах – в Восточном Тиморе (Австралия) и в Сьерра-Лионе (Великобритания). Все эти интервенции, кроме интервенции в Косово, были санкционированы ООН”¹.

В прежние века, когда региональные лидеры были не столь сильны и влиятельны, как сейчас, да и числом они были поменьше, гегемону было проще устанавливать и поддерживать свой диктат, извлекая из него максимум выгоды.

В наше время это не только сложнее, а фактически непосильная для него задача. Оппозиция настолько сильна, что хочешь – не хочешь, нравится – не нравится, с ней приходится считаться и то и дело уступать. Поэтому роль современного сверхполюса заметно отличается от той, какой она была в прошлые века.

Отсюда следует вывод: стремлению гегемона устанавливать свои правила игры можно успешно противостоять, блокируясь на временной или постоянной основе с его оппонентами.

Наглядный пример – совместное выступление России, Германии, Франции и некоторых других стран против войны США и их союзников в Ираке в 2003 г.

Многополярный мир, о существовании которого так часто пишут и говорят многие наши политики, дипломаты и ученые³, – это, прежде всего, значительно более сложный мир, чем однополярный или биполярный^{***}. Эта сложность появляется не только из-за разновекторности различных национальных интересов региональных лидеров, образующих полюса, но и также из-за того, что у каждого из них свое видение миропорядка и путей его развития.

Тем не менее, современная реальность такова, что глобальные проблемы, в первую очередь проблемы безопасности, экологии, энергоресурсов, продовольствия и целый ряд других вынуждают этих лидеров находить консенсус, вырабатывать и претворять в жизнь взаимоприемлемые решения.

Наиболее наглядным образом это проявляется на саммитах “большой восьмерки”. В 2005 г. в Гленеглз, например, после трагических событий 7 июля в Лондоне наряду с дюжиной других было принято совместное решение о борьбе против международного терроризма.

В июле 2006 г., когда саммит “большой восьмерки” соберется в Санкт-Петербурге, в центре

его внимания будут такие вопросы, как: ситуация в странах с переходной экономикой, страны СНГ, борьба с бедностью, противодействие терроризму.

По предложению президента России В.В.Путина будет обсуждаться также проблема энергии и энергоресурсов.

В формате G8 многополярность позволяет учитывать как интересы всех основных полюсов, так и общемировые проблемы.

Не следует, однако, забывать, что сама мощь сверхдержавы (или гипердержавы, по выражению В.Третьякова), особенно экономическая и финансовая ее составляющие, побуждает остальных участников международных форумов ориентироваться на того, кто фактически делает погоду, т.е. на мирового лидера.

В отличие от многополярного мира биполярный одновременно и проще, и сложнее. Но в любом случае он значительно опаснее, чем одно- или многополюсный мир. Опаснее потому, что биполярный мир – это всегда враждующий мир, мир острой конфронтации и борьбы за глобальное первенство. Если же в основе этой борьбы лежат идеологические или цивилизационные различия, или то и другое вместе взятое, из которых вырастают мессионерские амбиции борющихся, то это еще и антагонистический мир, то и дело переходящий на язык угроз и балансирующий на грани войны.

Справочно

Концептуально взгляды Е.Примакова на современное мироустройство изложены в его статье “Без сверхдержав. Некоторые характеристики сегодняшнего мира” (Российская газета. 2003. 23 января). Он пишет: “Еще одна характеристика сегодняшнего мира – конец эпохи сверхдержав. Многие считают: раз нет Советского Союза, то теперь осталась одна супердержава – Соединенные Штаты. Думаю, что так считать неправильно, потому что супердержава – это понятие, которое измеряется не только количественными характеристиками, но главным образом качественными критериями. Во время “холодной войны” были две сверхдержавы – Советский Союз и Соединенные Штаты, которые объединяли вокруг себя конгломераты других государств, обеспечивали их безопасность и диктовали им условия поведения. Сегодня такого положения нет. Да, Соединенные Штаты – самое сильное и в экономическом, и в военном отношении государство, и самое сильное по своему политическому влиянию. Все это факт. Но в то же время это уже не сверхдержава. И если кто-то продолжает политику “сверхдержавизма”, то он не опирается на объективное понятие этого явления”.

“Российская газета” опубликовала и статью В.Третьякова “Вечно живые сверхдержавы”. Он отмечал: “Не закончилась ни история вообще, ни эпоха сверхдержав в частности. ...История XXI в. будет... в самом определенном и конкретном смысле историей сверхдержав, историей их борьбы друг с другом и со всем остальным миром. ...Сверхдержава – это страна, совокупные ресурсы которой позволяют ей доминировать в каком-либо субрегионе или континентальном (межконтинентальном) масштабе, даже если кто-то не желает подчиниться этому доминированию”. Он относит США не к числу сверхдержав, а квалифицирует ее как гипердержаву (Российская газета. 2003. 30 января).

Последовательным сторонником Е.М.Примакова является бывший министр иностранных дел РФ, а ныне секретарь Совбеза РФ И.С.Иванов (См. И.С.Иванов: Внешняя политика России и мир. Статьи и выступления. М.: МГИМО(У) МИД РФ; Российская политическая энциклопедия, 2000; Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; Внешняя политика России в эпоху глобализации: Статьи и выступления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002; Россия в современном мире. Ответы на вызовы XXI века. Статьи и выступления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004).

Идею многополярности И.Иванов отстаивает и в своей докторской диссертации “Внешняя политика в эпоху глобализации” (2005 г.).

В работе содержится следующий вывод: “Многополярность – это отражение

одного из объективных аспектов современной международной жизни, хотя и далеко не единственного. Суть нынешнего переходного периода в международных отношениях состоит именно в том, что в них одновременно присутствуют элементы различных международных систем. Если в военной сфере США занимают позиции лидерства по отношению ко всему остальному миру, то в экономической сфере положение совершенно иное. Здесь имеет место реальная многополярность, суть которой заключается в существовании нескольких крупных экономических “полюсов”, таких как Европейский союз, Япония, страны Юго-Восточной Азии, динамично развивающийся Китай и т.д. Одновременно в этом мире сохраняются и отношения биполярности, к которым можно отнести отношения Север – Юг, а также объективный факт наличия крупных ядерных арсеналов только у двух держав – России и США”. (выд. – Авт.).

Свои предпочтения многополярности И.Иванов объясняет тем, что “именно в рамках многополярного мироустройства она (Россия – Авт.), может в максимальной степени реализовать свои национальные интересы в области безопасности и устойчивого социально-экономического развития”.

Позициям многополярности привержен и нынешний министр иностранных дел С.В.Лавров.

За примером далеко ходить не надо. Это канувший не так давно в Лету биполярный мир эпохи “холодной войны”, возглавлявшийся двумя сверхдержавами – США и СССР. Каждая из них имела свою систему международных отношений, построенную на своих принципах; своих сателлитов, свои международные организации, свой потенциальный резерв из стран “третьего мира” и неприсоединившихся государств, и каждая из них была готова идти до конца, до своей полной победы.

При таком расколотом состоянии очень трудно сохранять мир, решать общие проблемы, чрезвычайно много ресурсов и усилий затрачивается на борьбу одной системы против другой. И хотя этот мир стал достоянием истории, биполярность, время от времени повторяется. В основе будущей биполярности, как считают многие исследователи, будет лежать противоборство США и Китая. Это противостояние будет, возможно, одним из самых опасных из всех, какие когда-либо знал мир.

Примечательно, что, как и предыдущая биполярность, грядущая будет, скорее всего, основана на антагонизме идеологий и политических парадигм, так как ни США, ни Китай не откажутся от своих мировоззрений, от образа жизни и действующих политических систем.

Пока, однако, мир и международные отношения переживают переходную эпоху, и важно видеть, какие тенденции в них развиваются. В связи с этим исследователи обычно обращают внимание на следующие основные тенденции.

1. Ускоряющаяся всеобъемлющая глобализация, заключающаяся, прежде всего, в полномасштабной интернационализации экономики, в развитии единой системы мировой связи, активной транснациональной деятельности негосударственных образований, изменении и ослаблении функций национальных государств, активной миграции населения, имеющей самый различный характер (трудовая, образовательная, научная, туристическая и пр.) и т.д.

На этой основе формируется все более взаимозависимый и целостный мир, взаимодействия в котором принимают системный характер.

2. Обострение образовавшихся ранее (экологической, энергетической, сырьевой, продовольственной, демографической и др.) и возникновение новых глобальных проблем (международный терроризм, международная наркоторговля, организованная международная преступность и т.д.), настойчиво побуждающее мировое сообщество объединять свои усилия в эффективном решении этих проблем.

3. Усиление влияния демократизации внутривнутриполитической жизни на международные отношения. Третья всемирная волна демократизации охватывает не только внутреннюю жизнь растущего числа стран мира, но и все шире распространяется на внешнюю политику и международные отношения.

Этому в немалой степени способствуют достижения постиндустриальной революции – глобальная сеть Интернет, спутниковая связь и кабельное телевидение, электронная почта и

телефаксы.

4. Интенсивная интернационализация духовной жизни в целом и культурной, в особенности, которая определенным образом сглаживает и смягчает борьбу цивилизаций.

Все эти и некоторые другие тенденции развиваются в условиях продолжающегося раскола мира на два полюса. На одном из них – демократия, стабильность, высокий уровень жизни, на другом – бедность, активное социальное брожение, тирания.

Первый полюс охватывает государства Западной Европы, США, Канаду, Японию, Австралию, Новую Зеландию, некоторые другие страны.

В них проживает около 15% населения планеты так называемый “золотой миллиард”.

Ко второму полюсу относятся большинство государств Африки, Азии, Латинской Америки. Наиболее драматичное положение сегодня в Африке.

Более половины ее жителей существует на менее чем 1 долл. в день. С начала 90-х годов в гражданских и этнических войнах на этом континенте погибли более 4 млн. чел.

Почти 30 млн. африканцев – носители вируса иммунодефицита. За последнюю четверть века доля Африки в мировом валом продукте и мировой торговле снизилась без малого вдвое.

Учитывая ситуацию, саммит “большой восьмерки”, состоявшийся в июне 2002 г. в канадском Кananаскисе, решил помочь Африке.

Было заявлено, что помощь странам региона должна вырасти на 12 млрд. долл. в год, а улучшение систем управления в странах Африки было объявлено одним из приоритетов “свободного мира”.

На встрече лидеров восьмерки в Глениглсе (Шотландия) в июле 2005 г. африканская тема также была одной из центральных. Здесь обсуждался вопрос о списании долгов африканским странам.

Изначально предполагалось списать до 100 млрд. долл. 46 странам. Но постепенно число этих стран снизилось до 18, а сумма списываемых долгов – до 40 млрд. долл.

В 11 из этих 18 стран только закончились или еще идут гражданские войны и лишь в четырех у власти находятся правительства, признанные демократическими. списание долгов позволит должникам сэкономить только на выплате процентов 1,2 млрд. в год⁴.

На основании сказанного можно сделать следующий общий вывод.

Мир одновременно одно- и многополярный.

Был, есть и будет таковым.

Это – непреложный закон его существования и развития.

Из региональных сверхдержав всегда выделяется та, которая вступает в борьбу за глобальное первенство. Ее совокупная мощь в сочетании с новой идеологической мессианской доктриной, приближаясь к совокупному могуществу доминирующей сверхдержавы, постепенно все глубже втягивается в борьбу с ней и ее мессианской доктриной.

Борьба развивается по всем направлениям во всех регионах (даже уголках) планеты и в самых разнообразных формах.

В момент относительного паритета наступает время биполярности, наиболее опасного состояния мира.

Это состояние не может длиться долго, в результате кризиса наступает развязка, и мир вновь возвращается к однополярному состоянию.

Побеждает тот полюс, который не только обладает более мощными ресурсами, но чьи системы более конкурентоспособные.

Его победа означает не только конец одного цикла в истории международных отношений, но и начало нового, не менее сложного и драматичного.

Основные системы международных отношений в XX в.

В XX в. из-за резкого ускорения экономического и социально-политического развития большинства стран мира, роста числа независимых государств международные отношения трижды подвергались радикальной перестройке. Ни в какой из предыдущих веков системы международных отношений так часто не менялись. Из трех радикальных перестроек третья, современная, наиболее примечательная. Она принципиально отличается от двух предыдущих уже хотя бы тем, что первым двум предшествовали мировые войны. Но между ними есть и общее. Первое это то, что все три системы складывались постепенно. Второе состоит в том, что в основе всех систем лежит система международных договоров. Правда, современная система до конца еще не сложилась, и в

своей основе она пока не имеет законченной системы договоров. Более того, еще не ясно, сможет ли она сложиться до наступления биполярности.

Первая – Версальская (Версальско-Вашингтонская) система международных отношений – сформировалась вскоре после первой мировой войны, приведшей к поражению Германии и ее союзников, распаду нескольких империй (Австро-Венгерской, Османской, Российской). В результате войны на карте появилось около двух десятков новых государств, принципиально изменилась расстановка сил в мире, значительно возросла роль США в мировых и европейских делах. От капиталистической системы откололась Россия, ставшая советской, социалистической.

Мир впервые распался на две антагонистические социально-экономические и политические системы. Рухнула система баланса сил в Европе, появился новый центр силы – СССР, объявивший себя лидером мировой революции и непримиримым врагом международного империализма. Все эти новые факторы не могли не привести к пересмотру основополагающих норм и принципов международных отношений и формированию новой системы международных отношений.

В основе Версальской системы лежало несколько договоров, подписанных между победителями и побежденными: Версальский договор с Германией (28 июня 1919 г.); Сен-Жерменский договор с Австрией (10 июня 1919 г.); Нейский договор с Болгарией (27 ноября 1919 г.); Трианонский договор с Венгрией (4 июня 1920 г.); Севрский договор с Турцией (10 августа 1920 г.).

Характерные черты Версальской системы международных отношений следующие:

1. Побежденные государства, с которыми были заключены договоры, были вынуждены не только уступить значительные территории странам-победительницам, или странам, образованным на обломках империй, но и заметно ущемлялись в своих национальных и государственных правах и интересах, особенно в военной сфере. Для многих государств это явилось одной из главных причин, побуждавших их последовательно бороться против новых принципов международных отношений.

2. Распад нескольких империй, в частности, Австро-Венгерской, Османской, Российской привел к образованию целого ряда новых государств, которые после войны стали играть заметную роль на международной арене.

3. Состоявшийся передел мира (но не в пользу Германии, к чему она стремилась, а в пользу ведущих стран Запада, прежде всего в пользу Великобритании и Франции) нарушил существовавшую более столетия систему баланса сил в Европе, что резко обострило противоречия между европейскими государствами.

4. После первой мировой войны возникло несколько принципиально новых субъектов международных отношений, прежде всего Советская Россия (СССР с 1922 г.), ставшая не только новым центром силы, но и лидером мировой революции и непримиримым врагом мирового империализма, образовавшая после второй мировой войны вместе со странами социалистического содружества особую систему международных отношений.

5. После первой мировой войны резко изменилась также роль США не только в Европе, но и в мире в целом. США стали открыто претендовать на ведущую роль в мировых делах.

6. Новым субъектом международных отношений стала Лига Наций (25 января 1919 г., Парижская мирная конференция). Устав подписали 44 государства, из них 31 государство как учредители. Лига просуществовала формально до апреля 1946 г., фактически действовала до 1940 г. СССР вошел в Лигу в 1934 г., став сразу постоянным членом ее Совета Безопасности. В декабре 1939 г., после начала войны против Финляндии был исключен и объявлен агрессором.

В целом Версальская система международных отношений оказалась неустойчивой. С негласного одобрения стран-победительниц та же Германия постоянно нарушала Версальский договор уже во второй половине 20-х годов. Отдавая предпочтение интересам великих держав, эта система ущемляла позиции остальных государств и поэтому вызывала постоянную напряженность в международных отношениях. По этой причине она не только не могла просуществовать долго, но и провоцировала постоянные кризисы в международных отношениях⁵.

Заметную дополнительную напряженность в международные отношения вносили и основы внешней политики Советской России, сводившиеся к следующему:

1. Отношения с внешним миром должны строиться на базе классовой пролетарской идеологии. Стержень этих отношений – антагонизм с капиталистическим миром.

2. Наряду с межгосударственными отношениями, Советская Россия придавала большое значение строительству отношений с народами других государств и, прежде всего – с пролетариатом других стран. В этой области отношения должны были базироваться на классовой

солидарности и оказании помощи трудящимся этих стран в борьбе против капиталистов-эксплуататоров.

3. Принцип пролетарского интернационализма и классовой солидарности с борьбой народов против колониализма и империализма, оказание колониальным и полуколониальным народам всяческой помощи, в том числе военной.

4. Принцип социалистического интернационализма, на базе которого строились отношения с братскими странами социализма (добавился в начале 50-х годов с появлением на карте мира социалистического лагеря).

Помимо классовой основы в теории и практике внешней политики сначала Советской России, а затем и СССР важную роль играли также реальные национально-государственные интересы. Теория не исключала, а, наоборот, предполагала мирное сосуществование государств, относящихся к различным общественно-политическим системам, их взаимодействие в решении региональных или глобальных проблем, в частности, в предотвращении войны, строительстве международных экономических отношений и мировой торговли. Тем не менее, классовая идеологическая основа советской внешней политики была одной из главных причин негативного отношения к ней западного мира. Эта основа была также причиной высокой цены советской внешней политики.

Таким образом, Версальская система по своей сути не могла быть ни прочной, ни долговечной. То, что она нуждается в замене, было ясно еще задолго до второй мировой войны. И когда после этой войны ей на смену пришла Ялтинско-Потсдамская система, многие надеялись, что мир станет более прочным и долгим.

Ялтинско-Потсдамская система формировалась постепенно, начиная с Тегеранской конференции 1943 г.

Этапы ее возникновения и развития следующие:

1. Тегеранская конференция глав государств антигитлеровской коалиции (ноябрь-декабрь 1943 г.). Здесь впервые был поставлен вопрос о послевоенном устройстве мира и формировании новой системы международных отношений, которая была бы более устойчивой, эффективной и сбалансированной, чем предыдущая.

2. Ялтинская конференция (февраль 1945 г.). Здесь были достигнуты соглашения о создании всемирной организации, о контрольном совете для Германии, зоне оккупации для Франции, о репарациях, о военных преступниках, о делах военнопленных и гражданских лиц союзных государств, по вопросам войны на Дальнем Востоке и некоторые другие.

3. Потсдамская конференция (июль-август 1945 г.). Здесь было решено учредить Совет министров иностранных дел (СМИД) стран-союзниц во второй мировой войне; были определены политические и экономические принципы в руководстве при обращении с Германией в начальный контрольный период; было достигнуто соглашение о репарациях с Германией, о германском флоте и торговых судах, о городе Кенигсберг, о военных преступниках, об Австрии, временно оккупированной советскими войсками, о Польше, о заключении мирных договоров и о допущении новых государств в ООН, об упорядоченном перемещении мирного населения и т.д.⁶

4. Август 1945–1955 гг. Создание международных организаций при ООН, военно-политических и экономических блоков двух мировых систем – НАТО (1949 г.) и ЕЭС (1957 г.), СЭВ (1949 г.) и ОВД (1955 г.)

В период действия Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений мир явился свидетелем следующих явлений:

1. Значительного углубления раскола мира на антагонистические социально-экономические, политические и военные системы и блоки. После начала “холодной войны” это привело к усилению противоборства между ними во всех областях, но особенно в военной и идеологической. Резкое усиление гонки вооружений, обострение борьбы за сферы влияния во всех регионах мира, в особенности в развивающихся странах, перманентные кризисы в международных отношениях также были постоянными спутниками “холодной войны”, которая нередко ставила мир на грань горячей и в том числе ракетно-ядерной войны: 1956, 1962, 1968, 1979 и другие годы.

2. Распада колониальных империй, сопровождавшегося возникновением большого числа независимых государств, образовавших так называемый “третий мир”.

В течение двух десятилетий (1947–1975 гг.) распались Британская, Португальская, Французская и Испанская колониальные империи. Часть стран “третьего мира” сразу же после освобождения вступила на капиталистический путь развития. Меньшая же часть выбрала социалистическую (советскую) модель развития. Это резко обострило отношения между Западом и Востоком.

3. Разрядкой международной напряженности, наступившей в начале 70-х годов в результате осознания великими державами (прежде всего США и СССР) опасности ракетно-ядерного противостояния, безудержной и бесконтрольной гонки вооружений. Важным результатом разрядки была организация и проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки – июль-август 1975 г.).

В этом Совещании приняли участие руководители всех европейских стран (33 государства), а также США и Канады. Ограничение гонки ракетно-ядерного вооружения, начавшееся в 1972 г., можно однозначно расценивать как успешную попытку прагматично мыслящих государственных деятелей на Востоке и Западе перейти от конфронтации к конструктивному взаимодействию и решению насущных международных проблем.

Ялтинско-Потсдамская система про- существовала до конца 80-х годов, то есть до начала “бархатных революций” в странах Восточной Европы, роспуска ОВД и СЭВ, распада СССР в 1991 г. В это же время начала формироваться новая, третья в XX в. система международных отношений. Процесс этот продолжается и сегодня. В настоящее время формируются принципы и договорная основа этой системы.

Начальный этап этого процесса: конец 80-х годов – 1993 г. Характерные черты этого этапа: распад социалистического содружества и основных его блоков (ОВД и СЭВ), распад СССР, Чехословакии и Югославии, объединение Германии (1990 г.), превращение ее в региональную сверхдержаву.

Второй этап начался в 1994 г. и продолжался до 11 сентября 2003 г., до террористических атак в Нью-Йорке и Вашингтоне. Начало этому этапу положили расширения НАТО и ЕС на Восток (Польша, Венгрия, Чехия, Прибалтика). Этот процесс сопровождается ярко выраженным стремлением государств, ставших обладателями ракетно-ядерного оружия и, в частности, Индии и Пакистана, стать легально признанными членами “ядерного клуба”. В то же время целый ряд пороговых государств (около 10) стремится стать легальными обладателями ядерного оружия.

Наряду с названными чертами новой системы международных отношений можно было бы упомянуть и ряд других. Например, постепенное перемещение мирового центра экономики и финансов из Европы в АТР, быстрое развитие Китая и выдвижение его на позиции, где начинается открытая борьба за лидерство в мире.

Сказанное позволяет сделать следующие общие выводы.

1. Системы международных отношений, действовавшие в XX столетии, представляли собой на самом деле достаточно противоречивые системы отношений между великими державами, под которые были вынуждены подстраиваться все другие. Такая ситуация очень напоминает ту, которая существовала в предыдущие века и в частности в XIX в.

Кратко ее суть заключается в следующем:

“Концерт великих держав”, образовавшийся вскоре после победы над Наполеоном и объединявший его победителей – Австрию, Британию, Пруссию и Россию – имел своей главной целью поддержание статус-кво, ради которого его участники были готовы пойти на интервенцию, что, кстати говоря, неоднократно случалось. Например, в Италии в 1820 г. или в Испании в 1822 г. Вскоре после возникновения “концерта”, победители совершили искусный дипломатический ход и приняли в свои ряды Францию, превратив ее, таким образом, из врага в союзники. Также поступили великие державы в конце XX в., когда после победы над СССР в “холодной войне”, они включили Россию в состав “большой семерки”, превратив ее в “восьмерку”.

“У “восьмерки”, – пишет вице-президент “Оксфорд Аналитика” Ристо Пентилла, – есть все характерные признаки глобального концерта и впечатляющий, хотя и непризнанный, список заслуг в области обеспечения мира и безопасности. ... Концерт великих держав – не идеальный способ управления мировыми процессами, но он существенно лучше анархии”. Концерты “оказывают сдерживающее влияние на поведение сверхдержав”, а “малые государства подстраиваются под правила, установленные сильными”⁷.

2. Закон тотального господства великих держав был нарушен, когда во второй половине XX в. СССР образовал параллельную (социалистическую) систему международных отношений со всеми признаками системы, но с другим знаком. Однако из-за фронды Китая, а также внутренних проблем советской системы, она оказалась не столь консолидированной и долговечной, как капиталистическая во главе с США.

3. Подобно Версальской системе, оказавшейся неэффективной и недолговечной из-за несправедливости и несбалансированности принципов, лежавших в ее основе, Ялтинско-Потсдамская, фактически биполярная система, также не могла быть долговечной, хотя и

была более сбалансированной. Но эта сбалансированность, основанная на военном паритете, достигавшемся ценой невероятных усилий и затрат обеих сторон, была крайне опасной и в своей основе в общем неэффективной.

Через какое-то время, когда Китай создаст необходимую для сверхдержавы № 2 с претензией на первую роль, совокупную мощь, биполярность подобная прежней, пусть неполная, вполне может возродиться. Чтобы она была не столь опасной, как биполярность США – СССР, целесообразно включить Китай в нынешний “концерт великих держав”, превратив “восьмерку” в “девятку”.

4. Новая система международных отношений еще не сформировалась и не ясно, успеет ли она сложиться до возникновения биполярности.

Всякая новая система вырастает не только из нового соотношения сил в мире, образующегося в результате какого-либо глобального кризиса, например, мировой войны или крушения могучей империи и ее системы международных отношений, но и новых принципов взаимоотношений между странами, которые отражают новые мировые реальности.

Эти принципы кладутся в основу международных документов и таким образом становятся императивом для субъектов международных отношений. Без этого система не может сложиться и эффективно работать.

Все это означает, что пока идет сложный процесс согласования принципов и международного нормотворчества, говорить, что новая система сформировалась, нельзя.

“Драма современного международного порядка, – пишет профессор А.Богатуров в статье “Первый порядок эпохи ядерного оружия”, посвященной 60-летию Потсдамской конференции, – состоит в кризисе стратегической культуры ялтинско-потсдамской поры. Отчасти это связано с расширением в 1998 г. круга фактических ядерных держав за счет “откровенных нелегалов” в лице Индии и Пакистана. Но и кроме них в мире насчитывают около десятка пороговых стран, не говоря о таких “специфических случаях”, как Северная Корея и Иран: КНДР называет себя ядерным государством, но ей не верят, а Иран, напротив, клянется в отсутствии у него стремления приобрести атомное оружие, но все его как раз в этом подозревают”⁸.

Примечания

¹ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? Пер. с англ. под. ред. В.Л.Иноземцева. М.: Ладомир, 2002. С. 5, 6.

² Цыганков П.А. Международные отношения. Учебное пособие. М.: Новая школа, 1996. С. 52, 130, 131, 137–138, 143, 145.

³ Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.: 1999. С. 207–220; Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М.: Мысль. 2002, С. 138.

⁴ Иноземцев В. Ошибочная формула Гленигlsa // Независимая газета. 2005. 7 июля.

⁵ Дипломатический словарь. В 3-х томах. Т. I. М.: изд-во Наука, 1985. С. 193–196; Капто А.С. Энциклопедия мира. 2-е изд., уточн. и доп. М.: Книга и бизнес, 2005. С. 98.

⁶ Тегеран. Ялта. Потсдам. Сб. документов. Изд-во “Международные отношения”. Изд. 2-е, дополненное. М.: 1970; Дипломатический словарь в 3-х томах. М.: изд-во “Наука”, 1985 и 1986. Т. I. С. 125–127; т. II. С. 117–119; т. III. С. 455–456.

⁷ Известия. 2002. 20 февраля.

⁸ Независимая газета. 2005. 20 июля.

* К числу последних, наиболее важных, вышедших в последние годы относятся: “Великая шахматная доска” и “Выбор: мировое господство или глобальное лидерство”.

** Наиболее известным и популярным является учебное пособие “Международные отношения”, изданное в 1966 г. П.А.Цыганков не один раз излагал свои взгляды по интересующим нас проблемам в учебных пособиях и статьях. Назовем лишь некоторые из них: Современные международные отношения. Под. ред. проф. А.В.Торкунова. М.: 1998. Разд. I. Гл. 1 “Природа и закономерности международных отношений”. В 1999 г. этот же труд был издан издательством

“РОССПЭН”, но уже под грифом “учебник”; Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост. науч. ред. и коммент. П.А.Цыганкова. М.: Гардарики, 2002, в которой содержится развернутая вступительная статья “Теория международных отношений: традиции и современность”; определенным дополнением к этой статье может быть названо предисловие к русскому изданию книги “Теория международных отношений на рубеже столетий / Под. ред. К.Буса и С.Смита: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. П.А.Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. Предисловие озаглавлено “Теория международных отношений: состояние, проблемы, уроки”. Наконец, в учебнике “Современные международные отношения и мировая политика”, опубликованном московским издательством “Просвещение” в 2004 г. под ред. А.В.Торкунова, гл. I. “Эволюция западных теоретических подходов к исследованиям международных отношений” также принадлежит перу П.А.Цыганкова.

*** См. справку, стр. 26.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ФЕДЕРАЛИЗМ В ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОСОЮЗА

О.Дамаскин,
доктор юридических наук
Н.Генрих,
кандидат юридических наук

В настоящее время распространяется мнение, согласно которому государство, с одной стороны, слишком мало для того, чтобы решать проблемы мирового масштаба, а с другой – слишком велико для того, чтобы заниматься ежедневно возникающими бытовыми проблемами.

Исходя из такого подхода, традиционная модель унитарного государства претерпевает существенную трансформацию.

Государства в условиях глобализации теряют свободу принятия решений, интегрируясь в различного рода объединения. Вместе с тем, они передают свои функции, касающиеся внутренних дел, органам власти, находящимся между государственным центром и местным самоуправлением. При этом территориальные образования, особенно области, обладающие высокой культурной, экономической и политической идентичностью, получают новые сферы компетенции, большие ресурсы, создают собственный профессиональный управленческий аппарат, получают возможность разрабатывать собственную стратегию в том, что касается политики, экономики, зарубежных связей, то есть того, что раньше осуществлялось исключительно центральной государственной властью. В связи с этим, такие области начинают осознавать масштабы собственной власти и потенциальной возможности влияния на граждан и на вышестоящие органы управления.

Одновременно наблюдается процесс возрождения и осознания значения местных языков и культур, а также различных видов национального самосознания, являющегося следствием как возросшей роли регионов, так и реакции на условия интеграции в условиях глобализации.

В ряде случаев государству бросают вызов территориальные образования и регионы, порой проявляющие неонационализм.

Во многих государствах это явление стало заметно в политической жизни: появились местные партии (Испания, Великобритания, Франция, Италия, Бельгия и Словения). Они борются за сохранение собственной исторической, культурной и лингвистической самобытности.

Встречаются партии, объединяющие националистов и ксенофобов (Нидерланды, Австрия, Франция, Польша, Германия и Италия), которые чувствуют необходимость самоутверждения своей общности, ощущающей угрозу со стороны возрастающей миграции из различных стран мира.

Регионалисты мало заметны на общенациональном уровне, поэтому они редко входят в правительственные коалиции. Однако с 1981 г. они представлены в Европейском парламенте, входят в Европейскую федерацию региональных партий. Хотя речь идет об относительно небольшом политическом объединении, имеющем низкий уровень внутренней идеологической сплоченности, оно представляет собой полезный форум для дискуссий и создания альянсов на европейском уровне. В некоторых случаях последствия этих процессов проявились на национальном уровне. Они также позволяют привлечь внимание к феномену регионализма, прежде всего в институтах Европейского союза.

Рост таких партий и движений способствует возможному изменению административно – территориального деления. На этот процесс влияет, также, объективная необходимость:

- повышения эффективности государственного управления;
- стимулирования более активного участия граждан в политической жизни, которое в европейских демократических государствах неуклонно снижается;
- адаптации территориального деления к процессу интеграции Европы, устранения нынешнего дисбаланса между различными территориальными единицами.

Политические дискуссии в ряде стран привели к внесению поправок в конституции.

В Испании, Португалии, Италии, Финляндии, Дании, Великобритании они касаются только

некоторых автономных территорий, наделенных законодательной властью.

Бельгия превратилась в федеральное государство, а Германия после объединения реформировала свою федеральную конституцию.

В восточноевропейских государствах после 1989 г. были проведены преобразования на конституционном уровне, которые привели к административной децентрализации.

Лишь в некоторых странах территориальные единицы получили активную роль в планировании региональной политики и в управлении общественными фондами (Польша, Венгрия, Латвия и Словакия).

В настоящее время Европейский союз (ЕС) состоит из 25 стран, имеющих разные возможности, различное государственное устройство, отличия на уровне конституций, разные модели организации политической жизни и территориальные деления, которые со временем эволюционируют в зависимости от интересов каждого отдельно взятого государства или его областей, а также от политики, проводимой правительством. В ряде стран существуют области, народы с ярко выраженной политической и экономической идентичностью.

Это территории с собственным языком и культурой (Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия, Аландские острова, Корсика, Фландрия, Валлония, Сардиния, Каталония, Страна Басков, Галисия).

В некоторых случаях такие территории получили широкое самоуправление и законодательную власть (Испания, Италия, Великобритания, Франция, Финляндия и Бельгия).

Однако в большинстве стран ЕС регионализация и децентрализация связаны прежде всего с желанием приблизить управление государством к рядовым гражданам, со стремлением создать более гибкую систему в области повседневного управления, использования местных органов власти и местных экономических структур, но при этом не отдавать им существенных государственных полномочий. При этом наиболее распространенной моделью является использование регионов в качестве органов власти второго уровня. Такой подход отражает единство Европы, которое основывается на уважении традиционного разнообразия и значимых различий.

Политика, направленная на достижение экономического и социального единства для создания единого рынка, стала предполагать участие в сотрудничестве всех заинтересованных сторон и уделять особое внимание территориям в социально-экономическом развитии, тем самым способствуя усилению идентичности регионов. При этом регионы все чаще становятся инстанциями, которые должны проводить в жизнь решения, принятые в ЕС, так как именно они в основном ответственны за развитие и применение европейского права в рамках тех компетенций, которые им переданы центральной властью государства.

В тех странах, где регионы имеют широкие полномочия в политической и законодательной сферах, они должны систематически осуществлять принятые ЕС политические решения, минуя государственный уровень.

Германия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Португалия, Испания, Италия уже приняли меры на национальном уровне, чтобы позволить представителям местных административных единиц стать членами национальных делегаций в рамках Совета министров ЕС, когда это касается вопросов, связанных с их законодательными компетенциями.

Одновременно регионы строят отношения друг с другом, чтобы иметь возможность лучше отстаивать общие интересы. Разрабатываются программы и соглашения о трансграничном сотрудничестве, формируются региональные союзы, создающие группы влияния на национальном и европейском уровне, открываются специальные представительства в Брюсселе и Страсбурге. Таким образом регионализм становится важным фактором дальнейшего развития ЕС.

Вместе с тем, прошедшее в 2005 г. голосование во Франции и Нидерландах, где большинство избирателей высказались против принятия Европейской конституции, показывает, что социальные проблемы коренного населения, порождаемые миграцией и другими аспектами процесса глобализации, усиливают социальную напряженность в ряде государств и обуславливают потребность конструктивного государственного влияния на социальную ориентированность рыночной экономики в процессе европейской интеграции.

В связи с этим, заслуживает внимания федеративный характер государственного устройства ФРГ, 16 земель которой представляют из себя государства, имеющие свои конституции, основным требованием к которым является соответствие принципам республиканского, демократического и социального государства. Остальное содержание конституций земель позволяет им самостоятельно совершенствовать законодательную, административную и социальную практику. Такой подход позволяет землям осуществлять значимые эксперименты по апробации новаций, которые, в случае

положительного результата, могут быть восприняты федеральной властью для распространения положительного опыта на федеральном уровне.

Компетенция федерации разделена на исключительное, конкурирующее и рамочное законодательство.

К исключительному ведению центральных властей принадлежат отношения с иностранными государствами, вопросы обороны, валютная, денежная и монетарная системы, воздушное сообщение и часть налогового законодательства.

В области конкурирующего законодательства вопросы, не урегулированные федеральными законами, регулируются законами земель. Принятие общенационального закона обосновывается реальной необходимостью унификации позитивной практики в масштабе всей страны. Однако за последние годы возможности земель в области конкурирующего законодательства существенно сократились применительно к уголовному, гражданскому, трудовому, земельному, жилищному, экологическому праву, ввиду их очевидной унификации.

Земельное законодательство может развиваться преимущественно по вопросам образования, культуры, коммунального права, территориального планирования, улучшения региональной структуры экономики, регулирования водного режима, охраны побережья и экологии.

Вместе с тем, все внутреннее административное управление находится в ведении земель, а их аппараты отвечают за исполнение федеральных законов.

Таким образом, современная ФРГ, представляет собой страну с централизованным законодательством и федеративным управлением.

Конституция ФРГ гарантирует коммунальное самоуправление в городах и общинах, в сферу которого входят: общественный транспорт, местное дорожное строительство, электро-, газо-, и водоснабжение, канализация, градостроительное планирование, строительство, содержание школ, больниц, музеев, театров и спортивных сооружений. Общины отвечают за обучение взрослых и опеку над несовершеннолетними, они имеют право взимать собственные налоги и распоряжаться поступлениями от них.

Государственная модель ФРГ проявила устойчивую эффективность на протяжении нескольких десятилетий, однако в октябре 2003 г. к работе приступила совместная комиссия бундестага и бундесрата, в задачу которой входит обновление федерального устройства для повышения эффективности федерализма. При этом предстоит конкретизировать разграничение полномочий, задач и финансовой ответственности федерального центра и земель, усилить солидарную составляющую федерализма, дополнив ее элементами соревновательности, что особенно соответствует интересам 5 восточных земель ФРГ, а также модифицировать федерализм адекватно потребностям европейской интеграции.

Действие Основного закона (конституции) Федеративной Республики Германии, обнародованного 23 мая 1949 г., распространено с 3 октября 1990 г. на всю Германию в связи с присоединением ГДР к ФРГ на основе Договора об объединении.

В ст. 20 Основного закона дается определение Федеративной Республики Германии как демократического и социального, построенного на принципах федерализма государства.

В ст. 28 Основного закона речь идет об основах социального правового государства, построенного по типу республики.

Принцип социального государства имеет, согласно ст. 79 Основного закона, вечные гарантии со стороны Основного закона.

Основной закон оставляет за законодательной и исполнительной властью право наполнить понятие социального государства конкретным содержанием. Основными идеями социального государства являются: условия жизни, не унижающие человеческого достоинства; социальное равенство; оказание социальной помощи нуждающимся.

На протяжении нескольких десятилетий ФРГ являлась своеобразной витриной западного мира, демонстрировавшей реальные и мнимые преимущества западного образа жизни. При этом экономические возможности по развитию системы социального страхования и рынка труда традиционно обеспечивались федеральным и земельным законодательством.

Однако, современное состояние экономики Германии, обусловленное влиянием неблагоприятной конъюнктуры рынка, привело руководство страны к решению модернизировать систему социального страхования и рынка труда. Разумеется, решение о реформировании связано не только с объективными показателями ежегодного снижения роста валового внутреннего продукта, но и с субъективной возможностью ограничения жизненно важных потребностей большинства трудящегося населения в условиях процесса глобализации мирового рынка,

использующего в своих интересах ресурсные потоки и миграционные процессы.

Разговоры о крупнейшем кризисе, в котором находится страна, о застое в деле реформ, о парализующей саму себя политической системе попросту не соответствуют реальности и служат лишь прикрытием для обеспечения экономических интересов крупных финансово-промышленных групп. Германия остается процветающей, богатой, по сравнению с другими государствами, страной. Главная проблема состоит в том, чтобы аннулировать общественный договор в рамках социального государства, на основе признания тезиса о том, что общепринятый характер работы на благо общества устарел. Основанием для такого утверждения является то обстоятельство, что решение проблемы стабилизации экономики предполагается решить преимущественно за счет нижних слоев общества. При этом на первое место, в качестве формального аргумента, выдвигается проблема старения населения.

Демографическое развитие страны ставит систему здравоохранения перед новыми проблемами: расходы растут, а число тех кто платит взносы снижается.

С 1992 г. расходы в сфере здравоохранения на душу населения выросли на 35%, с 2000 до 2700 евро.

Закон о модернизации системы страхования на случай болезни вступил в силу с 1 января 2004 г. Поощрение конкуренции в системе здравоохранения и повышение личной ответственности застрахованных уже в 2004 г. уменьшило финансовое бремя больничных касс на 10 млрд. евро¹. Теперь, в частности, пациенты должны больше доплачивать за лекарства и платить 10 евро в квартал за посещение каждого врача. С 2005 г. за обеспечение зубного протезирования надо будет платить дополнительный ежемесячный взнос (10 евро в предписанной законом системе медицинского страхования), который будет взиматься вместе с регулярным взносом.

К 2007 г. ежегодное финансовое бремя больничных касс должно уменьшиться до 23 млрд. евро. Средний взнос уже в 2004 г. сократился до 13,6%, а с 2005 г. до 13% от ежемесячной зарплаты.

Численность населения сокращается, оно стареет. Это означает, что пенсионным кассам грозит многомиллиардный дефицит, так как все меньше будет тех, кто платит взносы и все больше пенсионеров. Поэтому повышение пенсий перенесено с 1 июля 2004 г. на 1 июля 2005 г.

Выплата пенсий новым пенсионерам переносится на конец месяца.

Возраст досрочного выхода на пенсию постепенно повышается, начиная с 2006 г., с 60 до 63 лет.

Страховой взнос в пенсионные фонды остается на уровне 19,5% от совокупного дохода.

В перспективе предусмотренная законом система пенсионного страхования будет адаптирована к изменившейся демографической ситуации, к уровню инфляции, а уровень пенсий снижен. Кроме того, в последующем предлагается повысить возраст обычного выхода на пенсию с 65 до 67 лет².

С 1 января 2004 г. дотация на строительство или приобретение жилья для личного пользования сокращены на 30%. Сокращение субсидий призвано уменьшить нагрузку на государственную казну.

С начала 70-х годов число безработных в Германии выросло с 200 тыс. до 4 млн. чел. Суть закона о реформе рынка труда, вступившего в силу с 1 января 2004 г., заключается в ослаблении защиты от необоснованного увольнения.

Срок действия права на получение пособия по безработице будет ограничен, как правило, 12 месяцами. Наемные работники, которым исполнилось 55 лет, будут иметь право на пособие по безработице в течение 18 месяцев. Благодаря переходным правилам все это вступает в силу лишь с 1 февраля 2006 г. Если в течение переходного периода работодатель увольняет работника старше 54 лет, то он обязан вернуть бирже труда сумму пособия по безработице.

Произойдет слияние прежнего пособия по бедности (которое выплачивают общины) и пособия безработным по бедности (которое прежде выплачивалось из казны Федерации, когда кончался срок выплат пособия безработным по бедности из страхового фонда на случай безработицы).

Благодаря более жестким правилам относительно допустимости той или иной работы для безработного усиливается давление на него с целью скорейшего трудоустройства.

Рассмотрение содержания предпринимаемой реформы позволяет определить ее цель в экономических категориях:

– государство должно поддерживать экономику, чтобы та росла быстрее, чем теперь, и была способна создать дополнительные рабочие места;

– борьба с миллионами безработных должна стать отправной точкой для любого правительства, однако она может стать причиной кризиса пенсионного страхования и страхования по безработице.

Принятое решение иначе регулировать рынок труда и систему социального страхования базируется на фундаментальном положении “Повестки дня на 2010 год”, согласно которой государство снимает с себя ответственность за элементарный риск вроде старости и болезни и перекладывает ее на плечи простых граждан. Предлагается смириться с уменьшением пособий по безработице, плохо оплачиваемой работой во имя получения в долгосрочной перспективе увеличения рабочих мест.

Таким образом, непосредственным и очевидным результатом реформы системы социального страхования и рынка труда в Германии являются дополнительные тяготы для значительной части населения.

В последние десятилетия на изменение облика Германии существенное влияние оказывает иммиграция. Характерным признаком этого явления стало этническое и культурное многообразие общества. Однако, несмотря на это, стране потребовалось много времени для того, чтобы признать реальность формирования иммиграционного общества.

Продолжавшаяся около 5 лет дискуссия о современном миграционном законодательстве для Германии, завершилась 1 июля 2004 г. одобрением Бундестагом (всего при 4 голосах “против”), а затем и Бундесратом, Закона об иммиграции, вступившего в силу с января 2005 г.

Основой консенсуса стал курс на ограничение иммиграции, повышение требований к квалификации иммигрантов, форсирование процесса интеграции иностранцев, учет экономической рентабельности иммиграции при наличии в Германии в настоящее время 4 млн. безработных.

Регулирование иммиграции с помощью нового закона способствует открытию рынка труда для высококвалифицированных иностранных специалистов, студентов, ученых, современной интеграционной политике и усовершенствованию права на убежище.

Основные положения закона устанавливают:

- два вида на жительство: временный и бессрочный;
- возможность для лиц с высокой квалификацией сразу получить бессрочный вид на жительство;
- возможность для иностранцев после завершения учебы в германских вузах поиска работы в Германии;
- усовершенствование права на пребывание в стране жертв негосударственного преследования и преследования по признакам пола;
- обязанность для новых иммигрантов не из стран Евросоюза посещать языковые и интеграционные курсы.

Закон об иммиграции приходит на смену грин-карте, с которой иностранные специалисты могли работать в Германии. Германский рынок труда будет более открыт для высококвалифицированных иностранцев по сравнению с тем, что позволяло уже существующее положение о грин-картах для специалистов в области информационных технологий. При наличии соответствующих предпосылок иностранцы с самого начала могут получить бессрочный вид на жительство и осесть в Германии.

Высококвалифицированным иностранцам может быть предоставлен долговременный вид на жительство, если у них имеется конкретное предложение относительно работы и гарантировано финансовое обеспечение жизненного существования без помощи государства.

Новым законом впервые четко регулируется иммиграция лиц, имеющих собственное дело. Они получают вид на жительство, если Германия видит в этом свой экономический интерес и обеспечено финансирование проекта. Состоятельные иностранцы, способные инвестировать в Германии минимально 1 млн. евро. и создать при этом, по меньшей мере, 10 рабочих мест, могут рассчитывать на поддержку в качестве иммигрантов.

Создаются более привлекательные условия для учебы в германских вузах. Прежде, после завершения учебы, они должны были возвращаться в свои страны. По новому закону после успешного завершения учебы в вузе разрешение на пребывание в стране может быть продлено на срок до одного года, чтобы они могли найти себе работу, отвечающую уровню их образования. Если появится в том потребность, то высококвалифицированным выпускникам вузов должна быть также предоставлена возможность для приобретения гражданства.

Новым законом закреплено изучение языка и посещение интеграционных курсов всеми новыми иммигрантами не из стран Европейского союза. В будущем они могут и должны после

въезда в Германию изучать немецкий язык на курсах, которые финансирует государство.

Условия иммиграции облегчены только для названных категорий лиц: ученых, учащихся вузов и лиц, имеющих собственное дело. В отношении остальных лиц продолжает действовать запрет на наем иностранной рабочей силы, действующий с 1973 г.

Усовершенствованное право на убежище предоставляется тем, кто ходатайствует о предоставлении убежища из-за преследований по причинам пола или из-за преследования негосударственными группами и должны признаваться беженцами. Лица, ходатайствующие об убежище, которых, например, нельзя выслать на родину из-за того, что там идет война, могут теперь уже в первый год получить ограниченный по сроку вид на жительство и тем самым приобрести более выгодный статус. На практике это означает возникновение права на работу.

Иностранцы, которые будут квалифицированы как “опасные”, могут быть в силу нового “Предписания о высылке из страны” выдворены за пределы Германии, если такое решение будет принято высшими земельными органами или федеральными органами. Юридическим основанием должен стать “прогноз об опасности”. Выдворение из страны “проповедников ненависти”, призывающих к террористической деятельности или угрожающей меньшинствам, будет еще более облегчено по сравнению с уже имеющимися возможностями. Несмотря на все возражения по поводу того, что к иностранцам в принципе нельзя относиться с недоверием, иммиграционные власти должны будут запрашивать в ведомстве по охране конституции (федеральной службе безопасности) данные обо всех потенциальных иммигрантах.

Содержание и правовое регулирование иммиграционной политики Германии позволяет констатировать ее курс на интеллектуализацию предпринимательства в стране за счет развития науки.

На мировом рынке по числу патентов, зарегистрированных в США, Японии и Европе, Германия входит в группу лидеров, имея 127 патентов на 1 млн. чел. (Япония – 164; США – 111; Великобритания – 92; Франция – 66). Особенно активен в этой сфере германский малый и средний бизнес³.

С 1998 г. правительство повысило бюджетные расходы на науку больше, чем на 20%, а до 2010 г. они вырастут с 2,5% до 3% от совокупного общественного продукта.

Германия занимает третье место в мире по расходам на науку и разработки в размере 2,51% от валового национального продукта (Япония – 3,06%; США – 2,74%; Франция – 2,23%; Великобритания – 1,89%).

Был заложен фонд рискованного капитала и собрана команда крупных экспертов. Ведущие представители политики, экономики и науки пытаются определить решающие рынки будущего.

На рынке передовых технологий доля Германии опережает Великобританию, Японию и Францию, уступая лишь США (США – 28,0; Германия – 10,6; Япония – 9,5; Франция – 7,3).

В настоящее время в Германии действует около 22000 иностранных фирм, среди них около 500 крупнейших в мире. В них работают более 2,7 млн. сотрудников, а их инвестиции, по оценке Германского федерального банка, только за прошедший год составили свыше 11 млрд. евро.

В стране развивается промышленность ориентированная не на трудоемкость, а на наукоемкость. Инвесторы все больше вкладывают в науку и разработки, превращая Германию в один из ведущих “мозговых центров” мировой экономики. Поэтому можно считать социальной инновацией в германскую экономику Закон об иммиграции, ориентированный на качественное развитие трудовых ресурсов, путем рационального использования процесса иммиграции в условиях глобализации.

Такой подход целесообразен в специфических условиях современной России, продолжающей утрачивать свой научный, образовательный потенциал, трудовые ресурсы, испытывающей криминальные последствия нелегальной миграции. Особенно актуальным представляется его использование на Дальнем Востоке, в Сибири, в Калининградской области, утрачивающих экономические связи с Центром и подверженных экономическому влиянию со стороны приграничных государств, что в перспективе создает угрозу их заселения мигрантами и отторжения. Такой механизм апробирован, в частности, Албанией в Боснии.

Тенденции законодательства, осуществляемого в настоящее время в ФРГ, подтверждают влияние факторов, предопределяемых трансформацией социальных приоритетов экономически и политически доминирующей элиты, хотя в отличие от России, имеют более цивилизованные формы⁴.

Представляется, что этот опыт европейской интеграции и развития федерализма целесообразно учитывать при осмыслении возможностей решения аналогичных проблем в

специфических условиях современной России.

Примечания

¹ Deutschland. 2004. № 1. S. 7.

² Deutschland. 2004. № 1. S. 10.

³ ФРГ. Федеральный отчет по науке. 2004.

⁴ Damaskin O.W. Kriminologische Aspekte der Wirtschaftsgesetzgebung in Rusland. Osteuropa. Stuttgart, 1997.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

УКРАИНА В ЗЕРКАЛЕ “ОРАНЖЕВОЙ” РЕВОЛЮЦИИ

Новая власть Украины – путь на Запад

А.Шутов,
доктор исторических наук, профессор

Прозападный курс администрации В. Ющенко не является чем-то неожиданным, он подготовлен политикой предыдущих президентов, избравших евроатлантическую интеграционную стратегию, слегка закамуфлированную тактикой – шаг на Восток, два шага на Запад. Правда, в отличии от прежней политической элиты новая украинская власть отказалась от подобной двойственности. Сделав Запад, европейские и евроатлантические структуры своим главным внешнеполитическим приоритетом, она пытается добиться форсированного членства в них.

Вступление в Евросоюз, испытывающему серьезный политический кризис, представляется вообще нереальным и не только в ближайшие годы. Украинские власти осознают это. Совсем иначе дело обстоит с Североатлантическим альянсом. Членство в нем может быть достигнуто уже в обозримой перспективе, и режим Ющенко предпринимает настойчивые усилия, чтобы устранить помехи на пути к намеченной цели.

В этой связи возникают большие сомнения относительно соблюдения новыми властями российско-украинского Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве, заключенном в 1997 г. и ратифицированном в 1999 г., а также трех соглашений по Черноморскому флоту, как не соответствующих условиям вступления Украины в НАТО. Поэтому украинская сторона пытается изменить статус пребывания российского Черноморского флота на Украине, чтобы, в конечном счете, выдворить его из Севастополя. Делаются попытки создать для него неприемлемые условия пребывания, учащаются недружественные акции против личного состава, применяются дискриминационные правовые меры, ущемляются социальные права выходящих на пенсию русских моряков и членов их семей и т.д. В СМИ ведется оголтелая пропагандистская кампания по дискредитации и изгнанию Черноморского Флота из Крыма. Его обвиняют и в “скрытой оккупации Севастополя”, и в дестабилизации политической обстановки, и в загрязнении морской акватории, и т.д., и т.п.

В одной из телепередач народный депутат от фракции “Наша Украина” Ю.Кармазин заявил, что Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Россией не соответствует украинским интересам и что он намерен поднять этот вопрос в Верховной Раде. Вполне очевидно, в случае нарушения украинской стороной Договора Россия будет вынуждена пересматривать свою оборонную концепцию на юго-западном направлении.

Вопреки интересам обоих государств искусственно подогреваются старые проблемы, осложняющие двусторонние отношения и вызывающие взаимное недоверие.

С приходом Ющенко зашли в тупик начатые при прежней президентской администрации переговоры о разграничении акватории Азовского моря и Керченского пролива, создании паромной переправы, строительстве моста или тоннеля через Керченский пролив.

Противоречит российским интересам и план Ющенко по урегулированию приднепровской проблемы, направленный на вытеснение России с территории непризнанной республики, замену действующего здесь континента российских миротворческих сил на международных военных и гражданских наблюдателей под эгидой ОБСЕ, базой для которых должны стать украинские миротворцы. Практические рекомендации плана, согласованные с Кишиновом и европейскими структурами, представляются прецедентом в российско-украинских отношениях.

“Оранжевые лидеры” считают себя абсолютно свободными от каких-либо обязательств перед СНГ и, как и прежние правители, не видят целесообразности в его дальнейшем существовании. Однако официальных заявлений о выходе из него делать пока не собираются, видимо, потому, чтобы, продолжая оставаться в нем, способствовать его развалу. Не соответствует их

одновекторной западной стратегии и членство в ЕЭП, представляющей интерес для Украины лишь как зона свободной торговли, дающая ежегодно гарантированную, почти миллиардную (долл.) прибыль в бюджет страны, что и является единственным фактором, удерживающим пока Украину в данной структуре. Да и на августовском саммите в Казани из 29 обязательных для членов объединения документов Ющенко подписал только 15 и повторил слова своего предшественника Кучмы, сказанные им еще в 2003 г., что Украина будет выполнять те решения организации, которые не противоречат ее национальным интересам, соответствуют конституции и другим нормативным актам, а главное, чтобы они не противоречили ее основному приоритету – стать членом ВТО. Не трудно домыслить, что все это значит.

По инициативе президента Ющенко принята правительственная программа по восстановлению и активизации деятельности организации ГУАМ, в которой Украина рассматривает себя единственным региональным лидером, консолидирующим ее на антироссийской основе. Такая стратегия подспудно подразумевает превращение Украины в некое подобие Польши XVII в. с чуждым России культурно-историческим вектором и готовой при поддержке внешних сил добиваться ослабления России, освобождения от ее влияния других стран СНГ и Восточной Европы, “демократизации” Белоруссии”.

С началом правления Ющенко еще более активизировалась политика украинизации общества, а по ряду параметров приняла уродливые, антидемократические формы, включая кадровые чистки и политические репрессии.

К июлю 2005 г. были заменены более 18 тыс. руководителей всех уровней по этнополитическим соображениям. Одним из критериев замены является несоответствие людей “оранжевым” взглядам и западной ориентации. В частности, не стало ни одного русского в правительстве Крыма.

Продолжает ухудшаться ситуация с Русской Православной Церковью, проводится целенаправленная политика по ее развалу. Имеются случаи, когда на священнослужителей, которые поддерживают Московский Патриархат, открываются уголовные дела.

Переосмысление и корректировка русской истории, культуры, вытеснение русского языка становятся доминирующим направлением политики новых властных структур.

За использование русского языка пытаются вводить штрафные санкции.

В педагогических вузах прекращены подготовка и выпуск учителей-предметников, преподающих на русском языке.

Происходит поспешное сокращение школ с русским языком обучения.

Из школьных программ украинской национальной школы изымается русский язык как базовый образовательный компонент.

“Закон о языках”, принятый на Украине (1989 г.) и не утративший юридической силы по сей день, предусматривает равные права русского и украинского языков в наиболее важных сферах жизни: в образовании, науке и производстве, СМИ, судопроизводстве, административной, социально-политической и религиозной деятельности. Однако статьи Закона грубо нарушаются органами исполнительной власти на всех уровнях и повсеместно.

Например, обучение в школах Крыма, население которого фактически русское по своей этнической принадлежности (70%), киевские власти намереваются насильно перевести на украинский язык.

Такое отношение к русскому языку противоречит нормам международного права и воле большинства народа Украины.

По данным Киевского Центра политических исследований и конфликтологии, 80% населения страны считает необходимым повысить статус русского языка, 64% выступает за признание его вторым государственным языком.

Конечно, если бы Украина была демократическим государством, то все бы решалось в соответствии с волей народа. Однако ее новые лидеры вспоминали о демократии только на “оранжевом” майдане – и обман удался.

Фанатичными противниками русского языка, сделавшими курс на его выдавливание своим политическим знаменем, выступают, в основном, политизированные группы националистически настроенной галицийской интеллигенции да западноукраинские лоббисты в центральном правительстве в Киеве. Значительное влияние на этот процесс оказывает Польша, продолжающая свою извечную антирусскую традицию, выражавшуюся в размывании единой русской нации, отчуждении малороссов от великороссов, разрушении их языковой общности, стремлении подменить русский литературный язык на малороссийское наречие. Определенную роль сыграли

поляки в замене термина “Малая Россия” на “Украину”, чтобы в названии региона не было слов “Россия”, “Русь”, режущих слух польской шляхте и подтверждающих непреложность идеи, что Малая Россия различается с Великой Россией по географическому, но не по национальному признаку.

Как говорил Богдан Хмельницкий в речи на Переяславской Раде (1654 г.), гонители и враги Малой России “хотят искоренить Церковь Божию^{*}, дабы имя русское не помянулось в земле нашей”.

Представляет интерес знакомство с языковой ситуацией в других странах и характером решения аналогичных проблем.

Например, в Швейцарии равноправными являются четыре основных языка: немецкий, французский, итальянский и родственный итальянскому, близкий к древней латыни ретороманский язык.

Однако для утверждения своей “особости” как самостоятельной швейцарской нации и недопущения идентифицирования себя с немцами, французами и итальянцами, швейцарцы не дают исчезнуть и местным диалектам.

Так, в немецкоговорящих кантонах, в которых проживает около 75% населения страны, широко используется свой, “швейцарский язык” – “швицертюч”, представляющий диалект немецкого языка. Но понимая, что с безальтернативной ориентацией на “швицертюч” можно сильно отстать в культурном, научном развитии, сузить международные связи, швейцарцы не позволяют себе очутиться в парадоксальной ситуации, в которой местное наречие объявлялось бы литературным языком, а высокородный классический немецкий язык – Hochdeutsch – прозябал бы на правах непризнанного чужеземца.

Прекрасный пример украинским “патриотам” демонстрируют австрийцы, которым общий с Германией немецкий язык не мешает быть самостоятельной нацией и иметь собственное независимое государство. Язык для них является фактором добрососедства с Германией, гуманитарной общности и взаимообогащения культур.

Однако политика административной украинизации фактически не берет в расчет ни внутренние факторы, ни международный опыт и ведет страну не к сплоченности и стабильности, а к политической неустойчивости и углублению раскола на Восток – Запад, явившимся одним из негативных последствий “оранжевого” переворота.

Новыми властями инициируются попытки ликвидировать раскол страны как репрессивными методами (“охотой на ведьм”), так и путем внедрения в сознание населения объединительной идеи, основанной на галицийских ценностях, как якобы наиболее полно сохранивших в себе традиции украинства. Однако такой подход тенденциозен и грозит еще большей политической нестабильностью.

Во-первых, Галичина – это меньшая часть Украины.

Во-вторых, украинство существует здесь в нечистом виде, вперемежку с польскими и австро-венгерскими традициями и в таком состоянии не воспринимается подавляющим большинством украинского народа. И не случайно “западэнские” украинцы чтут тех “героев” прошлого, которые для жителей восточной и юго-восточной части страны являются антигероями.

Таков, в частности, гетман Ив.Выговский, ставший на путь вероломства и предательства. В 1657 г., вопреки воле малороссийского народа и значительной части казачества, нарушил решения Переяславской Рады (“я государю не присягал, присягал Хмельницкий”), вошел в сношения с крымским ханом Мегмет Гиреем и готов был стать его данником. Всех, кто противился предательству, жестоко карал.

Так, в 1658 г. он, с помощью крымских татар, овладел Полтавой, казнил своих противников и в знак благодарности за помощь отдал Полтаву на разграбление татарам.

Ивашка Выговский, как его величали казаки, не только начал вооруженную борьбу против России, но развязал войну внутри Малороссии, следствием чего явился отход от него казацкой старшины, а сам он переметнулся к полякам, приняв подданство польского короля. Однако в 1664 г. он изменил и полякам, решив поднять восстание уже в пользу царя, за что был расстрелян полковником Маховским по приговору военного суда. Таков “западэнский герой”.

Еще более гнусным предателем был гетман Мазепа, бывший смолоду слугой польского короля.

По свидетельству историка С.М.Соловьева, Мазепа так часто нарушал присяги, предавал и изменял, что “измены стали ему за обычай”.

И хотя гетманский режим был отменен в 1780 г., однако его обычаи не только сохранились,

но и почитаются современной украинской элитой. На примере Мазепы пытаются воспитывать молодое поколение, его изображение красуется на нынешнем украинском десятигривеннике.

Если для целого ряда галицийских политиков присоединение Малороссии к России является “черным днем”, а Богдан Хмельницкий представляется чуть ли не предателем, то для восточной и юго-восточной Украины Переяславская Рада – светлое, судьбоносное событие, не позволившее Украине стать легкой добычей алчных соседей, превратиться в территорию Речи Посполитой с опоячленным малорусским населением. Вместе с тем историки и политологи подчеркивают огромную роль России в спасении Украины, отведшей от нее угрозу исчезновения, погружения в Лету, как это случилось с другими, слабо организованными и подневольными народами, особенно с теми, которые не имели собственной государственности. Имена Богдана Хмельницкого и российского царя Алексея Михайловича, согласившегося после многолетних просьб принять в свое подданство Малороссию, пользуются глубоким почитанием в светлой памяти украинского народа.

Исторические традиции и политические привязанности восточной и юго-восточной Украины, сформированные в результате длительной совместной борьбы украинского и русского народа за свои социальные идеалы, в огромной мере соответствуют как национальным, так и общечеловеческим нравственным принципам.

Поэтому галицийский “герой” Ст.Бандера – боевик немецко-фашистских оккупантов – пользуется в восточной Украине таким же презрением, как и в России (его, презирал даже Гитлер).

И еще один примечательный штрих. Нигде на Украине, только во Львове на одной из улиц чернеет отталкивающая табличка с надписью: “Ул.Дж.Дудаева”...

Гонение на русский язык, культурно-историческую общность наших народов, искажение и подмена традиционных оценок героев и событий прошлого – все это не возрождение, а деформация национального украинского духа. Создаваемая новой элитой национальная доктрина является не чем иным, как искусственно сконструированным националистическим каркасом, а потому бесплодным и бесперспективным. Ложная ориентация, отрыв от исторической, национальной и культурной почвы привели к краху режимов Л.Кравчука и Л.Кучмы. Еще быстрее это может случиться с режимом Ющенко.

Не галицийско-австрийский, а украинско-русский фактор (исторический, культурный, экономический, геополитический), реально отражающий основные составляющие бытия народа, – вот что сегодня может представлять адекватную основу единой Украины.

Но поскольку переживающей переломный этап своей истории Украине, возглавляемой проамерикански настроенными лидерами, такой вариант единения представляется принципиально неприемлемым, то реальным политическим инструментом, устраняющим опасность раскола, может служить федеративное устройство государства, которое, вместе с тем, способно укрепить подлинную независимость Украины, сохранить нормальные отношения с Россией и повысить международную роль страны. Не жесткая централизация, а демократизация и федеративное устройство по примеру Германии, Швейцарии, США и некоторых других государств могут стать эффективным средством успешного развития новой Украины. Только в рамках федерации русские и русскоязычные регионы обретут полноценное право голоса в решении судеб украинского государства. Федеративный проект, к которому склоняется Партия Регионов Украины (В.Янукович) и значительная часть населения страны, имеет основания найти поддержку и российской стороны.

Целям демократического развития Украины отвечает также прекращение дальнейшей ассимиляции русского населения с обязательным предоставлением русскому языку, наравне с украинским, статуса государственного языка, а также повышение роли Украинской Православной Церкви Московского Патриархата и сохранение в ее лоне массы верующих. Церковное единство России и Украины – это уникальный исторический феномен духовного родства двух братских народов, с которым не сравнимы западные ценности, искусственно насаждаемые на украинской почве.

Происшедший в стране переворот, результатом которого явилась замена одного коррумпированного клана другим, сохранил в неприкосновенности прежний общественный строй. Поэтому нет оснований ожидать от новой власти каких-либо кардинальных внутренних перемен, кроме продолжения межклановых коллизий, передела собственности и внешнеполитических вариаций. Прогнозы относительно перспектив развития межгосударственных отношений России и Украины тоже далеко не очевидны, несмотря на резвый поворот новой власти в сторону Запада сразу после срежиссированного переворота. К тому же бывший единым на политическом майдане блок “революционеров” в новых условиях дал трещину, приведшую фактически к открытой борьбе

за власть двух амбициозных лидеров – В.Ющенко и Ю.Тимошенко. На обострение ситуации повлияла навязанная парламенту Украины прежним режимом политическая реформа, урезающая полномочия президента и передающая всю полноту власти главе правительства, пост которого намеревался занять сам Кучма. Однако “оранжевые события” смешали планы Кучмы и его реформа “под себя” оказалась реформой под Тимошенко и во вред Ющенко как президента**.

Вступление в силу этого законодательного положения может означать для Ющенко потерю влияния в стране. Изменить ситуацию, оставаясь в рамках конституционного поля, можно только отменив это конъюнктурное нововведение. При этом Верховная Рада должна принять закон о восстанавливающей статус-кво президентской власти. А для этого необходимо иметь парламентское большинство. Попытка же Ющенко сформировать его волевым путем не находит поддержки депутатов Верховной Рады и ее спикера Вл.Литвина.

Остается одно: победить на парламентских выборах 26 марта будущего года и изменить в свою пользу соотношение сил. Однако сделать это будет непросто, поскольку Ю.Тимошенко даже после своего ухода в отставку с поста премьера сохранила, а скорее укрепила, реальную возможность для самостоятельной политической игры и, несомненно, попытается не упустить шанса.

Нельзя сбрасывать со счетов в предстоящей избирательной кампании и Партию Регионов В.Януковича, пользующуюся поддержкой почти половины электората страны, который к тому же может увеличить свою численность из-за растущего разочарования народных масс плодами “демократической” победы. Перетряхивание кадров, передел собственности в пользу “своих”, падение производства, острая нехватка энергоресурсов, сокращение рынков сбыта для украинской продукции, обострившийся финансовый кризис, резкое снижение жизненного уровня населения, рост опережающими темпами инфляции, взлет цен на товары первой необходимости, глубокий политический и идеологический раскол страны на Восток–Запад – таковы плоды “оранжевого” переворота.

Реально прогнозируемые энергетические проблемы в предстоящий осенне–зимний период, повышение тарифов на тепло и энергию могут еще более осложнить политические позиции “оранжевых” и снизить их шансы на доминирование в Верховной Раде по итогам мартовских выборов. Причем недовольство новой властью проявляют не только в восточной, но и в западной Украине, а это уже равносильно сигналу “SOS”, бегству с тонущего корабля. Заметно снижается уровень доверия к Ющенко и по данным социологических опросов, он составляет немногим более 30%.

Нельзя не отметить и такую деталь. Как в Чехии правительство принудят к отставке, если оно повысит цены на “пивочко”, так и на Украине рост цен на сало и снижение объемов его производства – тревожный сигнал для президента. А за последние месяцы цены на сало выросли в 2,5 раза и к тому же оно становится все более дефицитным товаром. Украинское сало – это зеркало “оранжевой революции”.

Вместе с тем, отсутствие должной организованности и скоординированных действий в поведении оппозиционной партии, недостаточное использование ею своего материального и информационного потенциала понижают уровень ее влияния на электоральную массу. Кроме того, необходимо учитывать и массивное политическое и административное давление со стороны режима Ющенко вплоть до угроз уголовного преследования (и их реализации) региональных лидеров юго-востока страны.

Но у партии есть резервы и возможности для повышения эффективности своих действий. В частности, важно не упустить время с разработкой избирательной программы, способной мобилизовать как традиционных сторонников, так и привлечь новую электоральную массу для совместного отстаивания национальных интересов. В сложившейся ситуации целесообразно установление диалога с другими представителями внепарламентской оппозиции, в том числе с Прогрессивно-социалистической партией Натальи Витренко и др.

Восстановление возможностей оппозиции реально конкурировать с действующей властью на предстоящих парламентских выборах отвечает глубинным интересам России, и, наоборот, наихудшим вариантом для нее была бы консолидация Украины на антироссийской основе, к чему стремится запад. Вместе с тем России надо чрезвычайно взвешенно и осторожно осуществлять поддержку партии В.Януковича, придерживаясь принципа – не навреди. И вряд ли стоило “Единой России” вновь наступать на те же грабли, подписывая соглашение о сотрудничестве с Партией Регионов: оно может оказать медвежью услугу на парламентских выборах и еще более девальвировать российский фактор.

В СМИ, особенно в теле- и радиопередачах, чрезвычайно важно систематически и аргументировано проводить влияющую на формирование украинского общественного мнения идею, что критика некомпетентного украинского руководства, внешняя политика которого идет вразрез с национальными украинскими интересами, не имеет ничего общего с нашим дружеским, комплиментарным отношением к Украине и ее народу. К сожалению, наши СМИ пока уделяют недостаточное внимание этому вопросу.

Изменившийся вектор украинской внешней политики требует и от России новой тактики. Прежняя практика верхушечных договоренностей с украинской элитой, включающая односторонние уступки, не соответствует новым условиям и требует перевода внешнеэкономических связей в режим последовательного прагматизма с максимальным учетом национальных российских интересов. Гибкая и принципиальная дипломатия во внешнеполитических связях, твердое отстаивание законных прав российских соотечественников, оказание им реальной помощи в сохранении культурных ценностей и защите русского языка являются нашими адекватными ответами. В этой связи представлялось бы целесообразным, чтобы экономические связи, энергопоставки из России и цены на энергоносители находились в зависимости от политики новых украинских властей по отношению к русскому языку и российским соотечественникам.

В то же время нельзя не видеть бесперспективности устремлений новых властей Украины размежеваться с Россией, обособиться от нее. Большую часть нефти и газа Украина получает из России, и все ее попытки освободиться от российской зависимости, найти другие источники энергии не могут дать какого-либо эффекта, так как поставки идут главным образом через энерготранспортную систему России.

Нынешняя украинская верхушка сменами своих ориентиров и покровителей напоминает казацкую старшину XVII в., которая, не имея и не желая иметь своей государственности, постоянно лавировала между сильными мира сего в поисках легкой и быстрой выгоды. Но, в конце концов, в силу самосохранения и национальной безопасности, но главным образом под давлением народных масс, присягнула на верность русскому царю и влилась в Империю.

Не изменился менталитет и нынешней украинской старшины. Как только она поймет, что приобретает и что теряет от смены внешнеполитического курса, то вновь пересмотрит свои приоритеты. Это неизбежно.

Тем более что надежды поправить свои дела с помощью Запада не оправдались. Кроме обещаний, ничего больше от него Украина пока не получает. Запад по-прежнему отказывает и в льготных кредитах, и в предоставлении новых технологий, а без них Украине не выбраться из положения страны третьего мира, в котором она находится.

Правда, по свершении “оранжевого” переворота Евросоюз обещал выделить ей 3 млрд. долл. в течение ближайших 3 лет, хотя для поддержания украинской экономики требуется не менее 60–70 млрд. долл. ежегодных вложений. Но даже и обещанного мизера Украина не получает.

Правда, США расщедрились: в июле т.г. Конгресс разрешил выделить 140 млн. долл., предназначенных исключительно для умиротворения 40-миллионного населения восточной и юго-восточной Украины (по 3,5 долл. на чел.), не оценившему по достоинству роли “оранжевой революции”.

Оказались мифом и радужные мечты о вступлении в Евросоюз: Европа не пойдет ради Украины на финансовое перенапряжение, экономические трудности и социальный дискомфорт. В европейских политических кругах доминирует мнение, что пределы расширения Евросоюза должны остановиться на Болгарии и Румынии, процесс вступления которых в ЕС продвинулся настолько далеко, что его невозможно остановить. Но больше никого. К тому же Украина не может быть принята в ЕС по объективным причинам. Речь идет о несоответствии развития демократии и гражданского общества европейским стандартам; отсталых украинских технологиях и низкой производительности труда; низком уровне жизни населения.

Соотношение между доходами 10% самой богатой части населения и такого же числа самых бедных жителей в Евросоюзе составляет 6:1, а на Украине – 40:1. Естественно, ЕС в аутсайдерах не нуждается.

Поэтому в украинской верхушке началось внутреннее брожение. Трезвые политики (А.Кинах др.) выступают за развитие сотрудничества и партнерства с Россией, прежде всего в сфере экономики. Ведь около 80% всех промышленных и энергетических объектов Украины зависят от поставок из России сырья, топлива, полуфабрикатов, комплектующих. Энергетическая независимость Украины, с учетом ее финансовой несостоятельности, практически неосуществима.

Россия будет по-прежнему играть основную роль в удовлетворении ее энергетических потребностей, и, естественно, с Россией надо вести себя подобающим образом. Тем более что развитие российской энерготранспортной системы, минуя Украину, будет иметь негативные последствия для ее экономики.

Так, открытие Северо-Европейского газопровода, по которому только в Германию пойдет 30 млрд. куб. м газа да еще 30 млрд. куб. м будет вывозиться в сжиженном виде, весьма ощутимо ударит по интересам Украины. Ведь примерно наполовину сократится наш транзит газа через ее территорию (сегодня он составляет 120 млрд. куб. м)^{***} и соответственно снизятся до 11–13 млрд. куб. м объемы получения Украиной газа в счет оплаты транзита.

С введением в строй газовой трубы Ямал – Белоруссия – Западная Европа украинская газотранспортная система окажется если и не совсем не у дел, то во всяком случае на голодном пайке, что приведет страну к еще более глубокому социально-экономическому и финансовому кризису, который может обернуться кризисом политическим. Поэтому “оранжевым” политикам надо смотреть хотя бы на ход вперед, а не дожидаться, когда жареный петух клюнет.

Правда, “оранжевая” команда довольно изобретательна. Если прежняя администрация, испытывая газовый дефицит, “тырила” российский транзитный газ не только на удовлетворение внутренних потребностей, но даже занималась его реэкспортом, умножая число самостийных олигархов, – то при Ющенко решили избрать легитимный путь обогащения. В мае т.г. президент выступил с инициативой создать международный консорциум по продаже газа в составе Украины, Польши и Германии. Однако основательные немцы отклонили эту несерьезную затею. Руководство акционерного общества “Э.ОН Рургаз” назидательно заметило, что не видит перспектив у консорциума без участия в нем России. Не имея достаточных запасов газа, трудно рассчитывать на роль субъекта на европейском газовом рынке.

И получается: если нечего экспортировать, то берутся за “экспорт революции”: и пиара в избытке, и угождение Западу невпроворот. Правда, эта статья экспорта не изобретение Ющенко или грузинского лидера, а является троцкистским наследием, которым воспользовались приспешники Соединенных Штатов для развала СНГ и свержения не угодных им режимов. В их действиях тот же троцкистский авантюристический курс на “подталкивание” революции; тот же популистский обман молодежи – детонатора “неуправляемых” уличных акций по свершению заказных переворотов; та же беззастенчивость в корректировке истории и разрушении русской культуры и, наконец, та же перманентность в сокрушении независимых режимов, те же попытки вывести революцию за пределы национального государства и продолжать ее до тех пор, пока “свобода и демократия” по-американски не восторжествуют на всем постсоветском пространстве.

Революционный зуд украинского президента налицо и проявляется он в целом ряде выдвинутых им инициатив.

Так, на саммите ГУАМ в Кишиневе, а также недавней полуинтимной встрече с грузинским лидером в Боржоме Ющенко озвучивал одну и ту же идею (не свою, американскую), что борьба “за свободу и демократию” не может ограничиваться четырьмя государствами ГУАМ, а должна охватить всю Европу – от Атлантики до Каспийского моря.

Для обсуждения этой проблемы Ющенко намерен осенью провести в Киеве специальный саммит и создать коалицию “демократических государств” из стран Черноморского, Каспийского и Балтийского регионов – “Сообщество демократического выбора” как альтернативу СНГ.

Создать-то, конечно, можно. Принять декларацию, взбудоражить СМИ, но будет ли реально функционировать эта амбициозная структура – в этом нет уверенности, потому что ее предполагаемые участники – это, в основном, те же несамодостаточные гуамовцы, испытывающие серьезный экономический кризис.

Чьей же содержанкой в таком случае будет она?

Евросоюз исключается. Другого спонсора, кроме США, нет, но вряд ли эта затратная затея под силу и Америке, сгибающейся под тяжестью непомерных расходов по борьбе с “международным терроризмом” и природными катастрофами, пытающимися вразумить Америку, заставить ее отойти от международной экспансии и заняться своими внутренними проблемами.

Надо иметь в виду и другое. Балтийско-Черноморская структура еще не создана, а Польша – новый американский сателлит – уже вознамерилась реанимировать империалистические методы, чтобы играть заглавную роль в расширенном ГУАМ. Неспроста заговорили о том, что Украина, Белоруссия, Литва были некогда территориями Речи Посполитой.

Можно понять появившуюся нервозность в поведении украинского президента. Возникшая пауза в проведении российско-украинских официальных встреч на высшем уровне, отсутствие

динамики и определенности в международных отношениях, когда Запад ничего существенного предложить не может, а Восток, по известным причинам, не хочет. Все это свидетельствует о необходимости внесения серьезных корректив в избранную президентом Ющенко политику, тем более что время работает не на “оранжевую” команду.

Новая украинская реальность, высветившая негативные стороны “оранжевой перестройки” и вообще бессмысленность происшедшей “демократической революции”, должна стать побудительным мотивом для инициатив Ющенко, связанных с заверениями в верности Украины стратегическому партнерству с Россией, ее жизненной заинтересованности в российских газе, нефти, рынках, возможностях трудоустройства украинских граждан и т.д.

Вместе с тем для противодействия взятому Киевом курсу “в сторону от России” и стратегии на разрушение русской этнической общности представляется чрезвычайно важным активизировать российско-украинское экономическое сотрудничество, особенно в тех сферах и видах производства, которые сосредоточены в восточных и юго-восточных регионах и где не делается различий между компактно проживающими русскими и украинцами. Именно здесь размещены наиболее важные отрасли экономики (Донбасс, Днепропетровск, Харьков, Луганск, Одесса, Крым, Кривой Рог, Днепродзержинск) и проживает основная масса украинского населения, устойчиво выступающая за тесные отношения с Россией. Сотрудничество с этими мощными регионами, находящимися ныне в кризисе, окажет позитивное воздействие на подъем производства, поможет создать сотни тысяч новых рабочих мест, поднять жизненный уровень людей и, таким образом, будет способствовать повышению доверия к русским и России. Позитивная волна, пусть незначительная, будет доходить и до негативно относящейся к России слаборазвитой 5-миллионной Галиции (Львов, Ивано-Франковск, Тернополь), испытывающей разочарование в последствиях “оранжевого” переворота. Словом, развитие взаимовыгодных партнерских отношений является верным средством, способным затормозить процесс искусственного отчуждения наших стран, инициируемый “оранжевой” верхушкой и западными антироссийскими кругами.

Фактически нет ни одной отрасли в экономике Украины и России, где бы не было перспектив для сотрудничества, отвечающего нашим общим интересам. Конечно, нахождение у власти в Киеве проратовского правительства вынуждает Россию в целях безопасности сворачивать сотрудничество с Украиной по ряду военно-технических проектов. В то же время имеется немало наработок по совместному производству продукции мирного назначения, которое целесообразно развивать и совершенствовать.

В первую очередь речь может идти о создании авиационной техники, где существуют долговременные и прочные связи, тесная производственная кооперация, в частности, по созданию уникального военно-транспортного самолета АН-148. Машина обладает способностью подниматься в воздух с малоприспособленных аэродромов с короткими взлетно-посадочными полосами и т.д. До серийного выпуска оставалось совсем немного времени, однако “какие-то силы” (“из-за финансовых трудностей”) затормозили развитие проекта, и пока не наблюдается инициатив для исправления ситуации.

Примечания

* Католическая Польша разлагала православную церковь на Украине, силой принуждала ее к униатству, подлыми методами давила и оскорбляла православную веру.

** В.Ющенко отправил в отставку правительство во главе с Ю.Тимошенко в первой декаде сентября с.г.

*** Всего Россия экспортирует 140 млрд. кубометров газа.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ ЗАПАДА В ВОЛГО-КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Анализ Каспийской экологической программы

А.Максимов,
Заслуженный метеоролог РФ

В XXI в. экология становится ключевым фактором не только при решении проблем социально-экономического развития в различных странах и регионах мира, но и в межгосударственных отношениях.

В предлагаемых читателю статьях под общим названием: “Экология – инструмент геополитической экспансии Запада в Волго-Каспийском регионе” рассматриваются экологические инициативы Запада под углом их стратегических и экономических интересов в богатом природными ресурсами и экологически неблагополучном регионе.

Акцент сделан на анализе иницизированной США “Каспийской экологической программы” как прелюдии к установлению внешнего управления Волго-Каспийским регионом, проектов Евросоюза и НАТО, направленных на “обеспечение их лидирующей роли в выработке решений по вопросам социально-экономического развития и охраны окружающей среды” в жизненно важном для России Волжском бассейне.

Рассматриваются недостатки в практической деятельности российских органов государственной власти и отсутствие государственно-ориентированной политики России в регионе, направленной на сбалансированное использование его богатых природных ресурсов и сохранение уникальной природной среды.

Обоснованы предложения по формированию и реализации политики, основанной на передовом мировом опыте комплексного управления крупными регионами и не допускающей ущерба национальным интересам и безопасности России.

Редакция

В России с большой обеспокоенностью отмечают крайне неблагоприятное для страны развитие геополитической ситуации в Волго-Каспийском регионе, связанное с экспансией США и других западных стран. Это не только подрывает веками формировавшиеся и сложившиеся принципы интеграционных процессов, происходящих в регионах Кавказа и Средней Азии, но угрожает самому существованию Российского государства.

Положение и роль России в этом жизненно важном для страны регионе в последние годы стали предметом широких обсуждений и исследований. Выработанные на их базе предложения по политике и неотложным мерам по проблемам устойчивого развития Волго-Каспийского региона и сохранения в нем исторических позиций России направляются для рассмотрения в различные органы законодательной и исполнительной власти страны, включая Президента, Парламент, Правительство России и их структуры. К сожалению, эти обращения и предложения игнорируются при принятии решений.

Позиция, занимаемая различными органами законодательной и исполнительной власти РФ по Волго-Каспийскому региону, свидетельствует об отсутствии у руководства России политической воли и желания принимать эффективные меры по обеспечению геополитических интересов страны.

В предлагаемом материале проблемы региона рассмотрены в следующих аспектах:

– представлен анализ причин сложившейся неблагоприятной для России ситуации через

призму природоохранной проблематики, используемой западными странами и структурами в качестве политического средства для расширения и укрепления своих позиций в регионе;

– рассмотрена и обоснована необходимость создания механизма защиты общенациональных интересов России в Волго-Каспийском регионе, развития международного сотрудничества, отвечающего интересам и безопасности всех прикаспийских стран.

КАСПИЙСКАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА – ПРЕЛЮДИЯ К ВНЕШНЕМУ УПРАВЛЕНИЮ ВОЛГО-КАСПИЙСКИМ РЕГИОНОМ

Запад и Каспий: две волны нового “похода на Восток”

Волго-Каспийский регион, до недавнего времени бывший недоступным для внешнеполитических интересов западных “центров силы”, после развала Советского Союза превратился в важнейший узел стратегических противоречий между Западом и Россией.

Интернационализация и глобализация международных проблем Волго-Каспийского региона сопровождается невиданной активностью США и Европейского союза, направленной на завоевание ключевых позиций в регионе, установление контроля над его природными ресурсами и устранение России как активного участника региональной деятельности.

Такое развитие событий не просто наносит ущерб интересам России в регионе, включающем 39 субъектов Федерации (почти полстраны), но и создаёт прямую угрозу её целостности как государства.

События развиваются в крайне неблагоприятном для страны направлении с различными сценариями ее вытеснения из региона. Об этом свидетельствует, в частности, создание военных баз США и НАТО в странах Средней Азии, стремительное продвижение Грузии, Украины и Азербайджана к альянсу с НАТО и Евросоюзом, настораживающее развитие событий вокруг Ирана и, наконец, полное разрушение договорной системы о правовом статусе Каспийского моря (1921 и 1940 гг.) при одновременном проникновении и закреплении на Каспии многочисленных западных нефтяных компаний.

Особую опасность представляет активизация в последние несколько лет действий НАТО и Евросоюза уже в бассейне Волги, который издавна играл определяющую роль в становлении и развитии Российского государства.

Сразу после развала Советского Союза западными странами был осуществлен “блицкриг” по внедрению своих транснациональных компаний (ТНК) в нефтяной сектор Каспия.

Эта была как бы “первая волна” нового “похода на Восток”.

Ключевым событием в геополитической экспансии Запада стало подписание в 1993 г. “Соглашения о совместной разработке и долевом разделе добычи нефти по месторождениям Азери, Шираг и глубоководной части месторождения Гюнешли в Азербайджанском секторе Каспийского моря” между Азербайджаном и 9 крупнейшими в мире ТНК (8 западных ТНК и российское ОАО “ЛУКОЙЛ”). Это соглашение “де-факто” ликвидировало международно-правовой статус, подтверждавший исключительные права прикаспийских стран на хозяйственную деятельность на Каспии и предусматривавший систему консенсуса этих стран в управлении его ресурсами. Оно также создало прецедент раздела Каспия на сектора.

Как результат – в настоящее время почти 50 ведущих нефтяных компаний из различных стран мира участвуют или проявляют интерес к освоению нефтегазовых ресурсов по всему Каспию. Позиции ТНК на Каспии становятся господствующими.

“Второй волной” геополитической экспансии Запада в Волго-Каспийском регионе (ВКР) в постсоветский период стали “экологические” инициативы западных стран и международных организаций, осуществляемые под видом помощи в рациональном использовании уникальных биологических ресурсов региона и сохранении его уязвимой природной системы.

На самом деле использование Западом существующих в Волго-Каспийском регионе экологических проблем является эффективным и хорошо проверенным средством захвата и укрепления стратегических позиций на постсоветском пространстве.

Из недавней истории известно, как были гипертрофированы и использованы для разрушения СССР наши экологические проблемы.

В настоящее время эта тактика интенсивно эксплуатируется посредством навязывания прикаспийским странам различных “природоохранных программ и проектов”, целью которых является отнюдь не оказание помощи странам в решении существующих острых экологических проблем. Наоборот, западные представители посредством этих программ и проектов решают в

своих интересах важнейшие стратегические и экономические задачи.

Достижению целей Запада в Волго-Каспийском регионе значительно способствует помощь, оказываемая ему со стороны прозападной, проамериканской части властной вертикали России. Анализ деятельности в природоохранной сфере России в течение 90-х годов свидетельствует о том, что некоторые высшие руководители этой сферы принимали и осуществляли решения, которые наносили ущерб коренным интересам России. Их решения открывали “зеленый свет” инициативам США, стран Западной Европы и подконтрольным им международным структурам, включая Всемирный Банк, Евросоюз, НАТО, USAID, и т.д. Это осуществлялось с грубым нарушением действующего в России законодательства, без проведения необходимой комплексной оценки западных инициатив с точки зрения их соответствия интересам страны.

Одним из крупнейших проектов на Волго-Каспии, инициированных Западом, является Каспийская экологическая программа (КЭП), в рамках которой и развивалась экспансия США и Евросоюза в регионе в последние 10 лет.

Неприемлемость содержания КЭП с точки зрения безопасности России

Инициатором, руководителем и основным донором КЭП (общие расходы на реализацию Программы составляют около 20 млн. долл. на период 1-й фазы: 1998–2002 гг.) выступают США через механизм Всемирного Банка, а также ЕС.

Концепция КЭП и сама Программа, разработанные в США и одобренные на совещании представителей природоохранных ведомств прикаспийских стран, Всемирного Банка, ПРООН, Евросоюза и ЮНЕП (Иран, г. Рамсар, 1–3 мая 1998 г.), недвусмысленно свидетельствуют о её направленности на установление внерегионального контроля практически в любой сфере жизни прикаспийских государств. При этом главным мотивом деятельности КЭП является её антироссийская направленность.

Не случайным является употребление по всему тексту КЭП термина “управление окружающей средой”.

На современном уровне знаний и технологических достижений даже в принципе представляется невозможным управлять окружающей средой. По этой причине вышеуказанный термин следует понимать только как навязывание определённых административных решений и процедур (и/или возможности навязывать такие решения и процедуры в дальнейшем), способных выйти далеко за пределы целей, задач и сферы компетенции КЭП и затронуть суверенитет прикаспийских стран, включая Россию.

Представляются намеренно двусмысленными понятия “береговая зона” и “Каспийский бассейн”, в который входит и бассейн р. Волги.

Концепция зоны действия КЭП рассматривает как бы только Каспийское море. Однако неопределённость и двусмысленность содержащихся в ней понятий “Каспий”, “Каспийский регион”, “Каспийский бассейн” влекут за собой не только международно-правовую двусмысленность (недопустимую в таком прецедентном по характеру проекте), но и просчеты содержательного характера, ещё более снижающие эффективность возможных будущих природоохранных мероприятий.

Фактически в КЭП проигнорирован важный во многих отношениях вопрос принципиальной особенности Каспия как целостной замкнутой водной системы.

Данное обстоятельство имеет исключительное значение не только для международно-правового статуса Каспийского моря.

Нарушение состояния экосистемы в одном районе неизбежно окажет негативное воздействие на состояние значительной её части или всей системы. Уникальный характер экосистемы Каспия и её уязвимость превращают вопрос о предельно допустимом уровне антропогенной нагрузки (особенно загрязнения) на окружающую среду бассейна в ключевую проблему экологической стратегии прибрежных стран. Эта проблема становится главной для благополучия населения прибрежных районов и сохранения экосистемы Каспия в условиях максимального, не ограниченного никакими пределами, использования нефтегазовых ресурсов Каспия в ущерб биологическим ресурсам.

Экологическая проблематика рассматривается в концепции КЭП фактически в полном отрыве от социально-экономической ситуации в прикаспийских странах.

Первая фаза КЭП показала весь блеф заявлений американских авторов Концепции о её вкладе в “устойчивое развитие” региона. Это подтверждается, в частности, тем, что широко

рекламируемый в КЭП “Портфель приоритетных инвестиций” оказался фактически пустым. Вся инвестиционная деятельность свелась к предоставлению прикаспийским странам за этот период средств на сумму около 2 млн. долл. в рамках так называемой “Программы малых грантов”. При этом России из этих средств досталось около 200 тыс. долл. (10% от общей суммы) на реализацию трёх небольших проектов (два в Астрахани и один в Махачкале). Результаты этих проектов до сих пор не ясны.

Что касается средств, выделенных на реализацию самой КЭП (20 млн. долл.), то они в основном были истрачены на оплату услуг многочисленных внерегиональных организаций, экспертов и консультантов, работа которых свелась, практически, к бумаготворческой деятельности.

Игнорируя социально-экономические аспекты проблемы устойчивого развития Волго-Каспийского региона, КЭП уделяет особое внимание интересам нефтяных компаний и международных финансовых институтов в этом регионе. Программа прямо акцентирует “уникальную роль” нефтяных компаний в Каспийском регионе и фактически ставит их на один уровень с прикаспийскими государствами.

В Программе не содержится никаких предложений о сотрудничестве КЭП с прикаспийскими странами в организации контроля над деятельностью нефтяных компаний, равно как не содержится никаких механизмов долгосрочной ответственности ТНК за ущерб, наносимый здоровью и жизни людей, уникальному и уязвимому биоразнообразию и природной среде Каспия.

Хорошо известно, что применительно к уникальной и очень уязвимой природной среде Каспия, а также социально-экономической обстановке в прибрежных районах именно долговременные негативные инерционные последствия от хозяйственной деятельности являются особо разрушительными.

В этих условиях весьма высока вероятность превышения предела пластичности и устойчивости экосистемы Каспийского моря и её необратимой деградации.

Ускоренное несбалансированное развитие нефтяной отрасли в Каспийском регионе, как это происходит в последние годы, приведёт к тому, что в течение нескольких десятилетий запасы нефти на Каспии будут исчерпаны.

К 2010 г., согласно американским данным, добыча нефти на Каспии составит от 3 до 4,7 млн. баррелей в день. И это ещё не предел. По оценкам специалистов, нефтяные запасы Каспия соизмеримы с запасами нефти Северного моря или Аляски на момент начала их эксплуатации.

В этих условиях очень вероятен следующий сценарий:

– по мере исчерпания запасов нефти ТНК покидают Каспийский регион, получив хорошую прибыль за период своего хозяйствования в регионе (иначе, чем ещё объяснить их ажиотажное внимание к каспийской нефти?);

– в прибрежных районах прикаспийских стран значительно обостряется социально-экономическое положение из-за одностороннего, ориентированного на добычу нефти развития с последующим обрушением экономики и острым социальным кризисом;

– Каспийское море из уникального природного объекта превращается в зловонную лужу;

– исчезает уникальное биологическое разнообразие Каспия.

Проблема негативных последствий и ответственности хозяйствующих субъектов за долгосрочную деградацию Каспия вообще не нашла отражения в КЭП, несмотря на то, что Программа, по замыслу её американских авторов, имеет долгосрочный характер.

В Концепции и Программе лишь эпизодически упоминаются проблемы научного обеспечения КЭП, хотя именно научные исследования имеют ключевое значение при определении предельно допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду Каспия и допустимых пределов изъятия природных ресурсов региона.

Следует подчеркнуть, что ни один из проектов КЭП, реализованных в рамках её 1-й фазы, не имеет существенного значения для решения проблем Каспия. Их результаты не представляют интереса для российской науки и практики, которые занимаются этими вопросами в течение многих десятилетий.

Подтверждением этих выводов могут служить, в частности, характер и результаты следующих проектов:

Проект: “Экотоксикологическое исследование: изучение аккумуляции токсических загрязнителей и связанных с этим патологий у осетровых, каспийских тюленей и костистых рыб”.

Организация этого проекта явилась одной из попыток изучить причины массовой гибели каспийских тюленей и некоторых видов рыб в Каспийском море в конце 90-х и начале нового

столетия.

Япония через Всемирный Банк выделила около 1 млн. долл. на реализацию проекта. Очевидно, что объединение усилий научного сообщества прикаспийских стран, многие годы занимающегося этой проблемой, и международной экспертизы, способствовало бы эффективному решению этой научной задачи. Важность её решения выросла особенно в последние годы в связи с активизацией нефтегазодобывающей деятельности на Каспии.

Однако этого не произошло. На Западе была подготовлена программа исследований, согласованы роли десятков западных экспертов в выполнении основных работ, определены лаборатории в США, Западной Европе и Японии для аналитических исследований, согласованы методики исследований (в основу были положены методики Американского агентства по охране окружающей среды).

Проект был реализован фактически без участия российских НИУ и учёных, за исключением нескольких специалистов.

Параллельно с выполнением западными организациями и специалистами экотоксикологического проекта КЭП, российские НИУ в соответствии со своими планами, как и ранее, продолжали заниматься токсикологическими исследованиями в Каспийском море.

Например, КаспНИРХ в 2001 г. провёл экспедиционные и аналитические исследования в Среднем и Южном Каспии в связи с массовым замором кильки в этих районах. В рамках исследования получены результаты, имеющие важное научное и практическое значение. Эти результаты были предоставлены участникам указанного проекта КЭП.

Наиболее ущербным для России результатом реализации экотоксикологического проекта КЭП является то, что на Каспии была создана научно-техническая инфраструктура, подконтрольная Западу, которая продолжает исследования на Каспии фактически без участия российских НИУ, при этом перенеся центр деятельности в Тегеран и Баку.

Об этом свидетельствует, в частности, организация проекта КЭП/ЕС “Устойчивое развитие рыбного хозяйства Каспия”, исполнителем которого является один из западных центров, уже создавший своё отделение в Баку; а также создание Региональной консультативной группы КЭП по биоразнообразию, ключевая роль в которой также принадлежит западным экспертам.

Показательным примером игнорирования внерегиональным руководством КЭП деятельности российских НИУ является обращение директора КаспНИРХ М.Красюка к руководителю КЭП Х.Гафарзаде с открытым письмом (опубликовано в Интернет), в котором обращается внимание на некорректное отношение со стороны КЭП к КаспНИРХ. В обращении подчёркивается, что КаспНИРХ, в течение многих лет осуществляющий исследования в области биоразнообразия, даже не информируется КЭП о мероприятиях Региональной группы.

Проект: “Проведение трансграничного диагностического анализа (ТДА) и разработка Стратегического плана действий (СПД) в Каспийском регионе на длительную перспективу”.

Выполнение работ по подготовке доклада ТДА и разработке СПД, по заявлениям авторов концепции КЭП, является основным компонентом 1-й фазы Каспийской экологической программы. Однако реальная ситуация свидетельствует о том, что не этим работам уделялось главное внимание. Основная задача 1-й фазы КЭП, как политического заказа Запада, – создание и обеспечение функционирования организационной структуры КЭП.

Рассмотрение содержательной части ТДА и СПД показывает, что ничего нового, что бы способствовало решению проблем Каспия, не предложено.

Доклад ТДА скорее является обзором ситуации на Каспии с рядом рекомендаций, которые могли бы быть сформулированы и без проведения исследований и высоких затрат на их подготовку.

Компетентные российские эксперты утверждают, что если бы российским учёным и специалистам предоставили хотя бы 1% из 20 млн. долл. средств, израсходованных во время 1-й фазы КЭП, они смогли бы подготовить доклад ТДА и СПД за гораздо меньший срок (ТДА готовился 4 года) и более качественно. В этом случае не было бы никакой необходимости в создании и функционировании громоздкой оргструктуры, созданной КЭП.

Ключевая роль в достижении точных оценок экологических параметров, как это требует мировая практика проведения ТДА, принадлежит надёжным исходным данным и информации.

Однако, по признанию авторов доклада ТДА (стр. 4), “данные не идеальны, бессистемны, слишком разбросаны по региону, аналитические методы не совершенны и т.д.”. Разделы доклада ТДА (Том II) подтверждают такую негативную самооценку.

В значительной мере ТДА был построен на данных и информации полученных из случайных

неофициальных источников.

Например, в 1999 г. во время приезда в Москву руководителя Центра КЭП по колебаниям уровня Каспийского моря (Алма-Ата) англичанина Т.Эванса и его сотрудников, они пытались за наличные деньги купить в Государственном океанографическом институте Росгидромета данные и результаты исследований по Каспию. И только из-за противодействия директора и сотрудников Института им это не удалось.

Кроме того, на одном из совещаний в Тегеране (2001 г.) к автору настоящего доклада обратились в частном порядке представители КЭП с предложением за 1 тыс. долл. подготовить обзор результатов исследований по загрязнению Каспия. Он направил их для решения вопроса (в соответствии с установленными правилами) к Председателю Координационного Комитета по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды Каспия (КАСПКОМ. В 2001 г. это был руководитель Метеослужбы Ирана А. Нуриан). Конечно, КАСПКОМ этого предложения не получил, так как это означало бы признание его как официального регионального партнера КЭП, что было невыгодно США и Всемирному Банку.

Авторами ТДА сформулирован ряд задач, а также список более 70 мероприятий для решения этих задач с указанием ориентировочных затрат на каждое мероприятие. Общие затраты должны составить миллиарды долларов на период до 2015 г.

Но так как сформулированные в докладе задачи и мероприятия хорошо известны специалистам России и других прикаспийских стран, то организовывать громоздкое, помпезное и дорогостоящее “исследование” не было необходимости.

Проблема реализации в финансировании.

Где прикаспийские страны возьмут миллиарды долларов?

Об этом ничего не говорится в докладе ТДА.

В то же время в ТДА никак не обозначены главные задачи, от решения которых зависит благополучие нынешнего и будущих поколений людей, проживающих в регионе; судьба уникальной экосистемы Каспия и его биоразнообразия.

Во-первых, в ТДА не предложены меры, которые бы обеспечили сбалансированное и рациональное использование биологических и нефтегазовых ресурсов с точки зрения предотвращения экологической катастрофы на Каспии.

В документах КЭП декларируется важность сохранения и рационального использования биологических ресурсов Каспия. Поэтому было бы логично, чтобы через призму охраны природы и в свете фундаментальных интересов прикаспийских стран при подготовке ТДА был сделан анализ развития биологических ресурсов как альтернативы осуществляемой в настоящее время политики неограниченной эксплуатации невозобновляемых нефтегазовых ресурсов. Тем более, что эксплуатация возобновляемых биологических ресурсов на протяжении многих столетий служила экономической основой существования народов прикаспийских стран.

По расчётам компетентных экспертов, только экспорт осетровой икры ежегодно приносил прикаспийским странам доход не менее 6 млрд. долл.

Во-вторых, отсутствуют предложения по государственному контролю деятельности многочисленных нефтяных компаний за соблюдением экологического законодательства прикаспийских стран и соответствия мировым стандартам и практики расходов ТНК на охрану природы при морской нефтедобыче.

В-третьих, в докладе ТДА отсутствует предложение по учёту долговременных негативных инерционных последствий для окружающей среды Каспия от деятельности нефтяных компаний, а также предложения по определению ответственности за наступление таких последствий.

В-четвёртых, в мероприятиях не акцентированы ключевые проблемы устойчивого социально-экономического развития прибрежных территорий.

Уже сейчас очевидно, что однобокая политика прикаспийских стран, ориентированная на развитие нефтяного сектора, создаёт значительные социальные проблемы, которые со временем будут только усугубляться.

Примером тому является ситуация в Атырауской (Гурьевской) области Казахстана.

Стратегический план действий (СПД) полностью построен на положениях, выводах и рекомендациях доклада ТДА.

В нём также проигнорированы четыре вышеназванные проблемы, определяющие судьбу Каспия.

В СПД приведён список 80 мероприятий, которые предусматривается реализовать в сроки от 1 до 10 лет, начиная с 2004 г.

Однако здесь отсутствуют оценки стоимости осуществления мероприятий, ничего не сказано о механизме их реализации.

Не подлежит сомнению только то, что СПД планируется выполнять на базе созданной американцами в 1998 г. и модифицированной к настоящему времени организационной структуры.

Суть этой модификации заключается в том, что центр тяжести всей деятельности КЭП, организационные, управленческие, административные функции по выполнению СПД, научно-исследовательская деятельность концентрируются в Баку и Тегеране, а секретариатские функции по выполнению подписанной в 2003 г. Рамочной конвенции по защите природной среды Каспийского моря возложены на бюро ЮНЕП, расположенное в Женеве.

Проект: “Национальный Каспийский план действий (НКПД) России как элемент Стратегического плана действий КЭП (СПД)”.

Очевидными являются следующие недостатки подготовленного для реализации в России документа НКПД:

– Он никак не может быть назван планом.

Его можно представить только как перечень мероприятий в рассматриваемой сфере, сформулированных соответствующими органами Астраханской области, Республики Калмыкия и Республики Дагестан для реализации на своих территориях. В этот перечень также механически перенесены мероприятия, содержащиеся в некоторых федеральных целевых программах.

– В документе отсутствуют мероприятия, имеющие общероссийскую социально-экономическую и природоохранную значимость.

– Меры, предложенные в НКПД, не увязаны с мерами аналогичных планов, разработанных прикаспийскими странами в контексте целей и задач Стратегического плана действий КЭП.

Отсутствие такой увязки свидетельствует о бессмысленности разработанного СПД КЭП, поскольку он никак не влияет на реализацию мероприятий, содержащихся в перечне российского НКПД (и наоборот). Их реализация зависит только от наличия финансирования из российских источников, так как внешние источники финансирования, в реальности, отсутствуют.

Более того, западные доноры КЭП категорически заявляют, что решение конкретных проблем природоохраны Каспия является ответственностью самих прикаспийских стран.

Например, по этой причине они (в данном случае, Япония, Швейцария и Голландия) отказались помогать России в строительстве живорыбных судов для вывоза молоди осетровых на Северный Каспий, заявив, что Россия не является слаборазвитой страной.

Обосновывая отказ, западные доноры, считают, что, имея такой высокий доход от добычи нефти на Каспии, Россия могла бы часть средств из этого дохода использовать для эффективного решения этих и других проблем, относящихся к биоресурсам и охране окружающей среды Каспия.

Вышеназванные обстоятельства так же ставят вопрос о нецелесообразности КЭП как механизма оказания помощи, координации и объединения усилий прикаспийских стран в рассматриваемых областях.

Более того, в этом случае КЭП будет выступать, не имея никаких на то оснований, в роли дополнительного органа, руководимого внерегиональными представителями и осуществляющего контроль над внутрироссийской деятельностью на Каспии. Имеются многочисленные доказательства того, что цели и намерения западного руководства КЭП далеко не всегда отвечают интересам России, а именно:

– Большинство мероприятий, включённых в российский НКПД, не содержит финансовых показателей, подтверждающих возможность их реализации. В этом случае они представляют собой только как пожелания каспийских субъектов в отношении действий российской стороны на Каспии.

– Документ НКПД не является легитимным, поскольку включённые в него важные вопросы, имеющие для России стратегическое и экономическое значение, не были согласованы и одобрены в установленном порядке. Документ был всего лишь обсуждён на так называемом “Национальном форуме НКПД”, не имеющем необходимого статуса и полномочий.

Более того, ключевые положения раздела российского НКПД: “Направления деятельности по решению экологических проблем Прикаспийского района России” и раздел НКПД: “Стратегия привлечения ресурсов” подготовлены сотрудником Всемирного Банка, что является недопустимым, учитывая жизненную важность Каспийского региона для России.

Анализ российского “Национального каспийского плана действий” приводит к выводу, что его авторы не понимают или не хотят понимать ущербность для России и тупиковость для судьбы Каспия главной идеи составленного ими плана.

Из его текста следует, что решение экологических проблем российского Прикаспия должно определяться возможностями прикаспийских субъектов РФ. Это – глубокое заблуждение или сознательное умаление проблемы. Такой подход не позволяет рассматривать проблемы Каспия в свете их общероссийской значимости, геополитических интересов и безопасности России в регионе.

Политический ущерб для России от реализации КЭП

В КЭП отчетливо присутствует направленность на широкую интернационализацию так называемой “проблемы Каспия”.

В КЭП реализуются меры по максимальному расширению круга участников “Каспийского пула”, в котором стратегические роли распределяются, прежде всего, между субъектами мировой банковской системы и международными организациями различного уровня, а также рядом внерегиональных государств, прежде всего, США, провозгласивших Каспий зоной своих жизненных интересов.

Реализация КЭП окончательно бы открывала Волго-Каспийский регион для проникновения сюда США, существенно ущемляя позиции и жизненно важные интересы России в регионе не только сейчас, но и на перспективу.

Концепция КЭП и ее 1-я фаза являются первым шагом к установлению “глобального” (не зависящего или лишь минимально зависящего от прикаспийских государств) режима управления Каспийским морем и использования его природных богатств. Инициаторы КЭП исходили из того, что такой шаг необходим, поскольку на данном этапе невозможно обойтись без добровольного согласия прикаспийских государств на реализацию содержащихся в КЭП целей и задач, ее основных стадий, организационного оформления, создания структур, необходимых для реализации КЭП в целом.

После того, как перечисленные этапы будут пройдены, осуществление КЭП может вестись и без непосредственно согласия каждого прикаспийского государства. Более того, опираясь на “пятую колонну”, которая всегда может быть найдена среди прикаспийских государств (уже ясно, что эту роль активно исполняет Азербайджан), внерегиональные участники КЭП смогут навязывать прикаспийским государствам, да и всему миру выгодные для себя решения. Их особенностью является международно-правовая прецедентность и значение.

Поэтому реализуя эту стратегию, США и международные организации исключительное внимание уделили организационным аспектам КЭП.

В созданной ими структуре, состоящей из Руководящего комитета (в него входят по одному представителю от каждой прикаспийской страны, Всемирного Банка, Евросоюза, ЮНЕП и ПРООН), 10 региональных центров и Секретариата, ключевые посты принадлежат западным представителям. Решения принимаются фактически под диктовку Всемирного Банка и Евросоюза. При этом средства, выделенные на реализацию КЭП, в основном израсходованы на оплату услуг западных представителей.

Можно дать примеры, подтверждающие ущербность для России такого механизма реализации КЭП:

1. Созданный при КаспНИРХ (г. Астрахань) Центр КЭП по управлению рыбными и другими ресурсами, руководимый представителем Канады, вместо объединения усилий с российскими партнерами за время своей деятельности подготовил несколько докладов и других материалов, главными из которых были:

- доклад о состоянии рыбных ресурсов Каспийского моря;
- предложения по системе управления рыбными ресурсами Каспия.

По сути, эти предложения ничего нового не представляли, поскольку еще в начале 90-х годов российские специалисты выступили с инициативой принятия прикаспийскими государствами региональных программ: “Разработка основ устойчивого рыболовства и мониторинга рыбных запасов Каспия “ и “Восстановление и устойчивое использование осетровых Каспия “.

Ключевым элементом предложений Центра КЭП является подготовка в 2001 г. проекта “Соглашения о создании Комиссии по сохранению и использованию биоресурсов Каспийского моря”. Он должен заменить проект межправительственного Соглашения, подготовленного в 1992 г. Россией и согласованного в 1995 г. всеми прикаспийскими странами, за исключением Азербайджана.

Однако в канадском варианте проекта Соглашения не присутствует, в частности, один из

ключевых параграфов варианта 1992 г.: “Стороны подтверждают, что граждане или юридические лица только прикаспийских государств имеют право ведения промысла в районе”. Другими словами, предложения КЭП создают правовую базу для участия внерегиональных субъектов в эксплуатации рыбных ресурсов Каспия.

Что касается сбора данных и информации о состоянии рыбной отрасли Каспия, действия Центра КЭП в Астрахани были направлены на максимальное использование имеющихся в России, включая КаспНИРХ, данных и информации для создания открытой компьютеризированной базы данных по рыбным ресурсам Каспия. Естественно, это было неприемлемо как для КаспНИРХ, так и для России в целом, учитывая большое экономическое значение этих данных.

Центр КЭП в Астрахани нанес ущерб прикаспийским странам и тем, что его деятельность воспрепятствовала созданию на базе КаспНИРХ международного центра по этой тематике, способного внести реальный вклад в ликвидацию критического положения с запасами и использованием уникальных рыбных ресурсов. Создание такого эффективно действующего механизма объективно необходимо, учитывая катастрофическое снижение после 1991 г. запасов и уловов ценных видов рыб на Каспии.

Решению проблемы в значительной мере могла способствовать реализация рекомендаций парламентских слушаний в Госдуме РФ (2 февраля 1999 г.) о создании Целевого международного фонда спасения осетровых на Каспии, создании на базе КаспНИРХ Международного научно-исследовательского института рыбного хозяйства Каспийского региона и ряд других мер.

Вышеназванный пример подтверждает, что создание и функционирование структур КЭП нанесло значительный удар по развитию сотрудничества на Каспии между самими прикаспийскими странами. Это относится не только к экологической тематике, но и к другим важнейшим областям.

Созданные структуры КЭП подменили деятельность соответствующих полномочных органов прикаспийских стран, которые в течение 90-х годов инициировали разработку ряда специализированных межправительственных соглашений по каспийской тематике. Трудности в заключении этих соглашений, как показал период выполнения 1-й фазы КЭП, стали еще более непреодолимыми.

2. Создавая организационную структуру КЭП, американцы уделили значительное внимание формированию выгодной для Запада и ущербной для России системы информационного обеспечения различных видов деятельности на Каспии.

Разработка основных документов КЭП (ТДА и СПД) требует сбора, обработки и анализа многочисленных исходных данных и информации (включая историческую) о социально-экономическом положении и состоянии окружающей среды в странах Каспийского бассейна, а также оценки перспектив развития ситуации.

Специфика Волго-Каспийского региона такова, что в течение многих десятилетий, когда регион практически полностью входил в состав СССР, данная информация находилась в России. Это означает, что компетентное решение задач, поставленных в КЭП, требует максимального участия российской стороны в этой работе. Однако такой характер деятельности вовсе не отвечал интересам западных представителей.

Главная цель, которая была поставлена руководством КЭП – организовать деятельность в этой сфере таким образом, чтобы:

во-первых, подменить функции специально уполномоченных государственных органов прикаспийских стран в этой области;

во-вторых, свести к минимуму традиционно ключевую роль России в информационной области на Каспии, но одновременно обеспечить поступление из России данных и информации, необходимых КЭП.

Можно понять эти устремления руководителей КЭП: обеспечение контроля над получением, обработкой, хранением и распространением различных видов данных и информации о состоянии природной среды Каспия, его природных ресурсах, социально-экономической деятельности является одним из ключевых условий по установлению контроля над регионом в целом.

В этой связи для внерегионального руководства КЭП было выгодно, чтобы при формировании одного из компонентов информационной системы, а именно: “Оценка и прогноз состояния и загрязнения природной среды в Каспийском регионе” – координация и организация этой деятельности была возложена на Азербайджан, Иран и Казахстан (при фактическом руководстве западными представителями). Вот почему именно в этих странах КЭП создал три ключевых центра, имеющих значительную информационную компоненту:

- по контролю загрязнения и реагированию на чрезвычайные ситуации – в Баку,
- по региональной оценке загрязнения – в Тегеране,
- по оценке колебаний уровня Каспийского моря – в Алма-Ате, несмотря на научную и практическую абсурдность такого решения.

Неприемлемость для России такого подхода очевидна. Например, банки данных в этой области в течение многих лет создавались на базе НИУ России. Поэтому только в России сосредоточен фонд данных о состоянии и загрязнении природной среды Каспийского моря, начиная с 1880 г.

Этот фонд включает более 300 тыс. единиц морских гидрометеорологических наблюдений, данные более 4-х тыс. морских экспедиций (около 60 тыс. глубоководных станций, характеризующих состояние Каспийского моря), данные о колебании уровня моря и его загрязнении за период более 100 лет, тысячи научных публикаций, в том числе десятки фундаментальных монографий.

Именно в России была разработана и находится основная научно-методическая база по организации наблюдений, исследований и прогнозированию состояния и загрязнения природной среды в регионе Каспийского моря.

Только в России, начиная с 30-х годов XX в., проводились комплексные научные исследования климатических условий и гидрологического цикла по всему бассейну Каспийского моря.

Поэтому совершенно не отвечает интересам России отведенная ей второстепенная роль в КЭП, заключающаяся в том, чтобы бесплатно или за бесценок предоставлять для КЭП имеющую у нее уникальную информацию, накопленную за многие годы.

Кроме того, антироссийский характер созданных КЭП оргструктур в сфере информации наглядно может быть продемонстрирован на примере деятельности Центра КЭП по колебаниям уровня Каспийского моря (г.Алма-Ата).

Руководитель этого Центра англичанин Т.Эванс в течение нескольких лет продвигал идею проекта КЭП по созданию Каспийской региональной системы наблюдений за гидрологическим циклом (КаспСНГЦ).

Согласно КаспСНГЦ, в бассейнах рек, впадающих в Каспий (прежде всего, Волги, на долю которой приходится 83% всего притока в Каспий), будут установлены несколько десятков автоматических спутниковых станций. С их помощью будет осуществляться получение и передача через спутники в Алма-Ату оперативных гидрометеорологических данных и данных по загрязнению вод по всему бассейну Волги и бассейнам других рек, впадающих в Каспий.

Указанный проект, несмотря на его внешнюю привлекательность, является неприемлемым для России с политической, экономической и стратегической точек зрения. Одновременно этот проект не является приоритетом с точки зрения решения неотложных проблем Каспия.

Для оценки притока в Каспий для расчета изменения его уровня нет необходимости оценивать в реальном масштабе времени гидрологические и другие параметры (например, в пределах Ярославской области на Волге или в бассейне реки Урал). Достаточно организовать эти наблюдения на замыкающих створах в дельтах рек, впадающих в Каспий.

Также неприемлемо, чтобы оперативная информация о важнейших гидрометеорологических характеристиках и состоянии природной среды в бассейне полностью российской р. Волги передавалась под контроль КЭП, то есть под контроль иностранных представителей.

Технически и экономически абсурдно в рамках иницилируемого англичанами проекта создавать с “нуля” дорогостоящий региональный спутниковый центр в Алма-Ате, где никогда не было и сейчас отсутствует соответствующая инфраструктура.

Этот центр следовало бы создать в Москве на базе Мирового Метеорологического Центра Всемирной Метеорологической Организации (ММЦ ВМО). Таких центров в мире имеется еще только два: в Мельбурне и Вашингтоне. В ММЦ ВМО в Москве имеется необходимая базовая инфраструктура, которая требует лишь некоторой модернизации.

Когда на одном из заседаний КЭП (Москва, ноябрь 2001 г.) компетентные российские специалисты обосновали экономические и технические преимущества расположения Центра в Москве, тот же Т.Эванс заявил, что если Центр КаспСНГЦ не будет расположен в Алма-Ате, то Евросоюз не станет выделять средства на реализацию этого проекта. Так, в конечном итоге, и произошло.

Итак:

- КЭП организована Западом не для решения проблем Каспия, а в политических интересах

внерегionalных субъектов;

– Определенные западные структуры весьма заинтересованы в получении из России различных видов данных и информации, особенно оперативной.

3. Не отвечают интересам России намерения западного руководства КЭП сделать эту структуру посредником между прикаспийскими странами и нефтяными компаниями, работающими на Каспии.

Роль указанного посредника позволяет КЭП создавать выгодные экономические условия многочисленным западным ТНК. Такое посредничество во-первых, позволяет уменьшить расходы ТНК на природоохрану Каспия. Во-вторых, появляется возможность взять под свой контроль и распоряжаться значительными средствами, которые нефтяные компании должны вкладывать в природоохрану Каспия.

Используя правовой хаос в регионе, порожденный отсутствием согласованного статуса Каспийского моря, отсутствие в регионе ресурсной и природоохранной политики, игнорирование самых срочных экологических проблем, а также заискивание правительств перед доморощенными и западными ТНК, последние с успехом ищут возможности уменьшить свои расходы на природоохрану Каспия.

В частности, в 1995 г. по контракту с нефтяными компаниями американская консалтинговая фирма “Артур Д.Литтл” за 4,5 млн. долл. подготовила доклад по оценке воздействия на окружающую среду освоения углеводородов в казахстанской части Каспия. Один из главных выводов доклада (эти выводы опровергаются независимыми от нефтяных компаний экспертами) – дно Каспия в этом районе уже настолько загрязнено углеводородами, что предстоящее освоение нефтяных месторождений добавит только малую часть к уже имеющемуся загрязнению, то есть проводится мысль, что нефтяным компаниям можно не беспокоиться насчет значительного расходования средств на охрану природной среды Каспия.

Внерегionalное руководство КЭП взяло под свой контроль и продвигает в целом правильную и важную для прикаспийских стран идею создания Каспийского экологического фонда. В современных условиях на Каспии единственным реальным донором при создании указанного Фонда являются нефтяные компании. Но в таких условиях, какой смысл прикаспийским странам иметь в составе распорядителей Фонда указанные международные организации, как на этом настаивает КЭП?

Имеются убедительные свидетельства того, что ТНК на Каспии не соблюдают мировые стандарты финансовых расходов на мониторинг и природоохрану при освоении нефтегазовых ресурсов Каспия.

По данным МИД России, в странах ЕС, добывающих нефть и газ в Северном море, расходы на решение природоохранных проблем достигают 20% и более от общих расходов на нефтегазодобычу в зависимости от геологии, рельефа дна, техники добычи и транспортировки, а также спецификации нефти и газа. (В ФРГ эти расходы достигают 30%).

По оценкам экспертов ЕС, расходы на природоохранную деятельность в регионе Каспийского моря, учитывая его уникальность и уязвимость, должны составлять не менее 20 % от стоимости проектов нефтегазодобычи.

Однако руководство КЭП не поддержало предложение российских специалистов организовать в рамках КЭП проект по оценке мировой практики расходов на природоохрану при добыче нефти в морских акваториях.

КЭП – инструмент разрушения международно-правовых позиций России на Каспии

В концепции КЭП сформулированы подходы и положения, имеющие правовое значение и повлекшие долговременные последствия международно-правового, политического и практического характера. С точки зрения международно-правовых позиций России на Каспии самым негативным элементом КЭП является игнорирование прав России (и только России) в Каспийском регионе, предусмотренных системой норм российско-персидских договоров XVII–XX вв.

Как показали итоги 1-й фазы КЭП (1998–2002 гг.), особенно негативными для международно-правовых позиций России на Каспии оказалось следующее:

1. Навязанная США оргструктура КЭП становится “посредником” и “координатором” взаимодействия по вопросам социально-экономического развития, природопользования и природоохранной деятельности в самих прикаспийских странах, между прикаспийскими странами, а также взаимодействия прикаспийских стран и нефтяных компаний, работающих на Каспии. С

юридической точки зрения, эти действия КЭП разрушают существующий статус Каспия, установленный прибрежными государствами и признанный международным сообществом.

2. “Разработка региональной Конвенции”. В Концепции КЭП фактически отсутствуют предложения по правовым механизмам защиты окружающей среды, несмотря на то, что на сегодняшний день в международном праве наработан богатейший арсенал таких механизмов. Многие из этих механизмов, при необходимой адаптации, могли бы быть применены к Каспию.

Американцы – авторы КЭП, навязывая ее как механизм защиты окружающей среды Каспия, понимали, что они находятся в двусмысленном положении: с одной стороны, они конкурируют с разрабатываемой в рамках ЮНЕП Рамочной конвенцией по защите окружающей среды Каспия. Поэтому они должны были предложить в Концепции КЭП нечто лучшее, чем Рамочная конвенция, а с другой – если этого лучшего они предложить не могут, то должны согласиться с наработками Рамочной конвенции и тем самым показать бесполезность работы по еще одному природоохранительному документу по Каспию, каким является Концепция КЭП.

Учитывая эту неблагоприятную ситуацию для КЭП, американцы и другие внерегиональные руководители КЭП фактически взяли под свой контроль процесс разработки Рамочной конвенции по защите окружающей среды Каспия (проект которой был также разработан американцем).

С содержательной и правовой стороны она устраивала внерегиональное руководство КЭП, так как в этом документе фактически не рассматриваются вопросы, затрудняющие экспансию внерегиональных хозяйствующих субъектов на Каспии. Сегодня главное для руководства КЭП – обеспечить функционирование Секретариата Рамочной Конвенции на базе организационных структур КЭП.

Определенные результаты уже получены – Секретариат Конвенции, хотя и на временной основе, но функционирует в Женеве. Попытки окончательного решения этой задачи в интересах Запада продолжаются. Это видно, например, из материалов дискуссии в Москве 9–12 марта 2005 г. по правилам процедуры Рамочной Конвенции и по ее финансовым правилам.

3. Неприемлемым для России являются правовые подходы и положения, сформулированные в КЭП, по вопросам управления биоресурсами Каспийского моря, защите биоразнообразия и мониторинга окружающей среды.

Руководство КЭП продолжает активные действия по внедрению внерегиональных субъектов в управление рыбным хозяйством Каспия. Сводится до минимума роль России в решении проблем биоразнообразия, в том числе за счет перемещения центра региональной деятельности в Тегеран и Баку.

4. Концепция КЭП вторгается в вопросы статуса Каспийского моря.

Ее выход за рамки проблем защиты окружающей среды подтверждается, например, включением в Концепцию раздела об управлении природными ресурсами.

Такое управление сопряжено с вопросом о собственности на природные ресурсы и о пространственных пределах их использования, а это уже Статус Каспия, а не защиты окружающей среды. Более того, это уже вопрос применимости национального законодательства России.

5. Антироссийская направленность международно-правовых составляющих КЭП заключается и в том, что в них отсутствует анализ мирового опыта в разработке правовых механизмов защиты окружающей среды.

Вместо такого анализа в Концепции имеет место “правовое блуждание” по мотивам защиты окружающей среды Каспия, представляющее собой юридические вольности и идеи, подрывающие существующую систему договоров на Каспии.

Например:

– “Потребуется разработать механизмы, с помощью которых деловые и гражданские объединения могли бы вступать в переговоры с правительственными органами по разрабатываемым законам и нормативным актам”.

– Игнорируя существующие нормы в системе российско-персидских договоров XVII–XX вв., как нормы международного права, авторы КЭП подчеркивают роль в реализации КЭП международных неправительственных организаций.

– В Концепции КЭП содержится противоречивое и по сути ложное утверждение о сходстве КЭП со Средиземноморской Программой технической помощи, программами Черного и Балтийского морей на основе того, что эти программы, якобы имеют многочисленные общие физические, экономические и геополитические характеристики (общее водное пространство для нескольких прибрежных стран и пр.)^{*}.

Вызывает недоумение некомпетентная, беспринципно-соглашательская, пораженческая

позиция российских представителей при рассмотрении и одобрении концепции КЭП, навязанной США и Всемирным Банком. Не была проведена её юридическая экспертиза; не изучен опыт других регионов мира, где имеются водные объекты, разделяемые двумя или более странами.

Мировой опыт свидетельствует о том, что эти страны стремятся вначале сами договориться о принципах и порядке управления, а также охраны таких водных объектов, а затем уже, опираясь на согласованную законодательную базу, строить отношения с другими партнерами.

Наглядный пример – бассейн р. Амазонки. В 1977–1978 гг. при разработке странами бассейна Конвенции об охране и управлении окружающей средой бассейна, они отклонили настойчивые предложения тогдашнего Директора ЮНЕП М.Толбы о её разработке под эгидой ЮНЕП. Позиция стран Амазонки заключалась в том, чтобы вначале самим создать основы природоохраны в регионе, а затем уже строить отношения с внерегиональными партнерами. При этом последние не могли иметь равные со странами Амазонки права в решении проблем региона.

На Каспии, в отличие от Амазонки, внерегиональные партнеры официально являются равноправными партнерами прикаспийских стран в решении ключевых проблем Каспия, а на самом деле, используя финансовую приманку, диктуют пути и условия решения этих проблем, исходя из своих политических и экономических интересов и нанося значительный ущерб интересам России.

Основной вывод, который может быть сделан по итогам 1-й фазы КЭП, следующий: несмотря на заявленные природоохранные цели, истинная направленность КЭП заключается в установлении внерегионального контроля практически в любой сфере жизни прикаспийских государств, переносе центра тяжести природоохранной и связанной с нею видов деятельности в Баку, Тегеран и Женеву, изоляции и вытеснении России из этой деятельности.

Примечания

* В названных региональных программах речь идет об “открытых морях” в отличие от Каспия, который, по существующему международно-правовому статусу представляет собой внутриконтинентальное море, открытое исключительно для его прибрежных стран.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

КОНСЕРВАТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В РУССКОМ МОНАРХИЧЕСКОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ

А.Матюхин,

кандидат социологических наук

В свете современных российских реформ, катастрофичности их последствий появляется необходимость обращения к важной, но малоизученной проблеме – модели модернизации, методологии общественных преобразований в русской консервативно-монархической доктрине.

Русские монархисты как яркие представители консервативной доктрины всегда отстаивали необходимость сохранения политических, национальных и культурных основ социальной жизни в том виде, в котором они сложились в результате исторического развития народа. Взгляд консерватора на историю и преобразование общества в своей глубинной основе противостоит взгляду политического радикала, сторонника революции. Чтобы лучше понять сущность консерватизма, оттолкнемся от противного – попытаемся понять логику сторонников радикально-революционных идей.

Революционная модель модернизации в своей основе предполагает радикальное преодоление сложившихся общественно-исторических реалий, устоев и традиций (в революционной теории они получают статус “пережитков” – образцов, несущих на себе пороки всего старого, несправедливо устроенного общества), системную перестройку и создание принципиально нового социума на базе определенного социально-политического проекта. Отсюда именно революция как коренной перелом и качественное обновление в процессах развития общества признается сторонниками радикальных идейно-политических течений основным механизмом реализации своих программ, моделей общественного устройства.

Радикализм всегда максимально ориентирован на скорое и реальное достижение политических целей через революционный перелом в обществе. Радикалы требуют не просто реформ существующей политической системы, а немедленного и полного ее уничтожения, и создания на ее месте принципиально нового социального и экономического порядка. При этом революция, даже являясь негативной, насильственной по своим методам, часто трактуется сторонниками радикальных идей как средство достижения нравственных целей – более гуманного и справедливого Общества Будущего.

В связи с этим можно привести мнение Н.А.Реймерса (1894–1964 гг.) – крупного русского политического философа послеоктябрьского зарубежья, который указывал на господствующее положение этической компоненты в любых революционных теориях. Анализируя содержание “правых” (консервативных) и “левых” (революционных) доктрин, он находил их коренное отличие в том, что “левый тип мышления” всегда является моральным, в то время “правый тип мышления” – правовым. По мнению Реймерса, право, в противоположность морали, отличается определенностью, то есть стремлением осуществить “положительность нормы” в пределах того или иного социального объединения, отличного от других. Отсюда характерной чертой правых является “национализм” – как желание ограничить значимость норм пределами своей общины или государства. Поэтому “правые” “склонны к оппортунизму” в области содержания законов, так как придают этому содержанию второстепенное значение.

Но для “левых”, наиболее важным представляется осуществление определенного содержания норм именно морального порядка. Эти нормы априори отличаются универсальностью, “общечеловечностью”, и “безразличием” к специфике их реализации в пределах того или иного исторически сложившегося социума. Поэтому главными признаками “левого мышления” Н.А.Реймерс называет “универсальность” и “интернационализм”¹.

Действительно, для революционных радикалов всегда было свойственно оперирование моральными категориями с одновременной апелляцией к глобальному человечеству. Поэтому часто радикалы противопоставляли интернационализм своих политико-моральных целей любым

формам национализма и патриотизма.

Так, например известный аргентинский революционер Э.Малатеста высказывался за “свободное открытие всех границ, братство всех народов”, и призывал бороться “против всех предрассудков патриотизма”².

Для политических радикалов предшествующая история человечества является лишь преддверием, подготовительным периодом, формирующим предпосылки становления нового, более прогрессивного общества, наступления Новых Времен. Отсюда характерно отношение революционеров к “старым формам”, ко всему традиционному, устоявшемуся как к “пережитку”, “помехе” на пути поступательного прогресса к желанному общественному идеалу.

Так, например, знаменитый русский теоретик анархической революции М.А.Бакунин писал о необходимости радикального обновления не только политической, социальной, экономической, но и духовной сферы в жизни общества, но и считал, что в человеческом сознании следует разрушать такие предрассудки и “фетиши” как “Бог”, “власть”, “государство”, “религиозные установления, взгляды и учреждения”, “Метафизические Законы Истории” и т.д.³.

При этом характерно, что М.А.Бакунин связывал с “революционным вдохновением” радикальный слом старого мира и возможность нового социального конструирования: “В революции – писал должно быть 3/4 фантазии и 1/4 действительности”⁴.

Возвращаясь к позиции консерваторов, следует отметить, что русские монархисты как яркие приверженцы консервативных ценностей, наоборот, всегда были всегда сторонниками традиций – подтвержденных опытом жизненных форм, которым, в силу этого, придавался статус безусловных социальных и культурных самоочевидностей. Традиция для них – это всегда хранилище истины, непрерывно воспроизводящая определенные ценностные представления, духовные ориентиры и критерии легитимации, как выражение спонтанных, подлинных потребностей общества. Традиция для них символизирует собой и акт непрерывности истории, где прошлое воспринимается как наследие, негативные стороны которого также требуют бережного отношения. И, наконец, традиция в монархизме, это всегда то, что обеспечивает положительность права в пределах определенного, исторически сформировавшегося социума, или, по словам Н.А.Реймерса, подчинение законам не в зависимости от санкций, а в силу привычки, то есть “с наименьшей затратой сил”¹.

Поэтому для русских монархистов была характерна абсолютизация идей преемственности и стабильности в историческом процессе при сохранении традиционных форм общественной жизни. Воспринимая историю развития народа как органическое целое, монархисты отрицали правомерность принесения в жертву проектам социального переустройства тех ценностей, устоев и жизненных форм, которые носят природно-социальный характер, интерпретируя это часто как отрыв от традиции, “от корней” и переход в историческое небытие. Человек, были уверены они, не вправе брать на себя миссию преобразования мира в силу ограниченности своего разума, принципиально неспособного предвидеть все последствия своего вмешательства, которые могут оказаться катастрофическими для общества. По словам того же Н.А.Реймерса, монархисты склонны рассматривать всех прожектеров “как самых опасных преступников – более опасных нежели сумасшедшие и убийцы”¹.

Так, например, К.П.Победоносцев называл “прожектеров” и революционеров “политическими шарлатанами и невеждами”, которым нравится “творить из ничего”, и разрушать предания и обычаи, созданные народным духом и историей⁵. В своем “Московском сборнике”, он с тревогой писал о современном состоянии анархии и хаоса в умах, об увлеченности русской интеллигенции радикальными идеями всеобщего разрушения во имя осуществления “дикого своего идеала на земле”.

К.П.Победоносцев с пессимизмом отмечал, что “реальное здоровое воззрение уступает место воззрению отвлеченному от жизни и фантастическому”⁵.

Во второй половине XIX в. в среде русских консерваторов радикально-негативные умонастроения, анархическое, по своей сути, отрицание традиций, устоев, авторитетов и утверждение автономной морали было, принято определять как нигилизм. Нигилистами (“нигилианстами”) еще в религиозной европейской литературе Средневековья называли представителей еретического учения, отрицавших догмат о человеческой природе Христа. Но в России, с подачи М.Н.Каткова^{***}, слово “нигилизм” получило новое звучание. Им стали означать позицию жесткого отрицания сложившихся реалий, негативное отношение к существующим государственным, церковным, семейным институтам, традиционной религиозной морали,

этическим нормам и нравам, проповедь разрушения ради самого разрушения, а в узко-политическом контексте под этим термином стали понимать теорию и практику революционной борьбы в России, начиная с деятельности Н.Г.Чернышевского, М.А.Бакунина, П.Н.Ткачева и П.А.Кропоткина.

По мнению Р.Пайпса, сам русский консерватизм после 1860 г., представлял собой теорию антинигилизма, попытку создать альтернативу страшному призраку “нового человека” Чернышевского, представшего перед русским обществом.

Если, например, М.А.Бакунин в “нигилистах” усматривал “жизнь, энергию, честную сильную волю”⁷, а другой русский анархист П.А.Кропоткин в “Записках революционера” определял нигилизм как “борьбу за индивидуальность”⁸, то Ф.М.Достоевский характеризовал “нигилизм” как “главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом”⁹.

Один из крупнейших философов консервативного направления второй половины XIX в. Н.Н.Страхов (1828–1896 гг.) отмечал: “Нигилизм есть движение, которое в сущности ничем не удовлетворяется, кроме полного разрушения”. Он считал, что нигилизм держится на “извращенном религиозном чувстве”, отрицает наличие в современном обществе положительных черт политического и нравственного свойства и поэтому возводит в абсолют разрушение и кровопролитие¹⁰.

В начале XX в. в консервативных кругах термин “нигилизм” прочно вытесняется понятием “анархизм”, которое получает расширенное толкование как обозначение всех антитрадиционных, антимонархических сил, использующих крайние, радикальные методы борьбы для достижения своих политических целей. Популярности слова “анархизм” в этот период способствовала активная революционная и террористическая деятельность самих анархических организаций и групп, которая имела громкий общественный резонанс.

“В анархистах или в крайне левой, – отмечал, например, в 1912 г. В.В.Ярмонкин, – не ищите ни правды, ни справедливости, ни каких-либо идеалов прогресса и свободы, могущих основываться только на любви к Богу и ближним. В кипящей злобе и ненависти она перешагнула все понятия о нравственности и о душе человека... Грабежи, насилия, поджоги, убийства есть прямое действие этой партии. “Чем хуже, тем лучше”, вот ее безумный девиз”¹¹.

Н.И.Черняев характеризовал анархизм как явление антимонархическое и одновременно антиобщественное, ссылаясь при этом на позицию М.А.Бакунина и С.Г.Нечаева, которые видели основу революционного анархического движения в “разбойничьем люде” – “подонках общества”. Отмечая, что эти признания Бакунина и Нечаева – “своего рода хвала нашему самодержавию”, Н.И.Черняев высказывал сомнение в возможности “всероссийской анархии” совершить государственный переворот. “Русский разбойничий люд, – пишет он, – пригоден не для цели антимонархической революции, а для кровавых бунтов, не имеющих никакой определенной политической программы”. Отсюда Н.И.Черняев делал вывод, что “антимонархическая революция положительно невозможна в России”¹².

Необходимо подчеркнуть, что идейное и политическое противостояние партии монархистов второй половины XIX – начала XX в. шло на двух направлениях. Помимо политических радикалов, представлявших весь спектр революционных сил, своих противников монархисты видели и в либерально-прогрессистском лагере, представителями которого сам факт “неограниченного самодержавия” оценивался в качестве основного критерия отсталости России по сравнению с “ушедшими вперед” странами Запада. Рассматривая традиционную монархическую Россию как архаичный культурный тип, как “царство тьмы”, прогрессисты настаивали на необходимости “догоняющей” модели развития, призывали к проведению “европейских реформ”. Это, по мнению русских монархистов, являлось не менее опасной тенденцией разрушения самобытных начал российского общества, вело к уничтожению традиционных институтов и жизненных укладов, и, наконец, прерывало возможность собственной национально-исторической эволюции.

Но закономерен вопрос:

Являлись ли представители консервативно-монархической доктрины принципиальными противниками преобразований, жесткими охранителями, “тянущими страну в прошлое”, косными ретроgrадами, всеми силами препятствующими “поступательному движению вперед”?

Была ли у них альтернатива – своя программа реформ, своя методология модернизации?

К сожалению, в общественно-политической и учебно-политологической литературе последних десятилетий эта тема не нашла достаточного отражения, а образ монархиста как

реакционера-черносотенца прочно закрепился в массовом сознании. Между тем, та консервативно-эволюционная модель модернизации, которая была выработана идеологами монархизма второй половины XIX – начала XX в., заслуживает самого пристального внимания.

В основе этой модели лежали идеи непрерывности исторического процесса, преемственности в общественном развитии, постепенности преобразований и прагматического реформирования^{**}. Монархисты были убеждены, что любая реформа должна мыслиться как продолжение некоей логики истории, а историческое здание жизни народа должно перестраиваться постепенно, в соответствии с этой логикой.

“Образ будущего” в контексте по-добной модернизации не отделяется от прошлого: будущее должно опираться на прошлое, генетически вырастать из него на основе уже существующих структур.

По мнению представителей консервативно-монархической доктрины, сам процесс поступательной эволюции не противоречит самобытным началам, а наоборот, взаимосвязан с ними, так как подлинная самобытность реализуется в истории только посредством саморазвития, на основе своих уникальных, цивилизационных потенций и с опорой на собственную традицию.

В отличие от революционного варианта модернизации у политических радикалов, предполагающего коренной слом, абсолютное разрушение основ старой социальной системы и кардинальную перестройку общественно-экономических структур, консервативная модель предусматривала постепенную замену определенных, единичных факторов общественной жизни другими единичными факторами, при стабильном функционировании системы в целом. Результаты конкретных преобразований, таким образом, должны были достигаться путем постоянного развития и реформирования традиционных структур и институтов, а не тогда, когда их начинали бы строить заново. Сама реформа должна быть нацелена на совершенствование и обновление уже существующего “порядка вещей” без отказа от основополагающих принципов общественного устройства, традиционных ценностей и культурных норм.

Русские монархисты были уверены, что в этом случае традиция не противостоит инновации, так как сами инновации выступают результатом действия механизма саморазвития, то есть процессов функционирования, совершенствования и неразрушительной адаптации самобытной социальной системы к окружающему миру в ходе исторической эволюции. Инновации должны вноситься именно для обеспечения динамизма уже существующих структур, при сохранении стабильности системы в целом.

Суть подобной консервативной модернизации была образно выражена, например, К.Н.Леонтьевым как создание новых форм на старой почве¹³. Следует также подчеркнуть, что такая модель эволюционного реформирования в монархистской доктрине выступала ни чем иным, как средством консервации, сохранения общественно-политической системы, являющейся ее объектом.

Отметим, что обращение к цивилизационным факторам развития, национальным вариантам модернизации активно началось использоваться в русском консерватизме после выхода в свет книги Н.Я.Данилевского “Россия и Европа” (1871 г.). В ней, в противовес евроцентристской, однолинейной схемы общественного прогресса, выдвигалась теория “культурно-исторических типов” – как самобытных, локальных и замкнутых в себе цивилизаций, способных к саморазвитию, благодаря сообщенной им божественной энергии. По убеждению Н.Я.Данилевского, основы цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются цивилизации другого типа. Поэтому подлинное развитие возможно лишь в рамках определенной национально-цивилизационной структуры, при условии сохранения самоидентичности и органической целостности. Среди 12 цивилизаций всемирной истории (египетская, китайская, романо-германская и т.д.) Данилевский особенно выделял “молодой” славяно-русский культурно-исторический тип, вступающий в период своего “расцвета”, и потенциально способный занять ведущее положение в мировой культуре и политике¹⁴.

Одним из первых, кто обосновал принцип консервативного реформизма самобытного российского общества, был кн. В.П.Мещерский (1839–1914 гг.). В своих “Речах консерватора” (1877 г.) он писал о необходимости таких реформ, которые не приводили бы к разрушению существующего строя, традиционных институтов, а лишь способствовали бы качественному улучшению жизни общества и укреплению национальных основ: “Наш внутренний строй должен оставаться неподвижным как основа реформ”. В.П.Мещерский называл эту “неподвижность внутреннего строя” неременным условием дальнейшего исторического развития страны, и подчеркивал, что любые реформы должны быть согласованы с действительными потребностями

народа, а не слепо копировать те или иные образцы, так как это приведет к “страшному разладу” между властью и обществом*.

Конструктивные и национально ориентированные реформы, по мнению В.П.Мещерского, должны быть “тихими”: без потрясений, постепенными и незаметными для общества. Он подчеркивал, что истинными реформаторами являются вовсе не либералы и не радикалы, а именно консерваторы, которые “двигают тихо и почти незаметно жизнь вперед. Они сосуды, сберегающие заветы русской веры, русской народности, русской семьи и будущности своего государства”¹⁵.

В свою очередь, И.С.Аксаков отмечал, что “состоятельным” может быть лишь то общественное развитие, которое “произрастает на народной почве”, эволюционирует и прогрессирует в соответствии с закономерностями национального исторического пути, в то время как развитие “чуждое основным началам народности” – это вовсе не прогресс, а “искажение общественной жизнедеятельности”, “расстройство органических отправления”, “уродство”, “болезненное состояние” государства и общества.

“Вне народной почвы, – замечал И.С.Аксаков, – нет основы, вне народного нет ничего реального, жизненного, и всякая мысль благая, всякое учреждение, не связавшееся корнями с исторической почвой народной или не выросшее из нее органически, не дает плода и обращается в ветошь”¹⁶.

По убеждению М.Н.Каткова, “разумное преобразование” – это есть не что иное, как “улучшение существующего” – устранение недостатков в существующем порядке вещей, но при сохранении всего позитивного, жизнеспособного, “всего того, что удовлетворительно”. Процесс преобразований он трактовал не как создание чего-то принципиально нового, а как придание существующему нового образца: “Правильное преобразование должно быть естественным развитием существующего, должно исходить из его собственных недр. Только такое преобразование имеет цену и цель”¹⁷. Поэтому, был уверен Катков, преобразования должны исходить из “условий живой действительности”, а не из отвлеченных схем и теорий. В политически-целесообразном реформировании необходим приоритет частных изменений, а не системных, статусных реорганизаций, охватывающих целые сферы общественной и государственной деятельности.

М.Н.Катков отмечал, что общественный прогресс со времен Петра I был “шатак и бесплоден” потому, что представлял из себя череду бесконечных реформ и реорганизаций, без учета реальных потребностей общества, когда “новизна следовала за новизной”, но “одно не вытекало из другого”, не было логическим продолжением и развитием уже созданного. “Мы каждый раз все начинали сызнова, как будто бы не было у нас прошедшего”, – с горечью писал М.Н.Катков, и высказывал предположение, что без разумной консервативной политики Россия и в дальнейшем осуждена на бесконечно повторяющиеся циклы революционных переломов и системных перестроек, где каждый новый этап будет являться опровержением предшествующего, что, в итоге, приведет страну к исторической катастрофе.

П.А.Логанов также указывал на то, что коренная “ломка установившихся форм и системы общественных и государственных порядков” всегда деструктивно влияет на органическое развитие народа¹⁸. Поэтому любые реформы, был уверен он, должны проводиться “с возможным сохранением существующих учреждений” и уже выработанных приемов, но без непроверенного историческим опытом новаторства. Реформы должны быть стратегически продуманы, выверены до мельчайших деталей. Только в этом случае они должны проводиться решительно и быть “влиятельными в желательном направлении”.

Цели любых преобразований, считал П.А.Логанов, должны быть доступны, понятны для всех, а результаты реформаторской деятельности должны стать ощутимы для каждого члена общества, повлиять на улучшение условий его жизни: “В основе реформы должны быть положены начала повсеместного влияния и легкой доступности для каждого ощущать ее применимость”¹⁸.

Примечание

¹ Реймерс Н.А. О “правом” и “левом” типах мышления. Париж, 1949. С. 6–10, 27, 31.

² I. Он. К творцам жизни. П. Малатеста Э. Наша программа. Издание Рабочей издательской

Группы в Республике Аргентина, 1922. С. 17–18.

³ Материалы для биографии М.А. Бакунина в 3-х тт. М., Л., 1928. Т. 3. С. 114.

⁴ Цит. по: Боровой А. Бакунин // Михаилу Бакунину (1876–1926). Очерки истории анархического движения в России. М., 1926. С. 16.

⁵ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 96, 99, 99-100.

⁶ Пайпс Р. Русский консерватизм второй половины девятнадцатого века. М., 1977. С. 4–5.

⁷ Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. Спб., 1906. С. 293.

⁸ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. С. 34.

⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Л., 1984. Т. 26. С. 129.

¹⁰ Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Спб., 1890. С. 74–75.

¹¹ Ярмонкин В.В. Монархизм и народовластие. Спб., 1912. С. 34–35.

¹² Черняев Н.И. О русском самодержавии. М., 1895. С. 59–62.

¹³ Леонтьев К.Н. Избранные письма. Спб., 1993. С. 502.

¹⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 493–509.

¹⁵ Мещерский В.П. Речи консерватора. Спб., 1877. Т. 2. С. 17.

¹⁶ Аксаков И.С. Сочинения. В 7-ми тт. М., 1886–1887. Т. 2. С. 3-4.

¹⁷ Московские ведомости. 1863. 24 июня.

¹⁸ Логанов П.А. Самодержавие и правовой порядок. Варшава, 1906. С.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2005. №№ 3–5, 7, 8.

М.Н. Катков впервые активно использовал термин “нигилизм” в серии своих статей 1861 г. при характеристике общественно-политической позиции своих оппонентов из журнала “Современник”.

** Характерно, что для представителей консервативно-самодержавной доктрины с их вниманием к традициям, устоям и абсолютизацией моментов преемственности в общественном развитии именно наследственный монарх выступал носителем национальной идеологии, идущей из прошлого, воплощал в себе идею Родины, символизировал непрерывность и последовательность отечественной истории. (Прим. Авт.).

*** В качестве примера таких неорганичных для страны преобразований В.П.Мещерский называл реформы Александра II.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В АРМИИ И НА ФЛОТЕ

В.Лихачев,

доктор юридических наук,
член Совета Федерации РФ

И.Никитин,

доктор биологических наук, профессор

Н.Прусс,

ректор Академии управления “ТИСБИ”,

профессор

Реформирование российской высшей школы в рамках Болонских договоренностей России и стран Центральной Европы в области европейских стандартов о высшем образовании реально сочетается с решением вопроса введения высшего гражданского образования по дистанционной технологии обучения для военнослужащих контрактной службы ВС РФ.

Послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию в части гарантированного права на высшее образование за государственный счет военнослужащим контрактной службы может быть реализовано в кратчайшие сроки.

Часть 1. Гражданское общество

1. Реформа высшей школы Российской Федерации должна вернуть утерянную доступность высшего образования российской молодежи.

Высшее образование за государственный счет в условиях прохождения контрактной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации – реальный путь совмещенной реализации конституционного почетного права служения Отечеству и права на получение образования гражданами России. Особенно это важно для сельской молодежи. Столичные и прочие государственные и негосударственные (платные) высшие учебные заведения стали сегодня практически не доступными выходцам российских глубин.

Через гражданское высшее и среднее специальное образование в период прохождения контрактной службы в Вооруженных Силах РФ в современных условиях Армия и Флот вновь приобретают ключевые позиции для российской молодежи.

“Армия – школа жизни” – лозунг, который получит второе дыхание на этапе новейшей истории России.

Опыт армий стран НАТО подтверждает такую возможность для России.

Создание всеармейского и флотского корпоративного университета с 50 ведущими гражданскими специальностями – откроет двери сорока лучших вузов страны ежегодно для 150 тыс. “армейских студентов”.

2. В соответствии с Болонским соглашением, высшая школа в России в ближайшей перспективе должна перейти на двухступенчатую основу, ориентируясь на единый общеевропейский стандарт.

Бакалавриат и магистратура совместно должны по объему знаний превзойти сегодняшнего российского специалиста.

Спорность этого вопроса может на долгие годы затянуть реформирование высшей школы в России.

Одно бесспорно – дистанционный армейский бакалавриат по любой гражданской специальности в случае претензий выпускающего вуза к качеству усвоения учебного материала “армейским студентом” сможет быть отшлифован традиционной контактной педагогикой в период постармейской магистратуры в самом вузе.

Сутью реформы российской высшей школы должен стать не столько переход на двухступенчатую основу, сколько отработка российского бакалавриата с обязательным учетом дистанционной формы образования.

Дистанционная педагогическая технология в России заявила о себе свыше 10 лет тому назад. Негосударственные вузы эффективно применяли ее в конкурентной борьбе за места “под солнцем” на российском поле образовательных услуг.

Государственные (бюджетные) вузы в развитии дистанционного образования были заинтересованы в меньшей мере.

Процесс носил скорее эксклюзивно-поисковый характер, хотя федеральная программа развития образования (ФПРО) Министерства образования и науки РФ ряд лет предоставляла финансирование государственным вузам на развитие технологии дистанционного образования.

Сегодня инновационная технология дистанционного образования становится ключевым звеном внедрения гражданского образования в армейскую среду.

Доступность высшего образования за государственный счет для российской молодежи при этом существенно возрастает, как и привлекательность контрактной службы в Вооруженных Силах.

Государственное дистанционное образование в армейских условиях обеспечит конкурентную среду для негосударственного (частного) сектора высшей школы.

Качество и только качество образования станет критерием для финансовых затрат в семьях учащейся молодежи.

Борьба законодателей за сохранение отсрочки от службы в армии на период обучения в высшей школе теряет свое социально-защитное значение. А статус студента освобождается от бремени двусмысленности “уклониста” от службы в армии.

Дистанционная технология образования в армейских условиях способна решить общегосударственную задачу всеобщего среднего образования для российской молодежи.

Военнослужащие, не закончившие курс средней школы, могут получить такую возможность непосредственно в период прохождения контрактной службы с дальнейшим продолжением учебы в дистанционном режиме в ведущих вузах страны.

Часть 2. Вооруженные силы

Реформа Вооруженных Сил Российской Федерации должна базироваться на глобальном процессе непрерывного повышения внутреннего интеллектуального ресурса Армии и Флота.

Современные образовательные технологии способны выполнить подобную задачу. Дистанционное гражданское образование сегодня может гармонично сочетаться с традиционным контактным военным курсовым образованием непосредственно в войсках. Параллельность ведения двух учебных процессов только усиливает конечный результат. Дистанционная компьютерная кейс-технология позволяет в виртуальном режиме эффективно осваивать как военную, так и гражданскую специальности одновременно.

Армии стран НАТО уже свыше 10 лет успешно сочетают военное и гражданское образование военнослужащих непосредственно в процессе контрактной службы. При этом существенно возрастает постармейская социальная защищенность военнослужащих, что в значительной мере влияет на привлекательность контрактной службы и обеспечивает постоянный рост интеллектуальных ресурсов в самих армиях.

Так, корпоративный университет Американской армии был создан в связи с возрастающей текучестью персонала и необходимостью “подготовки солдат и штатного персонала к сложным заданиям XXI века”.

Армейский университет стал основой реализации доктрины интеллектуализации армии.

Корпоративный университет Американской армии представляет собой консорциум из лидеров компьютерной индустрии и 29 аккредитованных высших учебных заведений США, владеющих дистанционными образовательными технологиями.

По данным за 2004 г., в армейском университете обучается в объеме бакалавриата 42000 “армейских студентов”, они осваивают 3000 курсов и 169 программ и при этом они продолжают служить в армии.

Создание Российского армейского корпоративного университета (РАКУ) для Вооруженных Сил РФ сегодня не только возможно, но и крайне необходимо. Реформа высшей школы в России способна внести существенный вклад в армейскую реформу внедрением бакалавриата гражданских специальностей в армейский распорядок военнослужащих. При этом даже возможна

синхронизация учебного процесса гражданских и военных специальностей. Полный курс бакалавриата исторического факультета МГУ, КГУ или С.-ПГУ не повредит ни одному военнослужащему, однако образованность и интеллектуальность в войсках автоматически возрастут, как и осознание своего исторического наследия, подлинного патриотизма и любви к Родине. Об этом в недавнем прошлом политруки могли только мечтать.

Психологический, экономический или юридический всеобуч военнослужащих в объеме учебных программ бакалавриата соответствующих факультетов ведущих вузов страны также возможен.

Высшее гражданское образование становится доступным для любого военнослужащего согласно его желанию. Военная дисциплина и жесткий распорядок дня военнослужащего исправляют изъяны дистанционной технологии образования в ее гражданском применении.

Армия и Флот получают постоянную подпитку интеллектуального ресурса, у военнослужащих автоматически вырабатываются навыки и умения владения компьютерной техникой, что непременно скажется на повышении технологичности мышления при освоении военных специальностей.

Одновременно с получением высшего образования и соответствующей гражданской специальности обеспечивается реальная социальная защита военнослужащего после завершения службы. Заслугой ВС будет не только армейская выучка, но и базовое высшее гуманитарное образование (историческое, юридическое и т.п.), ничуть не мешающее будущим врачам, инженерам и тем более педагогам.

Армия становится национальной базовой кузницей интеллекта.

Себестоимость высшего образования в дистанционной форме в Вооруженных Силах может быть существенно ниже, чем в традиционном вузе на гражданке.

Это связано со спецификой армейской среды и уровнем оснащено- сти персональной компьютерной техникой.

Персональное компьютерное перевооружение всего личного состава Вооруженных Сил неизбежно. В противном случае реформа российских Вооруженных Сил будет носить косметический характер.

Часть 3. Структура армейского университета

РАДКУ – дистанционный университет, а точнее – система управления дистанционного образования военнослужащих (“армейских студентов”) непосредственно в войсковых частях. Учреждаемый Минобразования и науки совместно с Минобороны и ПГ “Ланрусинвест-Звезда” РАДКУ – функционально будет отвечать за координацию взаимодействия гражданских вузов и воинских подразделений Вооруженных Сил РФ по обеспечению высокоэффективного дистанционного учебного процесса широкого спектра гражданских и военных специальностей базовых гражданских вузов, вошедших в корпорацию дистанционного армейского университета.

Головной Центр Управления и ректорат РАДКУ может находиться в Генеральном штабе сухопутных войск Минобороны РФ в расположении подразделения ПГ “Ланрусинвест-Звезда”; отвечающей за спецсвязь МО; дистанционные информационно-коммуникационные центры РАДКУ – окружные учебные серверы – логично и оптимально территориально разместить в штабах округов с обеспечением взаимодействия с учебно-координационными центрами военных комиссариатов окружной принадлежности. Военные комиссариаты в свою очередь функционально способны координировать взаимодействие с военными конверсионно-дистанционными кафедрами базовых гражданских вузов, входящих в корпорацию армейского университета – РАДКУ.

Прекращение в текущем году набора студентов на военные кафедры гражданских вузов обеспечивает благоприятную возможность интенсивной конверсионной деятельности педагогических коллективов военных кафедр по развертыванию производства дистанционных учебных продуктов ВУС для их последующего применения в учебном процессе РАДКУ. При этом сохраняется богатейший интеллектуальный ресурс военной педагогики в виртуальной форме для эффективной эксплуатации в дистанционной технологии образования “армейских студентов” и одновременно сохраняется возможность пополнения мобилизационного резерва младших офицеров запаса из числа военнослужащих контрактников – “армейских студентов”, прошедших обучение в РАДКУ.

Высшее гражданское образование, сопровождаемое высшим военным образованием, по аналогии с существовавшей до сегодняшнего дня практикой высшей школы в России, станет более доступным армейской молодежи. Бережное отношение к уникальному педагогическому опыту

военных кафедр гражданских вузов найдет свое отражение в дистанционном продукте ВУС для соответствующей технологии образования в РАДКУ. При этом сами офицеры конверсионных военных кафедр смогут выполнять роль военпредов в собственных вузах по приему дистанционных учебных продуктов по гражданским специальностям при передаче их в войска для наполнения учебного процесса РАДКУ. Сокращение 119 военных кафедр российских гражданских вузов может превратиться в конверсионный процесс, и 4,5 тыс. старших офицеров военных педагогов вновь будут востребованы в качестве гражданских педагогов кафедр дистанционного образования собственных вузов – реальных базовых кафедр виртуального РАДКУ.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ТОТАЛИТАРНАЯ МОДЕЛЬ УСКОРЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Эффективная нерыночная модель

С.Расторгуев,

кандидат исторических наук
(Финансовая академия при Правительстве РФ)

Для анализа истории России XX в. целесообразно применить концепцию смены моделей социально-экономического и политического развития. Основными понятиями концепции являются матрица и модель.

Матрица включает общественные отношения, определяющие характер производства, обмена, потребления материальных благ, структуры власти, культурные ценности, стереотипы поведения. Параметры матрицы едины для разных цивилизаций, реализация параметров в конкретно-исторических условиях создает определенную модель.

В экономической сфере матричные параметры состоят из отношений собственности на средства производства; механизма создания (производство), обмена (торговля), распределения (налоги), потребления (уровень жизни) материальных благ; соотношения аграрного и промышленного сектора; технологического уклада; обеспеченности рабочей силой. Финансовые параметры включают денежные отношения, ценообразование, государственный бюджет, инвестиции.

Советские модели представляли собой нерыночную модернизацию с ориентацией на опережающее развитие. Они рассматривались как наиболее эффективные по сравнению с моделями развитых стран Запада. Под модернизацией в СССР понимали достижение военного паритета, сокращение разрыва в уровне промышленного, научного развития, уровне жизни населения с развитыми странами. Но в рамках советских моделей не ставилась цель воспроизвести внутри страны политические институты, экономические отношения, культурные ценности Запада.

Каждый параметр матрицы сам по себе представляется в виде микромодели, функционирующей по внутренним законам и взаимодействующей с внешней средой.

Иерархическое соподчинение микромоделей экономических параметров матрицы, установление между ними прямых и обратных связей дает возможность проанализировать экономику как целостную систему. В свою очередь модель экономики тоталитарного периода встраивается в макро модель, включающую микро модели политического устройства, культурных ценностей, поведенческих стереотипов и мотивации.

Матричный параметр собственности. Юридически существовало две формы собственности: государственная и колхозно-кооперативная, однако де-факто последняя представляла собой разновидность единой государственной собственности. Колхозно-кооперативная форма собственности предусматривала существование у крестьянства личного подсобного хозяйства. Именно личное подсобное хозяйство, а не колхозные средства производства можно рассматривать как вторую форму собственности в СССР. Об этом свидетельствует разрешительно-запретительная система государственных мер, нацеленная на изъятие продукции личных крестьянских хозяйств и сокращение их земельной площади в периоды стабилизации экономики и на расширение частной инициативы в периоды экономических трудностей. Не менее весомым аргументом правомерности выделения личных подсобных хозяйств в особую форму собственности является параллельное существование государственной торговли по фиксированным ценам и колхозно-рыночной торговли по ценам спроса и предложения.

Сравнительный анализ эффективности колхозов и личных подсобных хозяйств свидетельствует о большей производительности последней формы, поскольку она сохраняла

классические рыночные черты: прибыль, конкуренция, свободная торговля.

В тоталитарной модели лоббирование интересов предприятия осуществлялось посредством “торга” с вышестоящими учреждениями по вопросам распределения ресурсов, фонда заработной платы, капитальных вложений, плановых заданий, ассортимента продукции. Концентрация основной массы собственности в руках государства позволяла оперативно реализовывать программу развития приоритетных отраслей, покрывать убытки одних отраслей за счет прибыли других¹. Государственная собственность позволяла перераспределять издержки неэффективности и доходы рентабельных предприятий относительно равномерно на все общество в целом, создавая гарантию стабильного развития. Оригинальность отношений собственности в тоталитарной модели заключалась в абсолютном доминировании государственной собственности в промышленности и оттеснении на второй план личных подсобных хозяйств крестьян.

Матричный параметр отраслевой пропорции. Нэповская модель смешанной экономики к середине 20-х годов восстановила отраслевую пропорцию дореволюционной России: высокий удельный вес аграрного сектора в валовом продукте (до 50%) и преобладание отраслей, производящих предметы потребления, над отраслями, производящими средства производства. Переход от нэповской к тоталитарной модели обосновывался необходимостью ускоренной индустриализации с опорой на новые отрасли группы “А”.

В исторической и экономической литературе общепризнанным является вывод о донорно-акцепторной связи аграрного сектора и отраслей группы “Б” с отраслями группы “А”². Доноры перераспределяли произведенную продукцию и прибыль в пользу акцепторов посредством механизма фиксированных заготовительных цен на аграрную продукцию, отчислений от прибыли предприятий. Трудовые ресурсы перемещались из деревни в город.

Анализ капитальных вложений и темпов роста в 1929–1950 гг. подтверждает тезис о концентрации “полюсов роста” исключительно в индустрии, производящей средства производства, хотя динамика капитальных вложений по пятилеткам была подвержена циклическим колебаниям^{2,3}.

В довоенные годы доминировали черная металлургия, машиностроение, в послевоенный период к ним добавились топливная, химическая промышленность, цветная металлургия.

По отраслевой структуре капитальные вложения в 80-х годах составляли примерно 7:1 в пользу отраслей группы “А”. Диспропорция отраслей, производящих средства производства и предметы потребления, была обусловлена стремлением к военной и экономической безопасности и неуверенностью в возможности приобретения необходимых для реализации государственных программ машин и ресурсов за границей.

Тенденция к росту отраслей группы “А” с одновременным сокращением удельного веса стоимости продукции аграрного сектора и отраслей группы “Б” имела серьезные последствия для других экономических параметров матрицы. Прежде всего, это принципиально изменяло характер товарно-денежных отношений и конечного потребления. Динамично развивавшиеся отрасли работали друг на друга, производя продукцию, обменивавшуюся и использовавшуюся вне потребительского рынка. Это привело к дефициту потребительских товаров. Деньги, обслуживавшие оборот средств производства, утрачивали функцию меры стоимости. Сделки купли-продажи маскировали централизованное распределение ресурсов в соответствии с установленными государством приоритетами⁴.

В две первые пятилетки военная промышленность не являлась приоритетом, поскольку основное внимание уделялось созданию базовых отраслей тяжелого машиностроения, металлургии, топливно-энергетической базы. Заказы Народного комиссариата обороны удовлетворялись в среднем на 75%, в ассортименте военной продукции преобладал серийный выпуск морально устаревших образцов вооружений⁵. С третьей пятилетки (1938–1942 гг.) прослеживается трехкратный рост расходов на оборону. Начался серийный выпуск новой техники, соответствовавшей лучшим мировым образцам. Пик военного производства планировался на 1942 г., что позволило бы СССР иметь самую крупную и технически оснащенную армию в мире. В 1941–1945 гг. военная промышленность стала не только относительным, но и абсолютным приоритетом экономики, на нее приходилось более половины промышленной продукции страны без учета искусственно заниженных цен отраслей-смежников.

Последние данные о военных расходах в 1945–1953 гг. показывают сохранение доли военно-промышленного комплекса в объемах не меньше 1940 г. Создание “полюсов роста” вокруг военной индустрии предопределило перестройку экономических параметров матрицы.

Значительная часть ресурсов и товаров отраслей группы “А” была переориентирована с гражданского сектора на военный. Это стимулировало ускоренный рост новейших, наукоемких отраслей промышленности, позволило СССР стать одной из двух великих держав биполярного мира. С другой стороны, гражданские отрасли оказались ранжированными в зависимости от военной полезности, что предопределило темпы их роста и технического перевооружения.

Военная индустрия не имела рациональных границ роста. Она пользовалась мягкими бюджетными ограничениями, неограниченными инвестициями, лучшими научными разработками, наиболее квалифицированными кадрами. Заказчик военной продукции в лице государства обеспечил фактически спрос, который имел лишь ресурсные ограничения. В совокупном общественном продукте возрастал удельный вес товаров, замороженных в виде стратегических резервов и предоставляемых в обмен на политическую лояльность другим странам.

Ценовой параметр матрицы. В нэповской модели государственный монополизм в промышленности приводил к “ножницам цен”, что способствовало перераспределению денежных потоков в пользу промышленности. В тоталитарной модели “ножницы цен” стали основным источником изъятия средств из аграрного сектора в пользу растущей индустрии, цены на сельскохозяйственную продукцию устанавливались государством. Колхозы были обязаны выполнять государственные поставки по ценам в 3–4 раза ниже себестоимости. Даже закупочные цены на сверхплановую продукцию не покрывали издержек. Розничные цены государственной торговли формировались с учетом всех издержек. Таким образом, основным источником пополнения бюджета являлся неэквивалентный обмен с деревней¹.

В тоталитарной модели сложилась многоуровневая система цен на продукты питания. Это было обусловлено наличием карточной системы с относительно дешевыми пайковыми ценами, коммерческими ценами государственных магазинов и ценами колхозного рынка.

В 1932–1940 гг. розничные цены на продукты питания выросли в 2,5–5,7 раз, но опережающий рост заработной платы компенсировал инфляцию.

В период 1941–1945 гг. реальная зарплата городских рабочих снизилась на 40% из-за опережающего роста цен.

Отмена карточной системы в 1947 г. и переход на единые цены привел к появлению средневзвешенных цен. Снижения цен в начале 50-х годов были обусловлены не только уменьшением себестоимости продукции, но и увеличением изъятия из личных подсобных хозяйств^{1,6}.

В основе оптовых цен лежали предельные издержки предприятий, которые возрастали в связи с ростом материалоемкости производства. Наряду с избыточной денежной эмиссией увеличение издержек привело к девятикратному росту оптовых цен в 30-е годы. Однако, несмотря на подобную ценовую политику, к 1940 г. ряд отраслей, выпускавших продукцию промежуточного производственного потребления, были убыточными. В 1941–1948 гг. правительство дотировало нерентабельные отрасли, являвшиеся поставщиками сырья и топлива для ВПК. Реформа 1948 г. санкционировала очередной рост оптовых цен, причем в нерентабельных отраслях он был выше, чем средний рост в 2,5 раза¹.

В отличие от предприятий группы “А”, на продукцию которых цены устанавливались по предельным издержкам, предприятия группы “Б” с 1939 г. ориентировались на фиксированные оптовые и розничные цены. Подобное отличие было обусловлено стремлением правительства сдерживать рост цен на потребительские товары.

Таким образом, можно констатировать два разных принципа ценообразования в отраслях группы “А” и группы “Б”, что приводило к дифференциации финансовой стратегии предприятий единого государственного сектора. Предприятия отраслей группы “А” не считались с издержками, могли быть нерентабельными, получали значительную часть инвестиций. Предприятия отраслей группы “Б” ориентировались на снижение себестоимости, не могли допустить повышение издержек выше фиксированных розничных цен, получали меньше инвестиций. Общность обеих групп проявлялась в гарантированном сбыте продукции через государственную торговлю.

Потребительский параметр матрицы. Тоталитарная модель носила ярко выраженный инвестиционный характер, что неизбежно приводило к сокращению доли конечного потребления домашними хозяйствами.

Ни в 1940, ни в 1953 гг. среднедушевое потребление основных продовольственных и непродовольственных товаров не достигло уровня 1928 г. Основная причина стагнации потребления домохозяйств заключалась в трехкратном увеличении инвестиций и снижении объемов сельскохозяйственной продукции в связи с кризисами коллективизации и ущерба от

второй мировой войны.

В годы функционирования тоталитарной модели торговля носила распределительный характер, который проявлялся как в открытой форме (карточки), так и в скрытой (нормы отпуска в одни руки и т.д.).

Иерархия потребления носила четко выраженный производственный, социальный, географический характер. Однако в тоталитарной модели разрыв в потреблении товаров и услуг между правящей элитой и снабжавшимися по высшим нормам индустриальными рабочими, красноармейцами, сотрудниками спецслужб был не столь велик как в дореволюционной и командно-административной модели или в современной России.

В рамках тоталитарной модели существовала теневая экономика. Товарный дефицит и искусственное занижение потребностей (карточки, нормирование) привели к использованию бартерных сделок между предприятиями промышленности и колхозами, “скрытой приватизации” колхозных угодий и инвентаря, перепродаже товаров государственной торговли по спекулятивным ценам. Объемы теневого сектора следует оценивать не в сопоставлении с валовым внутренним продуктом, большая часть которого приходилась на нерыночный сектор средств производства, а в сравнении с оборотами государственной, кооперативной и колхозной торговли. Наибольший размах теневая экономика носила в периоды карточного распределения. Благодаря неформальным обменам население не столько приобретало предметы роскоши, сколько удовлетворяло минимальные потребности.

Кадровый параметр матрицы. Для тоталитарной модели характерна высокая социодинамика. Около 22% населения мигрировало из деревни в город, что позволило обеспечить трудовыми ресурсами растущую индустрию. Классическая модель рыночной индустриализации предполагает уход в города разорившихся крестьян. В российской и советской деревне община и колхоз сдерживали разорение, поэтому крестьяне попадали в города либо забросив хозяйство под угрозой раскулачивания, либо в результате планового набора по заказу предприятий.

По сравнению с 1928 г. численность индустриальных рабочих увеличилась в 5,5 раз. Однако внедрение сложных станков и оборудования, повышавших производительность труда и темпы роста, сдерживалось необходимостью предварительного обучения. Низкая производственная дисциплина и погоня за валовыми показателями приводили к увеличению выпуска некачественной продукции. Недостаток квалифицированных рабочих и использование импортной техники заставляли приглашать зарубежных специалистов³.

Уникальным источником трудовых ресурсов в тоталитарной модели являлись полусвободные и несвободные граждане. Категория полусвободных граждан сформировалась после второй мировой войны из репатриантов, которые были объединены в строительные и производственные отряды. К несвободным гражданам относились заключенные лагерей и спецпоселенцы, военнопленные. Оценка доли подобного труда в структуре ВВП около 10% представляется обоснованной. Максимальный эффект достигался за счет возможности вести производство в труднодоступных регионах, натурализации оплаты и ее нормирования. Использование квалифицированных рабочих и инженеров из заключенных при создании военных объектов превращало их в “привилегированную группу” приписанных к предприятию работников.

Большие демографические потери за годы Гражданской войны, голода, второй мировой войны, а также государственная политика по эмансипации женщин привели к массовому использованию женского труда в народном хозяйстве. Сложился структурный (относительный) дефицит рабочей силы при одновременном наличии структурного (абсолютного) излишка трудовых ресурсов. Ликвидация структурного дефицита из-за отсутствия безработицы осуществлялась за счет миграций крестьян в города. Подобный источник ликвидации дефицита имел естественные ограничения – сокращение сельского населения при одновременном сокращении рождаемости в городах. В перспективе вставал вопрос о переходе к интенсивному типу развития.

Внешнеэкономический параметр матрицы. Можно выделить несколько этапов, отличных по количественным и качественным показателям значимости внешнеэкономического фактора. В период первой пятилетки советская экономика стала крупнейшим в мире импортером продукции машиностроения, что было обусловлено форсированным развитием тяжелой промышленности и заинтересованностью иностранных фирм в расширении рынков сбыта во время экономического кризиса на Западе. Одновременно СССР выступал в качестве крупного экспортера зерна.

В годы второй и третьей пятилеток импортные закупки сократились в три раза. Они сохранили значимость, прежде всего, в приоритетных отраслях ВПК. Пережив тяжелый аграрный

кризис в первой половине 30-х годов, СССР уже не мог оставаться крупным экспортером сельскохозяйственной продукции. Поэтому в структуре экспорта на первое место вышли нефть, пушнина, древесина. Особым периодом во внешнеэкономических связях были 1941–1945 гг. Поставки стран-союзниц сыграли важную роль не количественными показателями в ассортименте военной продукции, а поставками транспортных средств и отчасти продовольствия. Это позволяло советским предприятиям сконцентрироваться на выпуске военной продукции.

Отказ СССР участвовать в инвестиционной программе по плану Маршалла, разделение мира на два лагеря вследствие начавшейся “холодной войны” не означали снижения роли внешнеэкономических связей, хотя изменили их форму. До 50% вложений в основные фонды в годы четвертой пятилетки составили репарационные платежи товарами и оборудованием из советской зоны оккупации. После восстановления народного хозяйства СССР стал больше экспортировать машин и оборудования, чем импортировать. Это объяснялось тем, что его основными торговыми партнерами стали страны Восточной Европы, интегрированные в Совет Экономической Взаимопомощи.

Денежный параметр матрицы. В последние годы существования нэповской модели было восстановлено дореволюционное соотношение валового внутреннего продукта и денежной массы. С переходом к тоталитарной модели денежный параметр матрицы подвергся существенной перестройке. Основным финансовым источником долгосрочных инвестиций в предприятия группы “А” стала денежная эмиссия. Денежная масса за период 1928–1945 гг. возросла более чем в 40 раз. С 1928 по 1955 гг. индекс оптовых цен вырос в 15,3 раз³.

Приоритетные отрасли группы “А”, а с 1937–1938 гг. отрасли военной промышленности, получали в рамках бюджета практически неограниченные денежные средства для реализации государственных программ. Наряду с перекачкой прибыли других отраслей, облигационными займами населения, повышением розничных цен, финансирование приоритетных отраслей осуществлялось за счет эмиссии. Поскольку основная часть продукции приоритетных отраслей обменивалась и потреблялась внутри этих же отраслей, издержки роста цен перекладывались на бюджет в целом, а конкретно на основных налогоплательщиков – рентабельные предприятия, розничную торговлю.

Одним из факторов роста денежной массы и инфляции в 30–40-е годы стал недостаточный товарооборот государственной и кооперативной торговли в результате сложившегося дефицита и нормированного распределения. Несмотря на невысокие стандарты потребления, население не могло приобрести товары и продукты на всю сумму заработной платы и доходов от личного подсобного хозяйства. Появился феномен вынужденных сбережений или “советской инфляции”. Бюджет недополучал средства от населения из-за низкого потребления, что обуславливало очередную эмиссию и дальнейший рост цен. Государство с помощью облигационных займов возвращало в бюджет часть замороженных остатков заработной платы и доходов от подсобного хозяйства.

Это позволяло, с одной стороны, сокращать эмиссию и инфляцию, сдерживать рост заработной платы, стабилизировать цены, а с другой – облигации уменьшали спрос и несколько увеличивали предложение товаров, стимулировали работников увеличивать производительность труда и денежные доходы для приобретения необходимых товаров.

В период карточного распределения продуктов и товаров деньги в некоторой степени утратили функцию средств платежа. Фактически ее поддерживало только сохранение колхозных рынков. Дифференциация в уровне потребления основывалась не столько на дифференциации зарплат, сколько на возможности получить материальные блага и услуги из общественных, производственных, ведомственных фондов.

Значительное влияние на денежный параметр матрицы оказала реформа 1947 г. Обоснованием реформы явилось разбалансирование денежного обращения в годы второй мировой войны, подготовка перехода от карточного распределения к свободной торговле. Хотя официальной целью конфискации были спекулянты, но основными пострадавшими от реформы оказались крестьяне районов, где не было оккупации. Именно эти крестьянские хозяйства аккумулировали в годы войны эмитированные рубли и держали их вне государственных сберегательных касс. Восстановление довоенного уровня легкой и пищевой промышленности привело бы к предъявлению крестьянами большого платежеспособного спроса. В ходе реформы не менее 30% денежной массы осталось не предъявленной к обмену и обесценилось. Реформа 1947 г. стимулировала население хранить сбережения в сберегательных кассах, что являлось формой кредитования государства.

Налоговый параметр матрицы. Тотальное огосударствление сельскохозяйственного сектора, средних и мелких частных торгово-промышленных предприятий в городе привело к радикальному изменению налоговой политики. Если в нэповской модели основными источниками доходов бюджета были прогрессивные налоги с предпринимателей города и деревни, акцизы, то в тоталитарной модели на первое место вышли налоги с предприятий государственного сектора. Налогообложение предприятий государственного сектора представляло собой централизованное перераспределение средств в зависимости от выдвигавшихся государственных приоритетов.

Основным источником доходной части бюджета СССР с 1930 г. стал налог с оборота, заменивший многочисленные платежи и отчисления во внебюджетные фонды, акцизы⁷.

Существовало несколько тысяч ставок налога с оборота в зависимости от вида товара, сорта, пояса, назначения товара (для личного или промышленного потребления). Прослеживалась тенденция опережающего роста налога с оборота по сравнению с ростом совокупной прибыли предприятий: с 1928 по 1955 гг. налог с оборота вырос в 100 раз при росте прибыли в 35 раз³.

Основная часть налога с оборота приходилась на розничную торговлю предметами широкого потребления и продуктами питания. Так с 1929 по 1950 гг. доля налога с оборота в розничном товарообороте возросла с 27% до 60%. Одновременно для предприятий группы “А” проводилось снижение данного налога.

Вторым по значимости источником доходной части бюджета стали отчисления от прибыли государственных предприятий. Этот налог платили предприятия промышленности, транспорта, торговли, сельского хозяйства, работавшие на основе хозяйственного расчета. Объектом обложения являлась прибыль предприятий, рассчитанная на основе квартальных балансов за текущий операционный год. Размер отчислений колебался от 10% до 81% в зависимости от планируемых затрат на капитальные вложения⁸.

Экономические параметры матрицы тоталитарной модели способствовали построению основ индустриального общества, что соответствовало внутренним и внешним вызовам 30–50-х годов. Тоталитарная модель представляла собой вариант ускоренного экстенсивного роста, основанного на перекачивании ресурсов аграрного сектора в индустрию, массовом привлечении рабочей силы из деревни, росте материалоемкости производства. Естественными ограничителями роста являлись объемы трудовых и природных ресурсов. Структурная диспропорция в сторону отраслей группы “А” объяснялась как целенаправленной инвестиционной политикой государства, так и намеренным ограничением предпринимательской инициативы по идеологическим причинам.

Нерыночный характер тоталитарной модели способствовал оригинальной модификации отношений собственности, денежного обращения, ценообразования, налогообложения, внутренней и внешней торговли, потребления. Монополизация производства и распределения в рамках государственного хозяйства позволяла игнорировать некоторые классические законы рыночной экономики, распределяя издержки от их нарушения на все общество. Вместе с тем, тоталитарная модель сочетала в себе административные и рыночные методы.

Примечания

¹ Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917—1963). М.: Мысль, 1964. С. 187, 177–178, 205–206, 229–235, 258, 246–248.

² Промышленность и рабочий класс СССР 1946–1950 гг.: Документы и материалы / Ред. М. И. Хлусов. М.: Наука, 1989. С. 172–174.

³ Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука, 1991. С. 46–47, 176–185, 211–213; 206–207, 208.

⁴ Корнай Я. Дефицит / Перевод с англ. М.: Наука, 1990. С. 29–31.

⁵ Симонов Н.С. Военно–промышленный комплекс СССР в 1920–1950 гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. С. 172–174.

⁶ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы 1945–1953 годы: М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2002. С. 145–147.

Богачевский М. Налоговая система СССР. М.: Госфиниздат, 1938. С. 12–14.

⁸ Толкушкин А.В. История налогов в России. М.: Юрист, 2001. С. 222–232.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ПОЛИТИКА РОССИИ В ОБЛАСТИ МАШИНОСТРОЕНИЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В.Липатов

С вступлением России в систему золотомонетного стандарта в конце XIX в. началась ее ускоренная интеграция в мировую экономику. В конце XX в. – начале XXI в. ситуация аналогичная, так как Россия также интегрируется в мировую экономику, проводя либеральную стратегию и подчинения требованиям ТНК и МВФ.

Индустриально развитыми странами России отводилась в первом случае роль поставщика аграрной продукции, во втором – поставщика углеводородного и минерального сырья, но в любом случае никто не рассматривал и не рассматривает Россию в качестве передовой державы в машиностроении. Тем не менее, несмотря на сложности в конце XIX – начале XX в., российские предприниматели делали попытки развивать машиностроение.

В конце XIX – начале XX в. государственная стратегия и экономическая политика России не ставила в качестве приоритетов развитие промышленности и, прежде всего, машиностроения.

Главными направлениями расходов бюджета Российской Империи в начале XX в. были:

- военные расходы;
- строительство железных дорог;
- обслуживание государственного долга.

Совокупная доля, приходившаяся на данные приоритеты, в расходной части бюджета в 1900 г. и 1913 г. составляла более 60% (табл. 1).

Таблица 1

**Структура расходной части государственного бюджета России
за 1900 и 1913 гг.¹**

млн. руб.

Статьи расходов	1900 г.		1913 г.	
	сумма	% к итогу	сумма	% к итогу
Непроизводительные расходы				
Военные расходы	483	25,6	965	28,5
Расходы по госдолгу, в том числе платежи за границу	317	16,7	424	12,5
Расходы на госаппарат	151	7,9	295	8,7
Затраты по сбору налогов	187	9,8	297	8,8
Прочие расходы	30	1,6	23	0,6
Всего	1168	61,8	2004	59,1
Производительные расходы				
Вложения в государственные имущества и предприятия, в том числе по казенным железным дорогам	572	30,2	1108	32,7
Бюджетные вложения в частный сектор, в том числе по частным железным доро- гам	104	5,6	98	2,9
Расходы на просвещение	34	1,8	143	4,3
Прочие расходы	11	0,5	30	0,9
Всего	721	38,2	1379	40,9
ИТОГО	1889	100,0	3383	100,0

Анализ использования средств государственного бюджета показывает, что нет данных, подтверждающих прямое участие государства в развитии промышленности, включая машиностроение, за исключением транспорт-ного машиностроения.

Таким образом, государство своей финансовой политикой оказывало лишь косвенную помощь машиностроительной отрасли через мультипликативное воздействие военных заказов и заказов со стороны казенных и частных железных дорог, которые зачастую доставались зарубежным производителям.

Отсутствие прямой государственной поддержки приводило к тому, что финансовое положение машиностроения было неудовлетворительным (табл. 2).

Показатели финансового состояния российского машиностроения*

Предприятия по группам	Капиталы, дивиденды, убытки, %	1901	1902	1903	1904	1905	1906
I. Прибыльные	Число предприятий, ед	61	61	61	61	61	61
	Доля в акционерном капитале групп I-V	55,6	55,0	55,0	53,3	51,5	48,1
	Дивиденд	4,45	5,68	6,77	7,23	7,31	7,62
	Убыток	-	-	-	-	-	-
	Чистая прибыль **	4,45	5,68	6,77	7,23	7,31	7,62
II. Непостоянной прибыльности	Число предприятий, ед	30	30	30	30	30	30
	Доля в акционерном капитале групп I-V	21,5	21,3	19,1	18,6	18,8	18,9
	Дивиденд	0,83	0,48	0,52	0,78	1,09	1,56
	Убыток	3,4	1,22	0,94	0,4	1,32	3,48
	Чистая прибыль **	-	-	-	-	-	-
III. Бездоходные и убыточные	Число предприятий, ед	21	21	21	21	21	21
	Доля в акционерном капитале групп I-V	13,1	12,9	12,6	12,1	11,7	10,7
	Дивиденд	-	-	-	-	-	-
	Убыток,	5,65	5,46	8,10	4,20	5,35	6,62
	Чистая прибыль **	-	-	-	-	-	-
IV. Новые	Число предприятий, ед	-	9	19	28	31	37
	Доля в акционерном капитале групп I-V	0,0	1,2	4,0	7,0	9,3	8,6
	Дивиденд	-	2,46	2,5	2,7	1,8	1,71
	Убыток	-	2,58	1,07	0,98	5,31	1,67
	Чистая прибыль **	-	-	1,43	1,72	3,51	0,04
V. Перешедшие в администрацию	Число предприятий, ед	10	10	10	10	10	10
	Доля в акционерном капитале групп I-V	9,8	9,6	9,3	9,0	8,6	7,8
	Дивиденд	-	-	-	-	-	-
	Убыток	-	-	-	-	-	-
	Чистая прибыль **	-	-	-	-	-	-
Предприятия всех групп	Число предприятий, ед	122	131	141	150	153	159
	Доля в акционерном капитале групп I-V	100	100	100	100	100	100
	Дивиденд	2,65	3,26	3,92	4,18	4,14	4,21
	Убыток	1,47	0,99	1,25	0,65	1,36	2,02
	Чистая прибыль **	1,18	2,27	2,67	3,53	2,78	2,19
VI. Ликвидированные	Число предприятий, ед	5	11	7	4	5	1
	Доля в акционерном капитале групп I-V	1,34	3,55	1,40	3,26	2,31	0,19

* Табл. 2 составлена на основании Записки Совета Съездов Представителей Промышленности и Торговли "О мерах к подъему отечественной железной промышленности и машиностроения". Спб., 1908. С. 19-22.

** Чистая прибыль (дивиденд без убытка), %.

Из табл. 2 следует, что в 1906 г. приносили постоянную прибыль менее 40% предприятий, а их доля в суммарном акционерном капитале компаний машиностроительной отрасли составила 48,1%.

Предприятия непостоянной прибыльности за период 1901–1906 гг. дали чистую прибыль только в 1904 г., а их доля в акционерном капитале отрасли в 1906 г. составила 18,9%.

Доля в суммарном акционерном капитале отрасли бездоходных и убыточных компаний в 1906 г. составила 10,7%.

Новые предприятия также показали низкую эффективность. За период 1902–1906 гг. они получили чистую прибыль в 1903–1906 гг., причем в 1906 г. она была практически нулевая, а в 1903 г. и 1904 г. соответственно составила только 1,43% и 1,72% от суммарного акционерного капитала отрасли.

Доля предприятий, перешедших в администрацию, в суммарном акционерном капитале отрасли значительна и составляла за период 1901–1906 гг. 8–10%.

Как видно из данных табл. 2, за период 1901–1906 гг. чистая прибыль в отрасли изменялась в диапазоне 1,18–3,53%, а если из отрасли исключить вагоно-паровозостроительные предприятия, то

диапазон составит 0,831–1,22%.

Последние цифры характеризуют финансовое положение предприятий, производящих производственное оборудование, двигатели, сельскохозяйственные машины, которые представляют наиболее важный элемент активной части основных фондов промышленности и сельского хозяйства.

При этом необходимо отметить, что государство, в отличие от нашего времени, все же полностью не уходило от проблем машиностроения. Учитывая неблагоприятное положение, ряд предприятий отрасли был переведен под государственное управление (табл. 2). 100 лет назад, несмотря на недостатки, государственная экономическая политика больше ориентировалась на помощь отечественным производителям машиностроительной продукции, чем в настоящее время.

Структура производительных расходов бюджета свидетельствует о том, что инвестиционная политика государства, как и сегодня, не была направлена на помощь машиностроению (табл. 3).

Таблиц 3

**Структура и объем производительных бюджетных расходов
в 1900 и 1913 гг.¹**

млн. руб.

Статьи расходов	1900 г.		1913 г.		Увеличение (+), уменьшение (-)	
	сумма	% к итогу	сумма	% к итогу	на сумму	% к общей сумме прироста
1. По системе государственного хозяйства:						
а) административно-управленческие расходы	52	7,2	95	6,9	+43	6,7
б) эксплуатационные расходы государственных предприятий, в том числе по казенным железным дорогам	305	42,3	633	45,8	+328	49,8
в) капитальные затраты, в том числе по казенным железным дорогам (включая расходы на улучшение и усиление старых дорог и выкуп частных дорог в казну)	215	29,8	380	27,6	+165	25,0
Всего по системе государственного хозяйства,	572	79,3	1 108	80,3	+536	81,5
в том числе по казенным железным дорогам	411	57,0	739	53,6	+328	49,8
2. Бюджетные вложения в частный сектор,	104	14,4	98	7,2	-6	0,9
в том числе:						
а) финансирование частных железных дорог	92	12,8	12	0,8	-80	12,1
б) расходы на землеустройство и переселение крестьян и «меры» содействия сельскому хозяйству	2,0	0,3	52	3,7	+50	7,6
Всего хозяйственных расходов, в том числе по частным железным дорогам	676	93,8	1206	87,5	+530	80,6
3. Министерство народного просвещения	34	4,7	143	10,3	+109	16,5
4. Прочие расходы на социально-культурные цели (специальное образование, искусство, врачебная и ветеринарная помощь населению и т.д.)	11	1,5	30	2,2	+19	2,9
Всего	45	6,2	173	12,5	+128	19,4
ИТОГО	721	100,0	1 379	100,0	+658	100,0

В 1900 и 1913 гг. доля капитальных затрат в общих расходах бюджета составляла около 11%, при этом более 80% в 1900 г. и более 60% в 1913 г. направлялась на строительство

железнодорожной инфраструктуры и приобретение подвижного состава.

Недостаток инвестиционных ресурсов тормозил переход машиностроения к интенсивному пути развития.

Несоответствие уровня развития машиностроения требованиям развития страны и его низкая экономическая эффективность и невозможность решить проблемы собственными силами являлось, по мнению предпринимательского сообщества, в первую очередь, следствием неудовлетворительной экономической политики правительства. По машиностроению это мнение наиболее четко было сформулировано в Записке Совета Съездов Представителей Промышленности и Торговли “О мерах к подъему отечественной железной промышленности и машиностроения за период 1890–1907 гг.”².

Прежде всего, предприниматели требовали учета их интересов при формировании финансовой политики в области использования средств бюджета для финансирования государственного заказа, а также при взаимодействии государства и отрасли машиностроения по вопросам внешнеэкономической, социальной, институциональной, структурной и отраслевой политики для развития таких подотраслей, как сельскохозяйственное машиностроение и автомобильная промышленность.

В записке указывалось, что если частный предприниматель может не считаться с общенародными интересами и работать там, где интересы данного момента делают для него заказ наиболее выгодным, то правительство в рамках своей внешнеэкономической политики должно быть более дальновзорким и помнить, что каждый рубль, идущий на приобретение иностранной машиностроительной продукции, ослабляет производительные силы страны.

Формально, как и в наши дни, Правительство стало на вышеуказанную точку зрения и неоднократно издавало Высочайше утвержденные постановления Комитета и Совета Министров, в том числе от 18 февраля 1907 г., по ограждению отечественной промышленности от иностранной конкуренции воспрещением всем казенным учреждениям выдавать заказы за границу при малейшей возможности размещения их на отечественных заводах.

На самом деле, в практике казенных учреждений, распоряжающихся заказами, эти постановления соблюдались далеко не всегда. За границу передавались заказы на изделия, которые можно было произвести в стране.

Машины и изделия, заведомо заграничного происхождения, принимались за изделия отечественного производства, если только они приобретались местной торговой фирмой.

Для сокрытия сделки местная торговая фирма являлась представительницей не только иностранных, но и русских фирм, и поставляла в казенные ведомства под видом русских изделий в несколько раз более того количества, которое способен был исполнить представленный ею русский производитель.

Предписание о том, чтобы заказы на сумму свыше 10 000 передавались за границу не иначе, как с утверждения Совета Министров, очень просто обходились: весь заказ делился на соответствующее число отдельных заказов, не превышающих 10-тысячную норму.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что царское правительство, как и современное российское, в начале XX в. руководствовалось не национальными интересами, а интересами международных корпораций, которые имели силу из-за значительного внешнего долга России.

Предпринимательское сообщество требовало своего активного участия в разработке внешнеэкономической политики. Оно считало, что без его помощи правительство не сможет проводить правильную политику казенных заказов, и разработало и предложило перечень рекомендаций, которые должны быть учтены правительством. Эти рекомендации выражали интересы предпринимателей машиностроительной отрасли и их реализация, несомненно, привела бы к снижению уровня иностранной конкуренции и росту рентабельности предприятий машиностроения, которая была крайне низка.

Рекомендации предпринимателей-машиностроителей сводились к следующему:

1. Необходимо создать Межведомственное совещание для разработки мер по подъему отечественной машиностроительной промышленности и определения размера переплат по правительственным заказам за границей.

2. Правительство должно позаботиться, чтобы различные ведомства относились более внимательно к вопросу о казенных заказах за границей.

3. Должен быть издан, подобно Англии, общий закон, обязывающий к тому, чтобы все заграничные товары, ввозимые в пределы Российской Империи, надлежащим образом клеймились, и чтобы, таким образом, заграничное происхождение товаров не подвергалось сомнению.

4. В связи с законом о клеймах должен быть издан, в виду борьбы с намеренным устранением заграничных клейм, соответственный закон о недобросовестной конкуренции.

5. Казенные ведомства, кроме того, при поставках предметов, отечественное происхождение которых обусловлено кондициями поставки, должны требовать от поставщиков предъявления удостоверения об отечественном происхождении предметов поставки.

Предприниматели считали, что условием существования машиностроительной промышленности должно явиться уравнивание условий конкуренции для русских заводов с заграничными. Заграничный завод, получая заказ, получал вперед одну треть обусловленной за исполнение его суммы денег. Отечественные заводы не только не получали вперед ни копейки, но, напротив, как общее правило, обязаны были внести в казну залоги в обеспечение исправного исполнения заказа. По отношению к русским заводам и фабрикам как обычное явление замечались весьма длительные задержки в оплате исполненных заводами заказов.

Российский производитель не был в состоянии на равных конкурировать с иностранными производителями также в силу неравенства условий приемки заказа.

В случае заказа за границей, как общее правило, его принимал на самом заводе представитель ведомства, и этим дело ограничивалось.

При изготовлении же заказов на отечественных заводах существовала та же приемка на заводе, однако, не имевшая для завода значения, так как за ней следовала повторная приемка при доставке. И сами условия приемки были несравненно более строги для русских заводов по сравнению с заграничными.

И в тех случаях, где за границей заказ передавался, так сказать, с закрытыми глазами, передачу русскому заводу обставляли целым рядом иногда совершенно излишних условий: выдачей пробного заказа, в случае непринятия которого завод не получал от казны оплаты, и испытаниями пробных изделий, расходы по которым, в случае непринятия этих изделий, также должны были возмещаться заводом.

Все вышеперечисленное, при передаче заказов за границу, отсутствовало, или же сводилось до минимума.

Таким образом, во внешнеэкономической политике присутствовала ярко выраженная тенденция дискриминации в конкурентной борьбе отечественных производителей в пользу иностранных.

В докладе Совета Съездов о мерах по развитию производительных сил в России указывались ее исторические корни: “Прежде всего, в основах государственного хозяйства был положен неправильный взгляд на Россию как на страну исключительно основных продуктов и, таким образом, другие отрасли промышленности были приговорены а priori к ничтожному развитию. При таких условиях без усиленного содействия правительства, прежде всего, путем таможенной политики, русская машиностроительная промышленность не могла успешно бороться с иностранной и развивать свои естественные силы. Между тем, таможенный тариф, созданный при иных условиях, не имел в виду наше машиностроение.

Задачей таможенного тарифа, по словам творца этого тарифа Д.И.Менделеева, было насаждение в стране производства основных продуктов. Поэтому известное ослабление охраны для машиностроения в самом начале возникновения ныне действующей схемы тарифов несомненно было. Это замедлило у нас развитие машиностроения и создало нынешнее положение, которое далеко не соответствует даже емкости внутреннего рынка.

Вышесказанное становится более ярким, если сравнить нашу таможенную охрану с охраной в тех странах, где эта отрасль промышленности достигла уже серьезной степени развития и богатства и тем самым менее нуждается в охране. Так, напр., в Германии существует дифференциация пошлин по весу при десяти ставках. Французский таможенный тариф имеет в распоряжении 7 ставок. В России же применяется три основных ставки”³.

Предпринимательское сообщество считало внешнеэкономическую политику, нацеленную на развитие России в качестве сырьевого придатка Европы и США, основной причиной торможения машиностроения. К сожалению, наличие схожей политики в наши дни приводит к неконкурентоспособности российского машиностроения в начале XXI в.

Российские предприниматели требовали в рамках отраслевой политики поощрения отечественного производства сельскохозяйственных машин и орудий.

При этом в обосновании своих требований они не ограничивались аргументами чисто отраслевого характера, а рассматривали общероссийские проблемы. В записке указывается: “Таможенная охрана машин и орудий, потребных сельскому хозяйству, почти не существует.

Дороговизна кредита, скудость местного рынка и вытекающая отсюда недостаточная специализация производств, недостаточная опытность, – пусть даже и более дешевых рабочих, – все это не позволяет нашим заводам сельскохозяйственных машин и орудий рассчитывать в настоящее время на победную конкуренцию с иностранными изделиями в сколько-нибудь широких размерах”³.

Из рассмотрения материалов Съездов следует, что предприниматели считали себя ответственными за реализацию институциональной политики и рекомендовали развивать кооперацию и промыслы в России.

По мнению Совета Съездов, сбыт сельскохозяйственных машин и орудий отечественного производства был бы поставлен гораздо правильнее и прочнее, если бы этим делом занялись не земства, а специальные кооперативы сельских хозяев. При развитии последних русский фабрикант сельскохозяйственных машин и орудий стоял бы лицом к лицу перед потребителем его изделий и лучше был бы осведомлен о нуждах сельского хозяйства различных районов в потребных для них машинах и орудиях. В то же время и сельские хозяйства, члены кооперативов имели бы большую возможность относиться сознательно к выбору необходимых им машин и орудий.

Совет пришел к заключению о необходимости того, что земства в рамках своей институциональной политики должны заботиться о возникновении, развитии и улучшении металлообрабатывающих промыслов, как специфической подотрасли машиностроения.

По мнению предпринимателей, причины отставания отрасли машиностроения лежали за пределами отрасли, в частности в области образовательной политики, касающейся технического образования и прессы.

В современной практике нет примера выступления предпринимательского сообщества России по вопросам неудовлетворительной постановки инженерного образования.

Одним из самых чувствительных недостатков русской машиностроительной промышленности, по мнению Съезда, являлось немногочисленность специальных средних и низших учебных заведений, отсутствие тесной связи между чисто научными изысканиями и их практическими применениями, связь между лабораторией ученого и заводом, и, наконец, низкий уровень специальной технической печати.

Что касается высших учебных заведений, то они отличались от заграничных преувеличенными требованиями. Пользующийся лучшей репутацией столичный Технологический Институт требовал сдачи более 40 экзаменов, не говоря уже о других работах. В других институтах дело обстояло не лучше.

Кроме того, в России чувствовался недостаток специалистов-ученых, занятых в промышленности. Этот вопрос решила Германия, создав массу испытательных лабораторий, высоко авторитетную патентную комиссию, привлекая науку в промышленность.

Техническая пресса, по мнению Совета Съездов, не удовлетворяла нужды машиностроения. Всех технических журналов насчитывалось около 60, но из них только два приближались к таким заграничным образцам, как например, “Engineer”, “American Machinist”, “Журнал союза германских инженеров” и пр. Это “Вестник Общества Технологов” (Петроград) и “Бюллетени Политехнического Общества” (Москва).

Следующие за ними журналы в количестве 45, которые издавались высшими учебными техническими заведениями, обществами и правительством, вращались в круге профессиональных интересов и не рассматривали большинства явлений технической жизни.

Совет Съездов формулировал следующие меры по развитию передовой отрасли машиностроения того времени, автомобильного машиностроения, которые должны быть положены в основу отраслевой политики:

1. Развитие шоссейной сети путем постройки новых и улучшение существующих дорог, а также улучшение грунтовых дорог.

2. Облегчение условий автомобильного движения по дорогам Империи и отмена стеснительных и ограничительных мер местных властей и земств по отношению к езде на автомобилях.

3. Установление единовременных премий и ежегодных пособий на приобретение и эксплуатацию грузовых автомобилей, пригодных для армии в военное время.

4. Передача всех правительственных, а также общественных заказов на автомобили русским заводам.

5. Повышение таможенных пошлин на ввозимые импортные автомобили.

6. Организация кредита для отечественной автомобильной промышленности.

Предпринимательское сообщество сформулировало свое видение социальной политики по жилищному вопросу для рабочих, занятых на их предприятиях.

Прежде всего, предприниматели считали, что в силу сложившихся экономических условий та роль в жилищном вопросе, которая на Западе выполнялась общественными самоуправлениями и филантропическими организациями, у нас выпадала всецело на долю самих промышленников. Целый ряд крупных заводов, расположенных в городах, не говоря уже о горных предприятиях, которые в силу особых условий не могли не озаботиться об устройстве жилищ для рабочих, разрешали жилищный вопрос постройкой для рабочих домов на средства предприятия.

Для стимулирования жилищного строительства предприниматели предлагали правительству предоставление следующих льгот:

1. Дома, выстроенные заводчиками и фабрикантами для жилья рабочих, должны быть освобождены от государственного налога с недвижимых имуществ;
2. Дома, выстроенные заводчиками и фабрикантами для жилья рабочих, должны быть освобождены от городского оценочного сбора;
3. Суммы, затраченные заводскими и фабричными предприятиями на строительство домов для рабочих, должны быть признаваемы эксплуатационными расходами предприятия.

Итоговый анализ требований, выдвигаемых Советом Съездов Представителей Промышленности и Торговли к государственной экономической политике российского государства в конце XIX – начале XX в. в области машиностроения представлен в табл. 4. Проведенный анализ свидетельствует о следующих негативных последствиях проводимой экономической политики для отрасли:

1. Отсутствие прямого участия государства посредством использования средств бюджета;
2. Отсутствие государственных инвестиций;
3. Необоснованное размещение заказов казенных предприятий за границей;
4. Неудовлетворительная работа земств в области сбыта сельскохозяйственных машин и орудий отечественного производства и развития кустарного производства в металлообрабатывающей промышленности;
5. Отсутствие таможенной защиты и кредитных ресурсов для предприятий подотрасли с/х машиностроения;
6. Недостаточный уровень развития передовой подотрасли автомобилестроения;
7. Отсутствие достаточного количества технических специалистов;
8. Наличие налоговых обременений для предприятий, предоставляющих жилье своим работникам.

Таким образом, в конце XIX в. – начале XX в. государственная стратегия и экономическая политика России не ставила в качестве приоритетов развитие промышленности в частности машиностроения.

История развития советской экономики, наоборот, показала, что государство понимало значимость опережающего развития машиностроения для страны. Взяв курс на индустриализацию в период первых пятилеток, советское государство развивало это важнейшее звено народного хозяйства более высокими темпами, чем другие отрасли.

В результате выпуск продукции в машиностроении и металлообработке перед началом Великой Отечественной войны увеличился по сравнению с 1928 г. в 20 раз, в то время как объемы производства всей промышленной продукции возросли в 6,5 раз⁴.

Уровень развития машиностроения в значительной мере определил прогресс в других отраслях промышленности, мобильность военно-промышленного потенциала и быстроту в перестройке всей промышленности в период Великой Отечественной войны.

На современном этапе российское правительство практически полностью остается в стороне от машиностроения. Государственная политика по отношению к отрасли не идет в сравнение даже с ситуацией столетней давности, когда царское правительство частично способствовало развитию машиностроения за счет перевода ряда убыточных предприятий под государственное управление и оказания косвенной помощи через мультипликативное воздействие военных заказов и заказов со стороны казенных и частных железных дорог.

Результатом подобной политики является низкая доля машиностроения в общепромышленном выпуске, которая в 1995 – 2002 гг. составляла 20%, что значительно меньше, чем в экономически развитых странах, где она достигает уровня от 35% до 50%*.

Высокая значение показателя свидетельствует о возможности промышленности периодически осуществлять технологическое перевооружение и обеспечивать свою конкурентоспособность. В

России значение этого показателя остается низким в течение последних 15 лет, что и объясняет причины усиливающегося отставания от экономически развитых стран.

Неукоснительное следование государством подобной политике приведет к полной деградации экономики и трудовых ресурсов России.

Примечания

¹ Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. // Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 190, 163.

² Съезды Представителей Промышленности и Торговли. Записка Совета Съездов Представителей Промышленности и Торговли “О мерах к подъему отечественной железной промышленности и машиностроения”. Спб. 1908.

³ Девятый Очередной Съезд Представителей Промышленности и Торговли. Доклад Совета Съездов “О мерах к развитию производительных сил России”. Петроград, 1915. С. 179, 180, 37.

⁴ Народное хозяйство за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М., 1987. С. 34.

* Источником статистических данных является “Комплекс мер по развитию машиностроения” (проект), обсужденный на заседании Правительства Российской Федерации 10 июня 2003 г.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ДУХ СТОКГОЛЬМА

Зарождение гражданского общества в 60-е годы

Г.Локшин,
Генеральный секретарь
Международного института мира

Важнейшей особенностью нашего времени является все возрастающая роль общественных организаций и движений, представляющих гражданское общество. Акты агрессии и насилия над народами никогда раньше не вызывали столь всеобщего возмущения, столь широкого протеста и активного противодействия. В этом можно было убедиться только что на примере реакции мирового общественного мнения на американо-английскую интервенцию в Ираке. А начиналось все это именно в конце 60-х годов XX в., когда 150-тысячный экспедиционный корпус США надолго и безнадежно увяз в трясине войны во Вьетнаме.

Никогда до этого не приходили в движение столь мощные государственные и общественные силы с целью остановить агрессию и погасить вспыхнувший опаснейший очаг войны. Этому есть множество объяснений. Свою роль сыграло и появление мощных СМИ, превративших всю планету в одну “общую деревню”. То, что многие СМИ в различных странах, прежде всего в самих США, показали все ужасы этой “грязной войны” и способствовали пробуждению совести миллионов людей во всем мире и помогли мобилизации общественного мнения – это несомненный факт. Но он не может оставить за скобками саму героическую борьбу вьетнамского народа, мощную военную и материальную помощь, предоставленную СССР, КНР и другими странами, а также систематическую работу бесчисленных общественных организаций и движений во всем мире.

Делалось все возможное и невозможное для развития движения солидарности с вьетнамским народом как в нашей стране, так и во всем мире. Первоначально инициаторами кампании массового протеста против начавшейся интервенции США стали многочисленные международные организации, в которых участвовали представители советской общественности. Это были Всемирный Совет Мира, Всемирная Федерация Профсоюзов, Всемирная Федерация Демократической Молодежи и многие другие. Всё это были, как тогда называли “международные демократические организации”, которых на Западе, конечно, не без оснований считали левыми и прокоммунистическими. Естественно, мы использовали свое влияние в этих организациях для их ориентации на действия в поддержку борьбы вьетнамского народа.

Но главной особенностью антивоенных выступлений того времени стали необычайная широта и разнообразие всего спектра общественных и политических сил, принимавших в них участие и выступавших с протестами против агрессии США. С началом войны на глазах преобразались бесчисленные пацифистские организации на Западе. От созерцательного и бездеятельного пацифизма 30-х годов не осталось и следа. Их лидеры и активисты шли во главе массовых многотысячных демонстраций, выступали с яркими речами на митингах протеста, осаждали посольства США в различных странах пикетами и петициями с требованием немедленно прекратить бомбардировки и вывести войска из Южного Вьетнама.

Эпицентром всего мирового антивоенного движения постепенно становились Соединенные Штаты. Это была практически общенациональная кампания, охватившая всю страну. Она прошла несколько этапов и усиливалась по мере того, как росло число убитых и искалеченных американцев, а вся авантюра становилась все более безнадежной. Её главной движущей силой стали массовые выступления молодежи, особенно студенческой, которые нередко поддерживали и преподаватели. Не раз дело доходило до ожесточенных стычек с полицией.

Так, в августе 1966 г. в студенческом кампусе г. Кент полиция впервые буквально расстреляла демонстрацию, убив и ранив десятки студентов. Впервые Америка стреляла в своих детей!

Это событие потрясло не только саму Америку, но и весь мир. Можно очень многое рассказать об этом беспрецедентном движении в США. Отмечу лишь то, что по всеобщему признанию это движение в США сыграло важнейшую роль в том, что американцы были вынуждены сесть за стол переговоров и, в конце концов, прекратить войну.

Но дело вовсе не ограничивалось одними Штатами. Сила этого движения была именно в его всемирном масштабе. Вьетнамская проблема оказалась в центре внимания большинства международных общественных организаций того времени самой разной политической ориентации. Перед нами была поставлена задача найти общий язык со всеми этими силами, наладить сотрудничество и совместные действия с ними. И мы эту задачу выполнили и довольно успешно.

К лету 1967 г. сложились все условия для проведения большой и открытой для всех международной встречи организаций и движений, выступавших за прекращение американской агрессии во Вьетнаме. И такая встреча была подготовлена и проведена в Стокгольме 6–9 июля 1967 г.

Почему в Стокгольме?

А потому, что к этому времени в скандинавских странах, особенно в Швеции возмущение действиями США во Вьетнаме было особенно сильным.

Весь мир тогда облетели телекадры, запечатлевшие молодого тогда министра просвещения Швеции и будущего премьера страны, шедшего, взявшись за руку с послом ДРВ, во главе колонны демонстрантов, протестовавших против жестоких бомбардировок городов и сел Вьетнама.

Я в кадры телевидения не попал, но хорошо помню, как шел неподалеку вместе с нашими шведскими друзьями. Антиамериканские выступления в это время в Швеции настолько усилились, что посол США попытался оказать давление на правительство через крупнейшие корпорации, но вскоре сам был отозван, а отношения между Швецией и США надолго оказались испорчены.

Стокгольмская конференция по Вьетнаму стала событием беспрецедентным и переломным, хотя участвовало в ней всего 400 делегатов из 63 стран и 22 международных организаций. Главное было в том, что впервые за многие годы удалось посадить за один стол английских лордов Ф.Ноэль-Бейкера и Ф.Брокуэя, видного деятеля весьма влиятельного тогда в мире Социнтерна Г.Бухбиндера (Швейцария); легендарного немецкого пастора М.Нимеллера; бывшего министра юстиции США (при президенте Дж.Кеннеди) Р.Кларка и многих других подобных деятелей и представителей общественности СССР и других соцстран, многих общественных и деятелей стран Азии, Африки и Латинской Америки. А ведь это были времена “холодной войны”, которую тогда ещё никто не собирался прекращать. Каждый шаг в преодолении взаимного недоверия и многолетней отчужденности давался с большим трудом. А тут, как назло, в июне разразилась очередная “семидневная война” на Ближнем Востоке. В этой обстановке именно на советскую делегацию ложилась основная тяжесть поисков согласия среди столь разношерстного состава участников.

Делегацию нашу возглавлял тогда председатель Советского комитета защиты мира, знаменитый полярник, академик Е.К.Федоров. В её составе были его заместитель О.С.Хархардин, митрополит Ювеналий и автор этих заметок. Огромную подготовительную и организационную работу провели наши тогдашние представители во Всемирном Совете Мира Н.М.Вощинин и А.А.Берков.

Очень не просто давались первые шаги на международной арене и нашим вьетнамским друзьям. Они уже вроде привыкли к горячей и беспрекословной поддержке их позиций в СССР и других соцстранах, на форумах Всемирного Совета Мира и других подобных организаций, а тут требовалось гораздо больше гибкости и умения найти компромисс.

Помню, как нам с О.С.Хархардиным пришлось почти всю ночь под лестницей Дома профсоюзов, где проходила Конференция, терпеливо уговаривать представителей НФОЮВ согласиться с невозможностью убедить западных участников конференции в том, что только этот фронт является “единственным законным представителем народа Южного Вьетнама”, тогда как все знали, что в Сайгоне имеется еще много других оппозиционных марионеточному режиму сил.

Изменить формулировку значило отойти от директивы руководства, самим на ходу скорректировать политику. За такие вещи ни у них, ни у нас по головке не гладили. Вьетнамские коллеги грозились пожаловаться на нас в Москве, а мы говорили об ответственности за неизбежный провал всей затеи. В конце концов, уже под утро они на это пошли, и многое в последствии выиграли. Но вот такие моменты в этой работе только и запоминаются.

Так начиналось практическое сотрудничество организаций и движений, находившихся до этого по разные стороны линии фронта “холодной войны”. Стокгольмские конференции стали

ежегодными и продолжались до 1975 г., а затем еще раз собралась эта конференция в 1979 г., но уже в связи с конфликтом между ДРВ и КНР. Был создан Международный координационный комитет, который возглавил парламентский секретарь Швеции Бертиль Сванстрем.

До того он руководил старейшей пацифистской организацией Швеции – Обществом мира и арбитража. Его политические взгляды не раз менялись. Ходили даже слухи, что в годы второй мировой войны он чуть ли не склонялся к нацизму, однако к описываемому времени это был вполне сформировавшийся деятель с весьма прогрессивными и демократическими убеждениями.

Он был близок и У.Пальме, который вскоре возглавил правительство страны. Получилось так, что именно этому весьма скромному и уже не молодому, но очень порядочному человеку суждено было сыграть важную роль в налаживании взаимодействия между столь разными организациями ради одной общей цели – добиться прекращения войны во Вьетнаме.

За свою большую и самоотверженную работу в 1970 г. он был удостоен Международной Ленинской премии “За укрепление мира между народами”. Он и скончался практически на боевом посту – в гостиничном номере в Париже, куда прибыл для подготовки крупной международной конференции, которая вскоре прошла уже без него в Версале.

Среди множества родившихся в Стокгольме инициатив особого внимания заслуживает опыт работы созданной там Международной комиссии по расследованию военных преступлений США во Вьетнаме.

Тогда еще не было ни Международного Уголовного Суда, ни специального трибунала ООН в Гааге. Но ясно было и тогда, что агрессор, желая скрыть от общественного мнения факты применения в высшей степени жестоких и бесчеловечных средств ведения войны, запрещенных международным правом, делает все возможное для того, чтобы замаскировать свои грубейшие нарушения общепринятых законов и обычаев ведения боевых действий. Сегодня всем известно, что американцы применяли отравляющие вещества, от которых до сих пор гибнут люди во многих районах Южного Вьетнама.

Кстати, 30 апреля с.г. в Париже прошла международная конференция экспертов на эту тему. Широко практиковались “ковровые” бомбардировки городов и крупных населенных пунктов.

В массовом порядке против мирного населения использовался напалм. Имело место массовое разрушение больниц, детских учреждений, церквей и храмов.

Одно время велись целенаправленные бомбардировки дамб и гидротехнических сооружений, что в условиях Вьетнама грозило затоплением огромных территорий.

Всё это было и не должно забываться.

Но тогда надо было установить сами факты преступлений, сделать их достоянием гласности, дать правовую оценку и, по крайней мере, разоблачить виновников, ибо наказать их было не в наших силах. Именно для этого и был создан общественный трибунал в виде компетентной Международной комиссии по расследованию военных преступлений США в Индокитае.

Легко сказать: создана международная комиссия, но она не возникает по мановению чьей-то руки. Для этого потребовалась огромная политическая и организационная работа. После проведенных переговоров в нее удалось включить действительно компетентных и уважаемых людей, к голосу которых прислушивались во всем мире.

Среди них были такие авторитеты, как лауреат Нобелевской премии по химии англичанка Д.Ходжкин; всемирно известный дипломат и эксперт в области разоружения лорд Ф.Ноэль-Бейкер; широко известные тогда американские ученые Е.Пфейфер и А.Вестинг, авторы несколько книг о применении так называемого “оранжевого” вещества во Вьетнаме; бывший министр юстиции США Р.Кларк; генеральный секретарь Международной ассоциации юристов-демократов, француз Джо Нордман и многие другие всемирно известные тогда люди.

От нас в состав комиссии входил академик П.А.Черенков (тоже Нобелевский лауреат) и бывший заместитель советского обвинителя на Нюренбергском процессе над военными преступниками нацистской Германии Л.Н.Смирнов.

Председателем Комиссии был избран всемирно признанный авторитет в экономической науке и видный шведский дипломат Гуннар Мюрдаль.

В качестве экспертов большой вклад в работу Международной Комиссии внесли доктор юридических наук, участник Нюренбергского трибунала и автор многих научных работ о военных преступлениях профессор А.И.Полтораки, а также доктор юридических наук, наш представитель в Секретариате Всемирного Совета Мира А.А.Берков.

Комиссия тщательно готовила и проводила свои слушания в различных странах, привлекая к участию в своих заседаниях многочисленных свидетелей, в том числе из служивших во Вьетнаме

американских солдат и офицеров. Организацией работы Комиссии занимался её генеральный секретарь, известный шведский юрист Х.Ё.Франк с помощниками, одним из которых довелось быть и мне.

Комиссия неоднократно направляла во Вьетнам свои исследовательские группы (Facts finding missions) для сбора на месте доказательств и документов. Каждая сессия Комиссии становилась крупным общественно-политическим событием и привлекала внимание многих западных СМИ. К примеру, Слушания в Копенгагене в 1972 г. открывал сам премьер-министр Дании Й.Йоргенсен.

Вот так и велась политическая борьба на международной арене, которой, надо отдать должное вьетнамскому руководству, на всех этапах борьбы за независимость и воссоединение страны, придавалось исключительно большое значение. Накопленный Комиссией Мюрдаля опыт в дальнейшем не раз пытались использовать в связи с другими политическими ситуациями: репрессии чилийских жандармов Пиночета или даже недавние действия авиации НАТО в Югославии. Но добиться столь значительного международного общественного резонанса ни у кого больше не получалось.

Из сугубо личных воспоминаний надолго осталась в памяти поездка во Вьетнам с одной из таких международных миссий по сбору фактов весной 1972 г.

Её возглавлял Рамсей Кларк, в от время являвшийся доверенным лицом демократического кандидата на президентских выборах в США Дж.Макговерна.

Миссия была исключительно представительной. В её составе были даже два французских эксперта по плотинам. Предстояло, в частности, подтвердить или опровергнуть факты сознательных бомбардировок американцами плотин. Официально в составе миссии от нас была известный врач-хирург Н.В.Колесникова. Я там оказался как бы случайно и был “до кучи” включен в поездку по стране. Но на практике пришлось стать посредником между вьетнамскими специалистами и этой большой группой непривычных для Северного Вьетнама гостей. Там все привыкли к друзьям, а здесь вести себя надо было несколько иначе.

Невозможно описать все неприглядные картины войны, которые пришлось увидеть своими глазами в этой поездке. И вот когда она уже подходила к концу, и мы завершали осмотр недавно разбитой дамбы где-то около г. Бадинь, сопровождавший нас вьетнамский офицер вдруг сообщил, что неподалеку от этого места можно увидеть разбомбленный католический собор и побеседовать с настоятельницей женского монастыря.

Проблема однако была в том, что дорога оказалась тоже разбитой, подъехать ближе туда было не возможно. Надо было километра полтора пройти пешком. Изрядно притомившиеся члены делегации, а это были совсем не молодые люди, никакого энтузиазма по этому поводу не выразили.

За одним, но существенным исключением. Это был известный политический и общественный деятель из Ирландии, бывший министр иностранных дел и один из разработчиков Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. Шон Макбрайд. В то время он был президентом известной и очень неоднозначной организации Международной Амнистии.

Было ему уже далеко за семьдесят, но как истинный ирландец-католик он отказаться от такого приглашения не мог, тем более что ему предстояла аудиенция у Папы в Ватикане, и он загорелся желанием увидеть своими глазами то, что потом можно было бы рассказать Понтифику лично.

Пришлось составить ему компанию. Все шло сначала очень хорошо. Посмотрели разрушения, выслушали рассказы настоятельницы монастыря и других очевидцев, сделали фотоснимки. И тут разразился типично вьетнамский тропический ливень. А возвращаться предстояло опять пешком и по узкой полоске земли между залитыми водой рисовыми полями.

Этот путь назад стал для меня незабываемым “удовольствием” на всю оставшуюся жизнь.

Межу развезло настолько, что удержаться на ней не смог бы и самый ловкий акробат. Но не ночевать же в этой деревне? Так что пришлось снимать штаны и идти по пояс в воде, придерживаясь руками за край поля и постоянно увязая в трясине.

Вокруг визжала от восторга целая ватага деревенских мальчишек, для которых наблюдать эту сцену и двух беспомощных европейцев было неслыханным развлечением и огромным удовольствием. Их родители целыми днями торчат в таком положении, добывая на прокорм разную живность. Но для того у них есть защитная одежда и многовековой навык, а мы еле передвигали ноги в постоянном ожидании смертельных укусов пиявки или ещё какой-нибудь дряни.

Тут мой старик Макбрайд (позволю себе эту вольность по отношению к глубоко уважаемому мною человеку, ставшему потом моим большим другом) очень быстро совсем сдал.

Сопровождавшие нас вьетнамский переводчик и охранник просто растерялись, проклиная проявленную ими же инициативу. Делать было нечего и пришлось оставшиеся метров 700 тащить Макбрайда в обхват и чуть ли не на собственной спине, останавливаясь каждые полсотни метров. Хорошо ещё, что была тогда кое-какая спортивная закалка да и возраст был вполне подходящий для переноски тяжестей.

Так что закончился этот эпизод относительно благополучно для нас обоих. Зато уже через год мы вспоминали эту трагикомическую историю совсем уже в другой обстановке и по абсолютно неожиданному поводу.

Вкратце дело было так. Октябрь 1973 г. В Москве готовятся к открытию Всемирного конгресса миролюбивых сил. Ожидается неслыханное тогда количество зарубежных делегатов – более 3 тыс.!

Главная особенность в том, что для СССР тогда это впервые был по-настоящему открытый конгресс-диалог. Готовили его долго и трудно. Запад ещё никак не мог отойти от шока, вызванного вторжением войск стран Варшавского Договора в Чехословакию. Доверие восстанавливалось с огромным трудом. И важную, если не ключевую, роль в этом деликатном деле сыграл именно Шон Макбрайд, возглавлявший тогда Международную Амнистию, особенно агрессивно нападавшую на наши порядки и всевозможные нарушения прав человека. Но, как оказалось, не зря тащил я его из болота во Вьетнаме!

Буквально за день до открытия Конгресса из ряда стран пришли сообщения, что наши послы отказываются выдавать визы членам Амнистии в связи с их совсем недавними и очень резкими антисоветскими заявлениями. В этих условиях мой друг заявляет, что он немедленно уезжает, ибо иначе его просто выгонят с позором с поста президента этой организации. Это обещало громкий скандал еще до открытия Конгресса. Уговорить ирландца изменить принятое решение – это вообще задача непосильная ни для кого. И тут товарищи из ЦК вспомнили про эту историю на рисовом поле во Вьетнаме. От нашего предстоявшего разговора зависела судьба крупнейшего мероприятия, в которое были вложены немалые средства нашего Фонда мира.

Разговор был долгий и тяжелый.

Он относился ко мне как отец к своему непонятливому чаду Я рисовал в самых ярких красках ожидаемую сцену: во время центрального для нас выступления на предстоявшем через день открытии Конгресса Л.И.Брежнев встает его боевые товарищи из Международной Амнистии, бросают в зал листовки и выкрикивают лозунги типа: “Свободу Юрию Деточкину!”. На следующий день вся мировая печать сообщает только об этом, и все наши труды коту под хвост! Макбрайд категорически отверг эти фантазии. “Мои люди этого не допустят”, – твердо сказал он. Где гарантия? – продолжал нажимать я и услышал: “Мое честное слово!”

С удовлетворением вспоминаю ночное совещание на 13 этаже гостиницы “Россия”, где наше руководство в лице тогдашнего заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.С.Шапошникова, выслушав мой рассказ, приняло это “честное слово” от своего фактического политического противника – лидера одной из самых активных антисоветских организаций. Риск был велик. Но он полностью оправдался. Никаких провокаций ни во время Конгресса, ни после него не было. Все прошло и завершилось для нас очень удачно. А сам Шон Макбрайд позднее вышел из Международной Амнистии, получил высокий пост в ЮНЕСКО и стал единственным деятелем в мире, который удостоился двух премий мира – Нобелевской и Ленинской. Вот такая была иногда эта “борьба за мир”.

Курс, взятый нами в годы войны во Вьетнаме на формирование самого широкого и открытого союза всех миролюбивых сил планеты, с необычайной силой подтвержденный на Всемирном Конгрессе миролюбивых сил в 1973 г., проложил для нашей общественности широкую дорогу на мировую политическую арену, вывел ее из изоляции и позволил гораздо эффективнее воспользоваться всем интеллектуальным потенциалом мирового общественного движения за мир. И во многом все это стало возможным благодаря тому опыту и тем связям, что приобретались в ходе совместных действий с самыми разными, порой даже противостоявшими друг другу силами, вместе боровшимися за прекращение американской агрессии во Вьетнаме. В общем деле рождался так называемый “дух Стокгольма”, то есть дух сотрудничества, пришедший на смену взаимной изолированности, отчужденности и недоверию, характерным для периода “холодной войны”. Вместе с нашими вьетнамскими друзьями мы учились сотрудничать и находить общий язык с другими, не похожими на нас людьми, ради общего дела мира на Земле.

После Московского Конгресса мне пришлось надолго расстаться с моей профессией вьетнамиста. В ноябре 1973 г. меня избрали секретарем Советского комитета защиты мира и

поручили курировать вопросы деятельности Всемирного Совета Мира и других международных общественных или, как сейчас принято говорить, неправительственных организаций (НПО). От регулярных контактов и непосредственного сотрудничества с общественными организациям Вьетнама практически я отдалился сразу после заключения Парижских соглашений 1973 г.

Тем более приятной стала долгожданная поездка в Южный Вьетнам с небольшой делегацией СКЗМ по приглашению мадам Нгуен Тхи Бинь весной 1976 г. Трудно найти слова, чтобы описать наши встречи со старыми друзьями и коллегами. Хотя и были мы все оптимисты, но все же в душе сомневались, когда за дружеским столом ещё лет пять назад слушали тосты наших вьетнамских друзей “За встречу в Сайгоне!” Казалось, что это, если и сбудется, то очень не скоро. Ведь предстояло одолеть такую громадную силищу.

И вот мы уже садимся на огромном сайгонском аэродроме Тангсонгнят, забитом брошенными американскими самолетами и вертолетами. Сайгон уже переименован в г. Хошимин. Ходить по улицам без охраны ещё нельзя. Но постепенно жизнь возвращается, город просыпается и готовится к новому рывку.

Народ Вьетнама дорого заплатил за Победу, но он ее заслужил по праву. И в этом довелось вновь убедиться лично через 20 лет. В 1996 и 2002 гг. я еще дважды побывал в этой стране, с которой оказалась неразрывно связана значительная часть жизни, и своими глазами увидел, как изменился весь облик Вьетнама, каким семимильными шагами идет вперед эта страна, ни перед кем не кланяясь и по-прежнему пользуясь широким признанием и уважением во всем мире.

Посмотрев на все это, я и подумал, что, наверное, все-таки не зря были прожиты те волнительные годы молодости. Жаль только, что слишком много из старых верных друзей уже покинули этот мир.

Пусть же живет память об этих замечательных событиях и людях.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)]

[[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

СТАЛИН И ЕГО РОЛЬ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941–1945 гг.)

А.Саркисов,
академик РАН, вице-адмирал

При жизни официальная пропаганда идеализировала И.В.Сталина и обожествляла его образ. В последние 15–20 лет усилиями не менее конъюнктурных идеологов право-либерального толка Сталин изображается средоточием всех возможных пороков, а его историческая роль оценивается в исключительно негативном плане.

Данный материал – это личный взгляд на проблему непосредственного участника Великой Отечественной войны, значительная часть биографии которого к тому же совпала со сталинской эпохой.

Конечно, мое видение и мои сегодняшние оценки личности и роли И.В.Сталина основываются не только на впечатлениях и ощущениях предвоенного и военного периодов. На эти оценки, несомненно, наложились и повлияли новые, ставшие доступными мне в послевоенные годы факты и приобретенный жизненный опыт.

Несмотря на выдающийся исторический масштаб личности И.В.Сталина, чего не могут отрицать даже непримиримые антисталинисты, я, насколько мне это вспоминается, никогда не был его слепым апологетом, далеко не всё, что делалось по его указаниям и под его руководством, воспринимал с пониманием и внутренним одобрением.

Я был непосредственным свидетелем происходивших у меня на глазах массовых репрессий 1937–1938 гг., жертвами которых стали не только некоторые мои родственники, но и родственники многих моих школьных товарищей. В те трагические и тревожные дни утро начиналось с новостей об очередных ночных арестах. Не вдаваясь в анализ проблемы, я хотел бы просто сказать, что каковы бы ни были истинные масштабы этих репрессий, они не могут иметь никаких исторических оправданий и должны квалифицироваться не иначе как государственное преступление.

В то же время я был свидетелем происходивших в сталинскую эпоху многих исторических свершений, постоянного укрепления экономического и военного могущества нашего государства и его роли на международной арене, расцвета науки, культуры и образования. Поэтому я испытываю решительное неприятие развернутого в последние годы против И.В.Сталина и связанной с ним исторической эпохи нашего государства тотального идеологического наступления, которое достигло особой остроты и активности в преддверии 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Крайней, попросту абсурдной и бессовестной формой искажения роли И.В.Сталина в Великой Отечественной войне являются высказывания и утверждения, в том числе устами ведущих наших государственных телевизионных каналов, о том, что война была выиграна народом не благодаря, а вопреки руководству Сталина.

Особенно обидно мне было слышать выступление моего коллеги, директора Института всеобщей истории РАН на торжественной встрече руководства нашей академии с ветеранами Великой Отечественной войны в начале мая 2005 г. В пространной речи этого академика, посвященной предстоящему юбилею Великой Победы, ни разу не был упомянут Верховный Главнокомандующий и даже не названо его имя.

Для меня роль И.В.Сталина в Великой Отечественной войне представляется, безусловно, позитивной и выдающейся. Трудно назвать кого-либо другого из политических фигур того

времени, кто мог бы после тяжелых потерь первых месяцев войны мобилизовать народ, страну и ее вооруженные силы проводить гибкую и прагматичную международную политику, успешно руководить масштабными сражениями на огромном, протянувшемся от Заполярья до Черного моря фронте и в конечном счете добиться заслуженной Великой Победы. Выполнение такой исторической миссии могло быть по плечу лишь выдающемуся деятелю соответствующего масштаба.

Я попытаюсь показать, что Сталин был личностью именно такого масштаба.

Известно, что Сталин не получил солидного систематического образования. В его активе – оконченное по первому разряду четырехклассное Горийское духовное училище и несколько лет обучения в Тифлисской духовной семинарии (1894–1898 гг.), из которой он был исключен до завершения обучения за революционную деятельность.

Однако этот пробел в образовании Сталин сполна преодолел за счёт интенсивного самообразования, которым он занимался всю свою жизнь. Он много читал и, обладая аналитическим складом ума, цепкой памятью, умением выделить главное, постоянно обогащал и углублял свою эрудицию. Назвать Сталина высокообразованным в обычном смысле человеком было бы натяжкой. Например, он не знал ни одного иностранного языка. Полагаю также, что его познания в области физики, химии, математики были скудными, так как эти предметы он просто никогда серьезно не изучал. В то же время не должно вызывать сомнения, что его познания в гуманитарной сфере – истории, философии, литературе, культуре и других областях вполне отвечали высоким стандартам систематического образования.

Одним из свидетельств этого является то обстоятельство, что Сталин все свои работы, а также доклады и речи писал лично, что совершенно не свойственно было многим его соратникам и большинству современных политических деятелей. Необходимо при этом отметить, что Сталин обладал высокой грамотностью и самобытным стилем изложения, который резко выделял его произведения от работ других авторов. Характерными особенностями этого стиля были краткость, простота и доходчивость изложения материала. Работы и выступления Сталина сопровождалось (без утраты чувства меры) пословицами и поговорками, примерами из народного фольклора и классической литературы. Поэтому они воспринимались читателями и слушателями легко и хорошо запоминались.

Любопытным подтверждением добросовестности И.В.Сталина к любому делу является то, что по свидетельству очевидцев он лично прочитывал все представленные к Сталинской премии произведения, а также просматривал фильмы. Можно, конечно, спорить с позиции сегодняшнего дня о безупречности литературных вкусов и обоснованности вердиктов вождя, но это всегда было его личным, а не кем-то подсказанным мнением и решением, основанным на сложившихся у него собственных убеждениях.

Вместе с тем, необходимо отметить, что многим работам Сталина свойственна излишняя упрощенность и схематичность анализа событий и явлений; нередко необходимые глубокие обоснования и доказательства подменяются догматическими схемами, что, на мой взгляд, является следствием полученного им церковного образования. Однако с учетом социального состава населения СССР в те годы и среднего уровня его образованности, стиль работ и выступлений Сталина все же в целом следует оценивать как адекватный актуальным целям и потребностям того периода.

В стране, вышедшей в состоянии полной разрухи после первой мировой, а затем Гражданской войны, к тому же объявившей амбициозные цели построения справедливого коммунистического общества, нужен был не просто руководитель, а – вождь. Сталин без сомнения обладал качествами, необходимыми для этой роли. Совокупность этих качеств принято сейчас определять словом “харизма”. Используя это слово, можно с полной определенностью сказать, что Сталин был в высшей степени харизматичной личностью.

Строго определить понятие харизмы трудно. Но можно отметить некоторые внешние проявления этого качества в личности И.В.Сталина. Сталин своим авторитетом, стилем руководства и повседневного поведения резко выделялся среди остальных политических деятелей того периода. Сталин обладал железной волей, тем качеством, которое совершенно необходимо любому харизматичному лидеру. Он был последователен и непреклонен в достижении поставленных целей, не считаясь со страданиями, а порою и жизнями людей. Воздействие волевой личности Сталина на окружающих отмечали многие, в том числе и другой, не менее харизматичный и волевой национальный лидер – Уинстон Черчилль.

В своих мемуарах он описывает случай, когда в помещение, где уже находились он и

Ф.Рузвельт, вошел Сталин. Черчилль заранее настроил себя не подниматься с кресла, но под воздействием магнетического взгляда Сталина он непроизвольно поднялся и пошел ему навстречу.

В общении с народом Сталин придерживался мудрых пушкинских строк из “Бориса Годунова”:

*Не должен царский глас
На воздухе теряться по-пустому.
Как звон святой, он должен возвещать
Велику скорбь или великий праздник.*

Обращения И.В.Сталина к народу и стране были очень редкими, даже в суровые годы войны. Зато каждое выступление, устное или письменное, сразу же становилось событием не только государственного, но и международного масштаба, воспринималось с огромным вниманием и сразу же вызывало мощный общественный резонанс. Эти обращения всегда были лаконичными, легко усваивались теми, кому они были адресованы, и прочно откладывались в памяти народа.

Авторитет Сталина как вождя нации, особенно возросший в годы военных испытаний, во многом основывался на том, что он воспринимался как человек, полностью посвятивший себя служению великой коммунистической идее. А он был именно таким романтиком революции, глубоко убежденным в правоте и справедливости коммунистического учения и в благородстве вытекающих из него целей. Эта убежденность была настолько глубокой и бескомпромиссной, что стала его верой и религией. Вся биография Сталина подтверждает правоту такой оценки. Его революционные устремления не остановили ни тюрьмы, ни многократные ссылки, ни болезни, ни лишения.

Уже став единоличным руководителем огромного государства, с практически неограниченными правами и возможностями, он оставался чрезвычайно воздержанным и скромным в быту.

После его кончины не осталось никаких счетов в советских или иностранных банках, не осталось никаких личных особняков и драгоценностей, а гардероб поражает своей скромностью, граничащей с убогостью. Столь же требовательным был Сталин и к своим ближайшим родственникам.

К началу войны Сталин подошел с солидным политическим и экономическим опытом управления государством, с опытом военного руководства, приобретенным еще в годы Гражданской войны. И хотя этот военный опыт был специфическим, Сталин уже в Гражданской войне проявил способности стратегического мышления, умение увязывать чисто военные задачи с более широкими задачами – политическими и экономическими. Именно этот аспект приобретенного в те годы опыта военного руководства оказался важным для него в ходе Великой Отечественной войны несмотря на ее коренное отличие от Гражданской войны как своим характером, так и масштабами.

Таким образом, можно заключить, что в лице Сталина в начале Великой Отечественной войны страна уже имела лидера, подготовленного к выполнению миссии Верховного Главнокомандующего. И это была несомненная историческая удача.

В качестве другого примера для сопоставления полезно вспомнить, что в Великобритании с началом войны произошла вынужденная смена лидера государства. Великобритания встретила войну, когда премьер-министром этой страны был один из самых неудачных политиков прошлого века Невилль Чемберлен, прославившийся подписанием в Мюнхене капитулянтского договора с Гитлером.

За этим политиком закрепились многие прозвища, наиболее характерным из которых было “триумфатор безволия”. Такой человек не мог бы успешно руководить страной в военное время, поэтому вновь стал востребован после длительного отстранения от активной политической деятельности несомненно выдающийся лидер Уинстон Черчилль, которого по праву называли образцовым премьер-министром военного времени.

Здесь вполне уместно привести слова уже находившегося к этому времени в отставке бывшего премьер-министра Уинстона Черчилля, сказанные им 21 декабря 1959 г. в Палате общин в связи с 80-летием И.Сталина: “Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и полководец И.Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, с несгибаемой силой воли, резким, жестоким,

беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском Парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин, прежде всего, обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и периодов.

И.В.Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непоколебимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения.

Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержанным и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью.

Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом.

Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее оснащенной атомным оружием”.

Говоря о Сталине как о Верховном Главнокомандующем, нельзя обойти такие качества стиля его руководства, как решительность, четкость организации управления, включающей такие обязательные элементы, как жесткая требовательность и хорошо отстроенная система проверки исполнения решений. При этом жесткая требовательность подчас перерастала в жестокость по отношению к нерадивым руководителям.

Сталина боялись, и это факт. В условиях мирного времени страх, испытываемый перед руководителем – явление деструктивное, которое не может иметь ни морального, ни рационального оправдания. В условиях же военного времени, особенно в критических ситуациях, этот страх мог способствовать успеху дела и в этом смысле имеет основания быть оправданным в моральном отношении.

Для подтверждения этого, на первый взгляд, парадоксального утверждения уместно привести пример другого выдающегося полководца военного времени – маршала Г.К.Жукова.

Успех многих блестящих операций, проведенных под руководством Жукова, был обязан не только полководческим талантам маршала, но и его беспощадной жестокости и требовательности к подчиненным, которые при этом его уважали, доверяли ему, но в то же время, конечно, и боялись.

В описании личных качеств И.В.Сталина как Верховного Главнокомандующего нельзя обойти такое качество, как его личная храбрость. Смешно сегодня слышать из уст ниспровергателей нашей героической и славной истории о том, что в первые дни войны Сталин испугался, растерялся, не знал, что надо предпринимать, самоустранился от управления страной и Вооруженными Силами.

7 ноября 1941 г. я в составе только что сформированной 85 Морской Стрелковой бригады перед отправкой на фронт принимал участие в военном параде в Куйбышеве (сейчас г. Самара). На временной трибуне, сколоченной из неструганных досок, в полном составе стояло Правительство страны и ее неизменный “староста” М.И.Калинин.

Стояло все руководство страны, кроме И.В.Сталина, который перевел Правительство в Куйбышев, чтобы обеспечить устойчивое управление страной в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Сам же он оставался в подвергавшейся систематическим бомбардировкам Москве, на подступах к которой уже стояли немецкие войска.

Сталин хорошо понимал, что если бы он покинул Кремль и Москву, это могло бы быть расценено как демонстрация возможности сдачи Москвы наступающим фашистским войскам. И поэтому он продолжал оставаться в Москве в течение всей войны, вплоть до ее полного завершения.

В моих воспоминаниях четко отложилось, что даже в самые критические периоды войны, когда страна находилась на краю катастрофы, Сталин для нас был не только символом, но верой и надеждой на окончательную победу. Я понимаю, что такое отношение к Сталину и на фронте и в тылу было в значительной степени следствием тотальной пропаганды культа его личности. Это было не столько осознанным выражением или любовью, сколько верой. Эта вера во время войны носила черты религиозного фанатизма и в определенной степени заменяла религию.

Из уст современных политологов я много раз слышал о том, что клич “За родину, за Сталина!”, с которым солдаты на фронте шли в атаку, является пропагандистским клише, придуманным сталинскими пропагандистами, но я сам, как и многие мои фронтовые товарищи, много раз шел в атаку именно с этими словами.

Помню, как во время первой моей атаки при взятии безымянной сопки на Карельском фронте

в районе Ондозера я так надорвал голос, что в течение нескольких дней после этого разговаривал шепотом.

Не вдаваясь в то, насколько тогда было оправданным такое отношение к Сталину, в то же время следует признать, что оно имело место со стороны большей части фронтовиков и тружеников тыла и объективно играло в тех тяжелых критических условиях позитивную роль, так как являлось одним из важных факторов консолидации общества и мобилизации страны перед лицом нависшей над ней смертельной опасности.

Я должен коснуться и проблемы, по которой в последние годы ведутся острые дискуссии и в которую привнесено особенно много фальсификаций, а именно: утверждения о том, что страна не готовилась и не была готова к войне, что война явилась полной неожиданностью, далеки от истины и являются в корне ошибочными. В то же время эта проблема не столь проста, чтобы на нее дать однозначный ответ. Страна, безусловно, к войне готовилась. Причем вероятный противник в этой войне определен был вполне однозначно. В довоенное время в 90% советских школ в качестве иностранного изучался немецкий язык.

В стране велась широкая и весьма эффективная идеологическая пропаганда, нацеленная на подготовку к предстоящей войне. При этом были задействованы все инструменты и средства: радио, литература, кино, театральное искусство. Приоритетными целями этой пропаганды были воспитание патриотизма и готовности к обороне страны. Идеологическая работа велась на фоне отдельных ярких достижений, таких, как строительство Магнитогорского металлургического комбината, Беломоро-Балтийского канала, ДнепроГЭСа, Большого Ферганского канала, покорение Северного полюса, героические беспосадочные перелеты советских летчиков.

Важным направлением идеологической работы было военно-патриотическое воспитание. Возросла престижность военной профессии, что я мог бы отметить и на собственном примере.

Закончив в 1941 г. среднюю школу с “золотым” аттестатом (золотые медали были введены после войны), я имел возможность поступить в любой ВУЗ, но выбрал для себя Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф.Э.Дзержинского.

Важными направлениями подготовки к войне населения и особенно молодежи были массовое физкультурное и оборонное движение БГТО (“Будь готов к труду и обороне”) и ОСОВИАХИМ (Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству), а также учреждение знаков ГСО (“Готов к санитарной обороне”) и “Ворошиловский стрелок”.

Но одной из главных материальных предпосылок готовности к войне было создание в довоенные годы в аграрной стране, какой по сути была наша страна после революции 1917 г., мощной тяжелой и оборонной промышленности. До конца 30-х годов в СССР практически не было специализированной военной промышленности, а оборонные наркоматы появились лишь в 1939 г. Как справедливо отмечает В.Шлыков (Известия. 16 мая 2005), “секрет” успеха заключался в той системе мобилизационной подготовки экономики, которая была принята в конце 20-х годов.

При этом за основу была сознательно взята американская модель мобподготовки, делавшая ставку на оснащение армии вооружением, производство которого базировалось на использовании технологий, пригодных для выпуска и военной, и гражданской продукции. С помощью США были построены самые современные для того периода тракторные и автомобильные заводы, а трактора и автомобили конструировались так, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать для выпуска танков и самолетов.

В результате уже в 1938 г. СССР имел мощности по выпуску 35,4 тыс. танков, что стало основой массового производства в годы войны. Третий пятилетний план (1938–1942 гг.) предусматривал увеличение к 1943 г. мощностей до 60,7 тыс. танков в год. На имеющихся гражданских предприятиях достичь таких показателей было уже невозможно. Началось строительство военных заводов.

Такой же прогресс был достигнут и в производстве другой военной техники: самолетов, военных кораблей, артиллерии, минометов, стрелкового вооружения, боеприпасов.

И, несмотря на колоссальный урон от вторжения, советская промышленность смогла производить вооружений больше, чем германская.

Так, в 1941 г. СССР произвел танков в 2, а в 1942 г. в 6 раз больше, чем Германия. Красная Армия буквально задавила немцев танками. За годы войны она потеряла около 100 тыс. танков, в несколько раз больше, чем немцы, и, тем не менее, закончила войну, имея 35 тыс. танков, в полтора раза больше чем в начале войны (немцы начали вторжение в СССР с 3500 танками).

Все это сыграло решающую роль в том, что страна выдержала натиск самой мощной в мире механизированной фашистской армии, выстояла в длительной изнурительной войне и в итоге

добилась блестящей победы.

Однако, оценивая подготовку страны к войне в целом, необходимо отметить целый ряд серьезных проблем, которые в определенный период не были решены. Мы отметили выше, что страна интенсивно готовилась к войне, но, как обнаружилось, не совсем к той войне, которая совершилась. Не углубляясь в эту проблему, я хотел бы ограничиться следующими фактами.

Во-первых, это несоответствие профиля подготовки командных кадров характеру и задачам войны с массированным применением мотомеханизированных войск. Многие военачальники, в том числе и высокого ранга, вышли из кавалерии и слабо представляли себе особенности и характер современной войны. Им пришлось переучиваться “с колес”, преодолевая тяжелые потери и поражения.

Во-вторых, обнаружилась неадекватность структуры вооруженных формирований и состава вооружений Красной Армии реалиям начавшейся войны. В частности, явно не доставало танковых и, особенно, мотомеханизированных соединений, в то время как удельный вес пехотных (стрелковых) дивизий был неоправданно высок. Явным анахронизмом было также заметное число кавалерийских формирований в структуре Вооруженных Сил в начале войны.

И, наконец, недостаток вооружения, который остро ощутился в первые дни войны.

Приведу в подтверждение этого пример из личных воспоминаний.

В октябре 1941 г. закончилось формирование 85 Морской Стрелковой бригады, куда я был откомандирован с I курса Высшего военно-морского инженерного училища. Несмотря на привилегированный статус этого соединения, автоматами, причем старой конструкции (ППД), была снабжена только специальная рота автоматчиков и взвод разведки. Все же остальные бойцы бригады получили трехлинейные винтовки образца 1891 г. конструкции Мосина, извлеченные из каких-то старых arsenалов.

Говоря о роли И.В.Сталина в Великой Отечественной войне, нельзя обойти проблему внезапности нападения фашистской Германии на Советский Союз. Если в широком плане страна готовилась к войне, и готовилась достаточно фундаментально, то, как показали события, момент начала войны оказался для страны неожиданным. Многие понесенные в самые первые дни войны потери и поражения предопределили неблагоприятное развитие последующих событий на фронтах.

При этом вина за неподготовленность к внезапному нападению 22 июня 1941 г. обычно возлагается на И.В.Сталина, в распоряжении которого имелись данные агентурной разведки о точной дате предполагаемого немецкого нападения. Другие историки в оправдание Сталина объясняют этот факт тем, что Сталин в предвоенные месяцы получал множество противоречивых агентурных данных, из которых трудно было выделить достоверные.

На мой взгляд, это не может быть оправданием нашей неготовности к внезапной фашистской агрессии. Ответственность за неподготовленность Красной Армии, за многие тяжелые потери личного состава и боевой техники, за беспорядочное отступление должна быть возложена на руководство страны и лично на Сталина. Конечно, значительная часть вины ложится и непосредственно на военное командование, которое обязано было в инициативном порядке предпринимать необходимые превентивные меры с учетом реально складывающейся политической и оперативной обстановки, как это сделал, например, адмирал Н.Г.Кузнецов, сведя тем самым к минимуму потери Военно-морского флота в первые дни войны.

Мне, даже с позиции сегодняшнего дня, трудно судить о непосредственных полководческих способностях Сталина, о том, насколько профессионально он руководил вооруженными действиями Красной Армии как Верховный Главнокомандующий, но утверждения о том, что он руководил стратегическими операциями по глобусу, выглядят совершенно абсурдными и могут расцениваться просто как исторический анекдот.

Однако, не вызывает сомнений, что главные стратегические решения, определявшие ход и исход всей войны, принимались и утверждались лично Сталиным, а свидетельством их профессионализма, грамотности и обоснованности являются успехи наших войск в крупнейших операциях и победное завершение войны в целом.

В ряду выдающихся стратегических решений, реализованных в годы войны, необходимо отметить предпринятую по решению Сталина своевременную и беспрецедентную по масштабам эвакуацию многих промышленных предприятий из регионов предполагаемых военных действий на восток страны. При этом в кратчайшие сроки в тяжелейших условиях удалось ввести эти предприятия в строй и в дальнейшем последовательно увеличивать на них производство необходимого фронту вооружения и военной техники.

В то же время не все действия и решения Сталина в ходе войны можно считать

безошибочными. В качестве одного из таких спорных, по моему мнению, шагов было издание в июле 1942 г. знаменитого приказа Сталина № 227, в котором, в частности, предусматривалось создание штрафных рот, штрафных батальонов и заградительных отрядов.

Оглядываясь назад на уже отошедшие в историю фронтовые годы, я пытаюсь ответить себе на вопрос, выполнили ли штрафные роты и штрафные батальоны предназначенную им роль. С точки зрения человека, находившегося в самой гуще фронтовых будней, я могу с полной уверенностью сказать, что никакой заметной позитивной роли эти меры не сыграли. Перелом в войне должен был наступить и наступил в силу глубоких объективных обстоятельств, о которых сказано в многочисленных серьезных исследованиях истории Великой Отечественной войны.

Что касается заградительных отрядов, то, по моему глубокому убеждению, их присутствие не только не способствовало успеху дел на фронте, но и играло явно отрицательную роль. Нахождение хорошо экипированных и ухоженных бойцов заградительных отрядов под боком у опаленных порохом фронтовиков, нагруженных вещмешками, оружием и боеприпасами, кое-как одетых, с обмотками вместо сапог, вызывало негативные настроения, создавало ощущение раскола в войсках. Благо, что эти формирования просуществовали недолго и вскоре были упразднены.

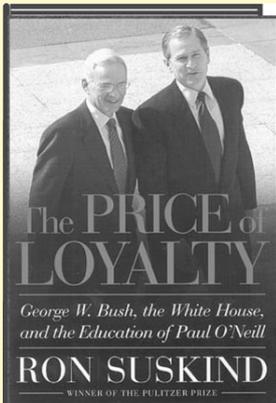
Мне кажется, приказ Сталина № 227 был в какой-то степени проявлением стресса и отчасти неуверенности, в которой оказалось руководство страны перед лицом неожиданных колоссальных территориальных и людских потерь, понесенных в течение первого года войны. Это был своеобразный психологический громоотвод в условиях, когда ничего более действенного в расчете на немедленную отдачу руководство предпринять не было в состоянии.

Я, конечно, не могу всесторонне оценить такую сложную, противоречивую и масштабную историческую личность, какой, несомненно, является И.В.Сталин.

Эту нетривиальную задачу может решить только история.

Цель моя много скромнее – довести восприятие личности Сталина лишь в плане оценки его роли в Великой Отечественной войне, причем с позиции современника Сталина, активного участника этой войны. Если мне удалось донести мое понимание личности Сталина и его роли в Великой Отечественной войне, то я бы считал свою задачу выполненной.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

“БУШ НЕ ВЗЛЮБИЛ САДДАМА С САМОГО НАЧАЛА”

А.Хазанов,

доктор исторических наук, профессор

В.Ушаков,

доктор политических наук

К.Марк

Среди многочисленных американских публикаций, раскрывающих подробности того, как в наше время делается политика в Вашингтоне, книга журналиста Wall Street Journal Рона Саскинда “Цена преданности” занимает особое место. Её выход в свет стал неприятным сюрпризом для Дж.У.Буша, готовившегося к решительной схватке с демократами в борьбе за пост президента США.

Чем же обусловлен тот общественный резонанс, который возник сразу после появления монографии на прилавках магазинов?

Почему реакция Белого Дома на её издание была крайне болезненной, вплоть до публичного обвинения автора в преднамеренном разжигании страстей?

Книгу действительно можно считать бомбой, подложенной под республиканскую администрацию на старте президентской гонки. В её основу легла судьба Пола О’Нила, известного экономиста, которого Буш пожелал видеть на посту министра финансов, а затем со скандалом отправил в отставку из-за несогласия с ним по вопросам налоговой политики. Касаясь пребывания О’Нила в президентской команде, автор не мог обойти стороной ряд горячих тем, в результате чего его монография была объявлен журналом “Forbes” бестселлером года.

О’Нил стал настоящей находкой для Р.Саскинда* отнюдь не только в плане предлога ещё раз обратиться к особенностям политической “кухни” Вашингтона. В силу своего служебного положения экс-министр имел доступ к такой информации, которой СМИ, как правило, не располагают. Опальный чиновник охотно предоставил автору свыше 19 тыс. документов, включая секретные стенограммы заседаний Совета Национальной Безопасности (СНБ). Кроме того, О’Нил поделился с журналистом своими личными впечатлениями, вынесенными из частых бесед с президентом и его советниками.

Факты, обладателем которых стал автор, были настолько шокирующими, что он в своей книге предпочёл воздержаться от каких-либо комментариев. Блестящий эссеист, Саскинд строит повествование в виде увлекательной хроники, освещая почти каждую неделю пребывания О’Нила на посту министра. Неторопливо знакомя читателей с работой государственного аппарата в 2001–2002 гг., автор заставляет их как бы самостоятельно прийти к мысли о том, что победа Буша на очередных президентских выборах будет подлинным бедствием для Америки.

Излагая жизнеописание своего героя, Саскинд, естественно, значительное внимание уделяет иракской теме. Откровения О’Нила, принимавшего участие в её обсуждении на заседаниях СНБ, демонстрируют несостоятельность объяснений президента, согласно которым свержение режима Хусейна оправдывалось защитой национальной безопасности США.

По мнению экс-министра, Буш был одержимым идеей войны с Ираком с момента прихода в Белый Дом, а не после событий 11 сентября 2001 г., как принято считать. Эта идея наряду с убеждением в необходимости тотального сокращения налогов являлась, по сути, “пунктиком” Буша (Р. 280). Выступая горячим сторонником концепции упреждения, он полагал, что война послужит хорошим уроком для других стран, настроенных на противостояние Вашингтону**.

О’Нилу идея превентивной войны с Ираком представлялась безумной, однако она находила отклик в окружении президента. Главным вдохновителем Буша на проведение агрессивной политики герой книги считал министра обороны Д.Рамсфелда. О’Нил ознакомил Саскинда с докладной запиской

главы Пентагона, полученной в январе 2001 г. и представляющей собой обоснование необходимости увеличения расходов на оборону. В ней Рамсфелд подчёркивал целесообразность всемерного использования военной мощи, чтобы убедить другие страны отказаться от каких-либо попыток бороться с гегемонией США^{***}. Журналист передаёт следующими словами то впечатление, которое произвёл на О'Нила данный документ: «Ключевым словом в нём было “убедить”. Употребление Рамсфелдом этого слова показывало, что он уже начал разрабатывать стратегию глобального наступления». Глава Минфина удивлялся: как может Америка убедить другие страны отказаться от враждебных намерений, если использует для этой цели лишь наращивание своих мускулов? (Р. 82)

О'Нил утверждает, что планирование вторжения в Ирак впервые было включено в повестку заседания СНБ 30 января 2001 г., то есть спустя всего 10 дней после инаугурации Буша. На этом заседании членам Совета предлагалось рассмотреть документ, подготовленный Пентагоном и озаглавленный “Зарубежные кандидаты на организацию добычи нефти Ирака”. В нём перечислялись компании из 30 стран, особо заинтересованных в разработке иракских месторождений. Подобный меморандум подготавливал разделение страны между крупнейшими корпорациями на своеобразные зоны ответственности, что, по замыслу Рамсфелда, предотвратило бы выступление мирового сообщества против американской оккупации Ирака (Р. 96).

Другой важный документ, который О'Нил показал Саскинду, представлял собой перечень вопросов, предназначенных для рассмотрения СНБ спустя 2 дня. В него, прежде всего, была включена проблема преодоления политической анархии в Ираке после отстранения Хусейна от власти (Р. 83).

Бывший министр особо подчёркивает, что активная подготовка военной кампании развернулась в феврале 2001 г. Именно тогда Буш поставил перед своей администрацией задачу разработать комплекс мер, призванных обеспечить демонтаж баасистского режима в кратчайшие сроки. Рамсфелду вменялось в обязанность рассмотреть возможности использования в боевых операциях местных повстанческих группировок из числа шиитов и курдов. Госсекретарь К.Пауэлл должен был подготовить проект более жёсткой системы санкций, направленной на окончательную экономическую и военную блокаду Ирака. Что касается самого О'Нила, то ему поручался анализ проблем, связанных с финансовым удушением режима Хусейна посредством давления на банки Иордании и Сирии (Р. 75).

Серьёзным препятствием на пути осуществления военной акции, как с сарказмом отмечает информатор Саскинда, стало отсутствие подходящего повода, делающего её легитимной. Члены СНБ испытывали определённые затруднения, когда речь заходила о формулировке официальной причины предстоящей оккупации Ирака. Рамсфилд цинично считал, что такой причиной вполне могло бы стать уничтожение какого-нибудь американского самолёта в одной из многочисленных стычек истребителей США и иракских ПВО. Его заместитель Дж.Вулфовиц, в свою очередь, предлагал организовать вооружённые выступления иракской оппозиции и на этом основании перейти к политике открытого вмешательства (Р. 96–97).

О'Нил был поражён тем, сколько энергии члены СНБ отдавали поиску предлога вторжения, руководствуясь лишь прихотью Буша. Заседания Совета проходили без всякого намёка на свободную дискуссию. Практически никто даже не задавал вопроса о законности планируемой операции. “С самого начала мы... искали способ устранения Хусейна. Всё фокусировалось на нахождении подобного способа. Именно таковым был общий настрой, когда президент говорил: «Обеспечьте меня возможностью сделать это»”, – вспоминает экс-министр (Р. 86).

Книга Саскинда содержит примечательные факты, убедительно показывающие то, что глава Белого Дома и его окружение меньше всего были заинтересованы в выяснении степени “продвинутости” Ирака в деле создания оружия массового поражения. Так, О'Нил стал свидетелем того, с какой жадностью члены СНБ набросились на расплывчатую фотографию иракского промышленного объекта, представленную директором ЦРУ Дж.Тенетом как изображение секретного химического завода. Министр финансов оказался единственным скептиком, заявившим, что данное фото нельзя рассматривать в качестве улики против Саддама. “Я видел много подобных заводов по всему миру, – заявил он своим коллегам. – Что именно заставляет вас полагать, будто он производит химическое оружие?”. После такой реплики Тенет стушевался и вынужден был сказать, что “не имеется исчерпывающей информации относительно того, какую продукцию выпускает завод”. При этом он заметил, что подозрения основываются на постоянной разгрузке на территории завода каких-то страных предметов, зафиксированной самолётом-разведчиком (Р. 72–73).

“За 23 месяца, проведённых в администрации США, я не видел ничего, что можно было бы назвать свидетельством наличия оружия массового поражения в Ираке. Были только догадки и голословные утверждения, что не имеет ничего общего с настоящими доказательствами”, – признаётся экс-министр журналисту^{****}.

Излагая жизнеописание своего героя, Саскинд пишет, что О'Нил больше всего возмущался реакцией советников Буша на любое проявление несогласия с их позицией в отношении Ирака. Все аргументы против войны разбивались о категорическое неприятие самой мысли, что иракскую проблему можно решить мирными средствами.

Среди идейных противников президента ведущее место занимал Пауэлл. Он выступал не только против вторжения в Ирак, но и за немедленное изменение режима санкций. Госсекретарь доказывал, что их ужесточение неизбежно приведёт к росту антиамериканских настроений среди иракцев и укрепит внутривластные позиции Саддама. Будучи сторонником выполнения резолюции СБ ООН № 1284, Пауэлл энергично противился силовому разрешению иракской проблемы. Он неоднократно говорил на заседаниях СНБ в феврале 2001 г., что проведение регулярных инспекций под эгидой МАГАТЭ в обмен на предоставление Ираку свободы импорта товаров народного потребления является единственно верным способом (Р. 74; 84).

Возражения Пауэлла были “гласом вопиющего в пустыне”. На одном из заседаний, когда он пытался обосновать необходимость смягчения санкций, Рамсфилд грубо прервал его: “Всё то, о чём Вы сейчас говорите – это, конечно, превосходно. Но на самом деле мы собрались здесь для того, чтобы обсудить ситуацию в Ираке после ухода Саддама ... Только представьте себе, что станет с Ближним Востоком, когда появится ещё один режим, ориентирующийся на американские интересы. Это приведёт к кардинальным изменениям в регионе и продемонстрирует миру всемогущество Соединённых Штатов” (Р. 85).

Подобные реплики, естественно, воспринимались Бушем с одобрением.

Книга Саскинда достаточно подробно рассматривает причины отказа Белого Дома от вторжения в Ирак непосредственно после трагических событий 11 сентября. Как известно из откровений представителей администрации, тесно общавшихся с президентом, Буш был намерен немедленно начать войну, используя в качестве прикрытия борьбу с международным терроризмом^{*****}. О'Нил указывает, что такая идея стала разрабатываться руководителями Пентагона уже в ходе экстренного заседания СНБ 12 сентября на военно-воздушной базе “Эндрюс”. Однако, несмотря на все настояния Рамсфелда, президент вынужден был согласиться с точкой зрения госсекретаря, который считал, что американский народ не поймёт мотивов войны с Ираком, когда у всех на устах лишь имя Бен Ладена (Р. 184).

О'Нил полагает, что сентябрьские события положили начало чёткому размежеванию в окружении Буша, прежде выступавшего единым фронтом в поддержку принятия безотлагательных мер по свержению режима Хусейна. В то время как одни политики (например, Тенет) предлагали немедленно переключиться на борьбу с “Талибаном” – покровителем “Аль-Каеды”, другие считали, что в центре внимания должен по-прежнему находиться Ирак.

Экс-министр предоставил Саскинду стенограмму выступления Вулфовица на заседании Совета 13 сентября. В ней подчёркивалась опасность увязания американских войск в афганском конфликте и одновременно делался упор на крайней непопулярности баасистского режима среди иракцев, якобы ожидавших со дня на день избавления от тирании. Отталкиваясь от своего более чем умозрительного анализа, Вулфовиц провозглашал: “Если, господин Президент, Вы хотите что-либо предпринять сейчас против Саддама, он целиком в Ваших руках!” (Р. 187–188).

О'Нил подробно поведал журналисту о своём впечатлении, какое произвели на него речь Вулфовица: “Я напряжённо обдумывал только что произнесённые слова. Мне казалось, что произошла какая-то нелепая подмена темы нашей дискуссии – Ирак никоим образом не связан с Бен Ладеном и не является причиной недавних потрясений. Невольно напрашивалось сравнение с книгой, в которую по небрежности переплётчика были вставлены страницы, не имеющие ничего общего с её содержанием” (Р. 188).

Проблема Ирака, отнюдь не была главной горячей темой, которую затрагивает Саскинд. Автор ставит своей целью ни больше, ни меньше как доказать несоответствие Буша занимаемому им посту американского президента. Журналист приводит тезис О'Нила, согласно которому Буш обладает качествами, делающими его абсолютно непригодным для исполнения обязанностей высшего должностного лица.

Прежде всего, О'Нил указывает на беспомощность президента в организации процесса принятия решений. Бывший министр поведал Саскинду множество фактов, свидетельствующих о том, что президент на заседаниях собственного кабинета ведёт себя как слепой среди глухих, то есть обнаруживает непонимание докладов своих подчинённых, в свою очередь пытающихся угадать, что взбредёт в голову боссу.

В частности, О'Нил стал свидетелем удручающей сцены, произошедшей на совещании Группы

планирования развития национальной энергетики (март 2001 г.). Участие Буша в дискуссии ограничилось лишь тем, что он “бросил несколько общих фраз и неопределённо кивнул головой”. О’Нил уже тогда пришёл к пониманию, что президент вряд ли способен играть конструктивную роль в формировании стратегии по тем или иным ключевым вопросам (Р. 148–149).

Саскинд указывает, что при отсутствии координирующего центра процесс выработки этой стратегии принял хаотичный характер^{*****}. Автор пишет: “О’Нил думал, что этот процесс зашёл в тупик, или, что его вообще не было; казалось, что не существовало аппарата, призванного определять политику и эффективно обсуждать её, а также обеспечивать согласованное руководство” (Р. 97).

Пассивность президента, как полагает О’Нил, во многом предопределяется его невежеством в тех сферах, в которых он обязан хорошо разбираться. Министр был потрясён, когда во время одной из бесед с Бушем обнаружил его полную неосведомлённость относительно текущих экономических проблем, например, определения таможенных тарифов на сталь. О’Нил впервые за долгие годы своей государственной службы столкнулся с тем, что президент просто не знал, что ответить собеседнику, изложившему свои предложения по укреплению национальной сталелитейной промышленности (Р. 57–58).

Вопиющая некомпетентность Буша, указывал Саскинд, опираясь на откровения своего героя, простирается и на область внешней политики. Следствием такой некомпетентности являлись многочисленные промахи, совершаемые президентом на дипломатическом фронте.

В качестве яркого примера подобных промахов можно привести выступление Буша перед южнокорейским лидером Ким Де Джунгом во время визита последнего в Вашингтон. Глава Соединённых Штатов подчеркнул, что готов соблюдать условия всех соглашений Америки с КНДР, чем вызвал замешательство своего коллеги, поскольку имелось лишь одно соглашение США с Пхеньяном – договор 1994 г. о замораживании северокорейской ядерной программы. О’Нилу, ставшему свидетелем непростительного “ляпа” Буша, пришлось приложить немало усилий, чтобы развеять недоумения Ким Де Джуна (Р. 114).

Саскинд и О’Нил подчёркивают, что безволие, некомпетентность и догматизм Буша фактически превратили его в марионетку своих ближайших помощников. Особое влияние на мышление президента оказывали известные неоконсерваторы Лоуренс Линдси, советник по вопросам экономики, и Карл Роув, глава отдела спичрайтеров. О’Нил приходит к печальному заключению: “Когда для многих в самой администрации стало очевидным, что её глава сдал свои полномочия другим, он уже находился в плену идеологических догм, являющихся отличительной особенностью мышления консерваторов”.

Публикация книги Саскинда вызвала настоящую бурю в политикоформирующих кругах США. Республиканцы обвинили О’Нила в попытке отомстить команде Буша за своё увольнение после того, как та восприняла в штыки его программу снижения налогов и реорганизации пенсионного обеспечения. “О’Нил лишь отыгрывается на Буше за свою неэффективность в качестве министров финансов”, – заявил сенатор Б.Ней.

В свою очередь, анонимный представитель администрации заметил, что обвинения О’Нила смехотворны. Дескать, его особо не слушали, когда он был министром, а сейчас и подавно никто не будет слушать. Наконец, министерство финансов сразу после выхода книги Саскинда в свет обвинило своего бывшего главу в разглашении государственной тайны.

Вместе с тем, в американской правящей элите имелось достаточно представителей, способных со вниманием отнестись к исповедям О’Нила. Республиканец Д.Кучинич публично признал значимость книги, заявив, что она открывает глаза американцам на суть войны с Ираком и лицемерие окружения Буша. Однако не только этими обстоятельствами объясняется столь резкое расхождение мнений в стане республиканцев.

Книга Саскинда является одной из немногих, которая подняла крайне животрепещущую тему, а именно – тему подчинения внешней политики Соединённых Штатов грубым идеологемам, подменившим собой беспристрастный анализ международной обстановки, что чревато далеко идущими негативными последствиями.

Suskind R. The Price of Loyalty. George W. Bush, the White House, and the Education of Paul O’Neill. N.Y. L.: Simon & Schuster, 2004. 352p.

Примечания

* Рон Саскинд приобрёл широкую известность в США благодаря своим талантливим публикациям, поднимающим самые болезненные проблемы американского общества. За свою книгу, посвящённую духовным исканиям студенческой молодёжи и также написанную в жанре хроники, журналист удостоился в 1995 г. Пулитцеровской премии.

** В книге Р.Саскинда отсутствует упоминание других мотивов вторжения в Ирак, которые в большей степени повлияли на решение администрации Буша начать военную кампанию, чем идея превентивной войны. См. Хазанов А.М. Войну против Ирака США задумали давно / Крушение саддамовского Ирака и реакция стран Азии. Сб. ст. под ред. Хазанова А.М., Мунчаева Ш.М. М., 2003. С. 2–3.

*** Целесообразно заметить, что в числе стран, представляющих, по мнению Рамсфилда, угрозу интересам США, наряду с Ираком, Ираном, Китаем и КНДР, названа Россия. Министр обороны подчёркивал, что эта угроза будет сохраняться до тех пор, пока данные страны имеют ядерное оружие или стремятся к обладанию им. Рамсфелд жёстко критиковал мягкотелость администрации Клинтона, в результате которой упомянутые государства получили возможность укреплять свою военную мощь, и рекомендовал увеличить военные статьи бюджета с 255 млн. долл. до 842 млн. (Р. 77; 82).

**** В этих признаниях особенно достаётся руководству ЦРУ. Саскинд передаёт реплику О'Нила о том, что президент был заинтересован в обвинении Хусейна и расстраивался, когда слышал о неспособности разведки добыть нужную информацию. Именно этим моментом объяснялось стремление Тенета постоянно подчёркивать, что “преступная деятельность” баасистского режима окутана глубокой тайной (Р. 161).

***** В этом отношении особенно ценным свидетельством являются мемуары Р.Кларка, помощника президента по обеспечению безопасности компьютерных сетей США. См.: Clarke R. A. Against All Enemies: Inside America's War on Terror. N.Y.: Free Press, 2004. P. 32.

***** В частых беседах с вице-президентом Р.Чейни О'Нил выражал обеспокоенность тем, что администрация уподобляется “детям, резвящимся на лужайке” (“kids rolling around on the lawn”), и старался убедить его в необходимости создания дополнительной структуры, вырабатывающей последовательную политику (Р. 98).

[СОДЕРЖАНИЕ]